

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»

На правах рукописи

ИГНАТЬЕВА
Екатерина Юрьевна

**СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ В ПРОЦЕССЕ
ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА**

Специальность: 12.00.01 –
теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор
Дорская Александра Андреевна

Санкт-Петербург
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. МЕСТО ОБЫЧНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА.....	24
1.1. Система источников права Российской империи в первой половине XIX века.....	24
1.2. Обычное право в трудах российских юристов середины XIX века...	39
1.3. Значение норм обычного права в процессе формирования отраслевого деления российского права.....	60
ГЛАВА II. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ.....	78
2.1. Теоретико-правовые основания судебного правотворчества.....	77
2.2. Проблема судебного правотворчества в Судебных уставах 1864 года	90
2.3. Деятели Судебной реформы 1864 года и их продолжатели о судебном правотворчестве.....	111
ГЛАВА III. СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ на примере применения правовых обычаев в делах по крестьянскому земельному, семейному и наследственному праву.....	136
3.1. Судебное правотворчество по земельным вопросам.....	136
3.2. Применение норм обычного права при разрешении судом наследственных дел.....	154
3.3. Применение норм обычного права в семейных вопросах.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	202

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	
Приложение 1. Правила, используемые по предложению М.М. Сперанского при разработке Свода законов Российской империи.....	223
Приложение 2. Данные по оправданным подсудимым судами присяжных в период за 1873-1881 годы	224
Приложение 3. Сведения о привлечении к дисциплинарной ответственности присяжных поверенных	225
Приложение 4. Основания Крестьянской реформы 1861 года.....	226

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется тем, что на современном этапе продолжается активный процесс реформирования правовой системы России. Изменения затрагивают как материальное, так и процессуальное право. Источниками правовой реформы в России являются и современные концепции развития правовой сферы, и отечественный опыт правового регулирования общественных отношений, и международно-правовые стандарты, и обращение к лучшим образцам зарубежного права.

Среди основных направлений реформирования можно выделить возрастание значения правового обычая как источника права и дискуссии о судебном правотворчестве.

Строительство в Российской Федерации демократического правового государства, предполагающее дальнейшее развитие институтов гражданского общества, обусловленное расширением самоуправления и широким участием в этом населения, прямо указывает на необходимость научного осмысления традиционных для российского правотворчества связей официального права с его общественными истоками и правовым разнообразием. В этой связи следует отметить, что с 90-х гг. XX в. правовые обычаи снова признаются источником права¹.

Относительно места обычного права в российской правовой системе мнения, в основном, сходятся. Например, в 2012 г. была внесена поправка в статью 5 Гражданского кодекса Российской Федерации, расширившая понятие «обычай делового оборота» до «обычая», позволяющая учитывать и торговые обычаи, и обычаи в предпринимательской сфере, и национальные

¹ Ботанцов, И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иоанн Владимирович Ботанцов. – СПб, 2017. – С.4; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. В ред. от 05.05.2014 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 32. – Ст. 3301; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федеральный закон от 3.04.1999 г. № 81-ФЗ. В ред. от 13.07.2015 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – 18. – Ст. 2207.

правовые обычаи различных народов России, и другие виды.

Вокруг же возможности признания судебного правотворчества, наоборот, не утихают споры. Обобщение различных точек зрения позволяет выделить две принципиальные позиции. Первая состоит в том, что правоприменительная природа правосудия исключает правотворческую функцию судебных органов. Так, В.В. Ершов отмечает, что суд может осуществлять не правовое, а лишь индивидуальное судебное регулирование¹. Вторая позиция строится на признании судебного правотворчества, однако затем мнения исследователей расходятся: одни считают, что данное явление можно отнести только к Конституционному Суду и Верховному Суду², другие – что ко всем судебным органам³.

Историко-правовая наука откликнулась на современные дискуссии. В частности, появились работы о судебном правотворчестве Судебных палат⁴, волостных судов⁵. Таким образом, обращение к дореволюционному опыту, особенно к периоду проведения Судебной реформы 1864 г., может помочь в осмыслении современных проблем. В настоящее время необходимо глубже исследовать, с одной стороны, устоявшиеся взгляды, а, с другой стороны, не являющиеся бесспорными те основополагающие понятия, которые относятся к судебному правотворчеству и практике волостных и мировых судов в России. Несмотря на значительный научный интерес к теоретико-правовым и практическим аспектам отечественного правотворчества, проблема судебного правотворчества в Российской империи в процессе применения норм обычного права не нашла своего глубокого рассмотрения в историко-правовых работах российских исследователей.

¹ Ершов В.В. Природа «позиций судов»: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2017. – № 12. – С.14.

² Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2004. – 18 с.; Чередниченко С.П. Судебное правотворчество: сравнительно-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 24 с.

³ Корнев А.В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С.18-19.

⁴ Сапунков А.А. Роль Судебных палат в судебном правотворчестве Российской империи второй половины XIX - начала XX века // Российский судья. – 2016. – № 4. – С. 59-63.

⁵ Безгин В.Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика // Российский судья. – 2009. – № 9. – С.40-44.

Наибольший интерес представляют волостные суды, которые с 1861 г. рассматривали дела крестьян, которые в то время составляли по разным подсчётам от 82 до 87 % населения Российской империи. Особенностью их деятельности было то, что при разрешении споров они руководствовались, в основном, не Сводом законов Российской империи, а местными правовыми обычаями. А поскольку представления о правовых обычаях существенно различались и очень часто под ними понимались просто обыкновения, а также в связи с тем, что волостные суды могли не знать обычаев всех селений постановлениями Правительствующего Сената 1891, а затем 1896 г. волостным судам было предоставлено право подтверждать или опровергать существование у крестьян того или иного обычая. Т.к. общероссийское законодательство не регулировало большую часть вопросов крестьянского землепользования, наследования в крестьянских семьях, части брачно-семейных вопросов, то получалось, что по существу волостные суды «творили правовые нормы».

Судебное правотворчество волостных судов в процессе применения норм обычного права стало для государства переходным этапом в реализации идеи перехода от регулирования общественных отношений в крестьянской среде обычаями к законодательному регулированию. Именно поэтому в начале XX века появилась концепция «крестьянского права», главными идеологами которой были К.Г. Абрамович и А.А. Леонтьев. Нерешённость данного вопроса мешала принятию Гражданского уложения, необходимость в котором уже чётко осознавалась и властью, и представителями науки.

Таким образом, для судебного правотворчества ценным является многолетний опыт его развития на основе общинной обычно-правовой системы в Российской империи XIX – начала XX веков, особенно со второй половины XIX века с проведения Крестьянской реформы 1861 года и Судебной реформы 1864 года, повлекших фундаментальные правотворческие системные новообразования, позволившие создать судебную систему,

легально использовавшую правовые обычаи народов и преодолевавшую формализм законов, возникавший в правовых ситуациях при осуществлении правосудия.

В теоретико-методологическом аспекте актуальным является определение соотношения в судебном правотворчестве опоры на обычное право и нормативно-правовые акты, а также практическое применение обычно-правовых норм в судебных процессах. Применение в судах норм обычного права выражало народную волю и сбалансированно защищало интересы личности, сельских коллективов и общества. При этом функционирование регуляторов обычного права не имело фиксированной формы, а значит, не было санкционировано со стороны государства, но охранялось от нарушений силой традиций.

Таким образом, для судебной системы России, имеющей значительные особенности в своем развитии, изучение судебного правотворчества второй половины XIX – начала XX веков в процессе применения норм обычного права позволит выяснить, какие историко-правовые формы нормативного регулирования возможно трансформировать в современное судебное правотворчество в соответствии с традиционным правосознанием россиян, что должно лучшим образом способствовать строительству российского демократического правового государства и расширению гражданского самоуправления.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблема развития судебного правотворчества в условиях применения в быту обычного права привлекала внимание исследователей, в основном, в дореволюционный период с начала XIX века, а также в современное время.

Постепенное понимание и принятие обычного права как первоосновы юридического развития в период до «Великих реформ» 1860-1870-х годов на первом этапе, до создания Свода законов Российской империи, происходило в борьбе различных правовых воззрений. Проблемы права, в основе которых

лежали философско-догматические приемы, разрабатывали в своих трудах А.А. Артемьев¹ и С.Е. Десницкий². Группа правоведов – И.Б. Стршемень-Стройновский³, Г.И. Терлаич⁴ и другие – обосновывала теологическое происхождение природного права. Теократического направления в исследованиях придерживались Г.Ф. Покровский⁵, который рассматривал законодательные акты как постановления Верховной власти, имеющей божественное происхождение. В.С. Филимонов⁶ и А.П. Куницын⁷ основывались на естественно-правовых идеях и выводили первоначальное право из природы человеческого разума. З.А. Горюшкин⁸, В.Г. Кукольник⁹ в качестве источника права рассматривали постановления простого народа, его нравы, обосновывали значение правовых обычаев для формирования законодательства.

С введением в действие Свода законов Российской империи и до «Великих реформ» российские юристы, стоящие на отличающихся идеологических позициях, но объединенные идеями исторической школы права, изучали обычно-правовые нормы и отмечали влияние обычного права на развитие законодательства. Ф.Л. Морошкин¹⁰ обращал внимание на значение изучения народных обычаев и судебной практики для развития

¹ Артемьев, А.А. Краткое начертание римских и российских прав, с показанием крупно обоих, равномерно как и чиноположения оных истории. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1777. – 198 с.

² Десницкий, С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежития // Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрании. – М.: Унив. Тип. У Н. Новикова, 1781. – 20 с.; Перепеч. в кн.: «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века». – М., 1952. – 1 т. – С. 268-286.

³ Стршемень-Стройновский, И.Б. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов: в 4 частях / перевод с польского В. Анастасевича. – 4-е издание. – СПб: Медицинская типография, 1809. – 295 с.

⁴ Терлаич, Г.И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России: в 2 ч. – СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1810. – 1 ч. – 114 с.; 2 ч. – 244 с.

⁵ Покровский, Г.Ф. Рассуждение о происхождении, постепенном ходе и некоторых чертах гражданских законов. – М.: Тип. Университетская, 1817. – 20 с.

⁶ Филимонов, В.С. Система естественного права. – СПб: Тип. Императорская, 1811. – 89 с.

⁷ Куницын, А.П. Право естественное. – СПб: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – 136 с.

⁸ Горюшкин, З.А. Руководство к познанию российского законоискусства, сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным: в 4 переплетах. – М.: Тип. Университетская, 1811-1816. – 1 переплет. – С. 1-348.

⁹ Кукольник, В.Г. Начальные основания римского гражданского права. Для руководства в преподавании оного на публичных курсах. – СПб: Медицинская типография, 1810. – 292 с.

¹⁰ Морошкин, Ф.Л. О постепенном образовании законодательства. – М.: Тип. Университетская, 1832. – 160 с.; Об Уложении и последующем его развитии. – М.: Тип. Университетская, 1839. – 87 с.

здорового юридического чувства и совести судьи. К.А. Неволин¹, А.М.Ф. Рейц² исследовали происхождение законодательств из особенного характера народа, правовое состояние которого всегда находится в тесной связи с прошлым, и признавали формами образования законодательства обычаи. Д.И. Мейер³ изучал условия, при которых обычай может стать источником позитивного права, рассматривал судебные обычаи как особый вид обычного права. С.В. Пахман⁴ исследовал логическую структуру институтов обычного права, их отклонения от общепринятых юридических взглядов. К.Д. Кавелин⁵, Н.В. Калачов⁶, С.И. Баршев⁷, П.Н. Даневский⁸ указывали в своих трудах на связь юридических норм обычного права с обыкновениями общественного и семейного устоев народа.

В трудах юристов периода «великих реформ», в большинстве применявших в исследованиях сравнительно-исторический метод, доказывалось особое значение народных юридических обычаев для развития законодательства (М.Н. Капустин⁹, Ф.И. Леонтович¹⁰, К.П. Победоносцев¹¹, А.А. Борзенко¹² и др.), обычай признавался источником права. При этом Н.Л. Дювернуа¹³, И.Г. Оршанский¹ В.Ф. Мухин² рассматривали правовые обычаи

¹ Неволин, К.А. Энциклопедия законодательства: по изд. 1839 г. / К.А. Неволин. – СПб: СПбГУ, 1997. – 400 с.

² Рейц, А.М.Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / перевод с немецкого Ф.Л. Морошкина. – М.: Тип. Университетская. – 1836. – 452 с.

³ Мейер, Д.И. Русское гражданское право, чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / под ред. А. Вицина – 3-е изд., испр. сообразно определениям новейшего законодательства. – СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. – 789 с.

⁴ Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 1 т. – 463 с., 1879. – 2 т. – 400 с.

⁵ Кавелин, К.Д. Государство и община / сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1296 с.

⁶ Калачов, Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 1 т. – С. 47-160.

⁷ Баршев, С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях: в 2 разделах. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 269 с.

⁸ Даневский, П.Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России. – СПб: Тип. И.Фишона, 1857. – 79 с.

⁹ Капустин, М.Н. История права // Временник Демидовского Юридического Лицея, ч. 1. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – Кн. 2. – С. 1-88; Кн. 3. – С. 89-240; 1873. – Кн. 4. – С. 241-271.

¹⁰ Леонтович, Ф.И. История русского права. – Одесса: Изд-во Императорского Новороссийского Университета, 1869. – Выпуск 1. – 154 с.

¹¹ Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / 4-е изд., с переменами и дополнениями. – СПб: Тип. Синодальная, 1892. – 794 с.

¹² Борзенко, А.А. Русское гражданское право // Временник Демидовского Юридического Лицея. – Ярославль: Тип. Губернской Земской Управы, 1874. – Книга 8. – С. 1-48; 1875. – Книга 9. – С. 49-134.

¹³ Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. – М.: Тип Университетская, 1869. – 419 с.

обычай источником наследственного права, а К.И. Малышев³ отмечал, что суд служит главным органом обычного права и аргументировал важность процесса перехода обычного права в судебную практику. К.Д. Кавелин⁴, В.И. Сергиевич⁵ и другие исследователи признавали реальностью функционировавший комплекс неписаных правовых норм, регулировавший правовые отношения в крестьянских общинах.

Исследовали вопрос применения российских правовых обычаев и иностранные авторы. М. Авенариус изучал процесс передачи научного европейского юридического знания в первой половине XIX в. российским юристам; Ф. Дж. Гис исследовал вопросы брачных и семейных отношений в жизни российских крестьян.

Достижением пореформенного периода являлось активное научное исследование вопросов о происхождении, развитии и функционировании обычного крестьянского права в разных направлениях быта и его соотношении с основными положениями законов. Вместе с тем, этот период не был отмечен глубокими аналитическими и сравнительно-правовыми исследованиями.

В советский период обычное право исследовалось фрагментарно и в основном определялось как сословное право. Глубоким исследованием по крестьянскому обычному праву стала монография В.А. Александрова⁶, в которой автор представил обычно-правовые установления, лежавшие в основе регулирования хозяйственной жизни, землепользования, семейно-имущественных отношений у крестьян. В числе других работ следует назвать

¹ Оршанский, И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб: Тип В. Безобразова и К^о, 1877. – 499 с.

² Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – 331 с.

³ Малышев, К.И. Курс Гражданского права. – СПб: Литография Боровкова, 1880. – 303 с.

⁴ Кавелин, К.Д. Государство и община / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1296 с.

⁵ Сергиевич, В.И. Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. – 1882. – 1. – С. 80-97; 2. – С. 213-240.

⁶ Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в.: монография / отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1984. – 256 с.

труды Г.В. Вернадского¹, Б.В. Виленского², С.Л. Зивса³, С.В. Мироненко⁴ и других авторов. Но историко-правовые вопросы применения норм обычного права второй половины XIX – начала XX веков глубоко не изучались.

Исследователи постсоветского периода историко-правовое изучение обычного права осуществляли, в основном, в направлениях узкопроблемных, региональных обзорных исследований. Изучению теоретических и историко-правовых аспектов обычного гражданского права посвящены труды А.Г. Алборово⁵, А.С. Коноваловой⁶); исследование аспектов, связанных с историко-юридическим процессом эволюции системы источников права, нашли свое отражение в трудах И.В. Ботанцова⁷, А.А. Дорской и И.Л. Честнова⁸; правовым обычаям, как истоку образования права и вида права посвящены труды О.В. Маловой⁹, И.Б. Ломакиной¹⁰; различные вопросы социально-правового механизма, историко-правовых оценок процессов организации и функционирования судебной системы и мировых судей реформы 1864 года отражены в трудах М.Г. Коротких¹¹, К.П. Краковского¹², С.В. Лонской¹³, В.А. Томсинова¹⁴; становление пореформенных мировых и

¹ Вернадский, Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.: (Период империи). – Прага: Изд-во «Пламя», 1924. – 168 с.

² Виленский, Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. – Саратов: Приволжское кн. Изд-во, 1969. – 400 с.

³ Зивс, С.Л. Источники права / АН СССР, институт государства и права. – М.: Наука, 1981. – 238 с.

⁴ Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

⁵ Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2007. – 210 с.

⁶ Коновалова, А.С. Обычное право в российской правовой жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коновалова Алевтина Сергеевна. – М., 2005. – 173 с.

⁷ Ботанцов, И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иоан Владимирович Ботанцов. – СПб, 2017. – 190 с.

⁸ Дорская, А.А. Эволюция системы права в России: теоретический и историко-правовой подходы: монография / А.А. Дорская, И.Л. Честнов. – СПб: Астерион, 2010. – 306 с.

⁹ Малова, О.В. Правовой обычай как источник права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Малова Ольга Владиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 187 с.

¹⁰ Ломакина, И. Б. Этническое обычное право : теоретико-правовой аспект : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01 / Ломакина Ирина Борисовна – СПб, 2005. - 368 с.

¹¹ Коротких, М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (сущность и социально-правовой механизм). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 240 с.

¹² Краковский, К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. – 2014. – 12. – С. 16-31.

¹³ Лонская, С.В. О дифференцированности статуса мирового судьи в судебных уставах 1864 года // Государство и право: теория и практика : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. В.П. Прокопьев. – Калининград: изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – С. 22-32.

¹⁴ Томсинов, В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. – 2015. – 2. – С. 22-40.

волостных судов в России второй половины XIX – начала XX вв. представлены в работах М.В. Немытиной¹, Н.И. Горской², Л.И. Земцова³; теоретические аспекты институализации волостных судов исследует М.А. Мельничук⁴; историко-правовые вопросы становления и развития судебного права отражены в трудах Н.Н. Ефремовой⁵; различные аспекты крестьянского быта, семейной жизни крестьян и осуществления правосудия в условиях сельской общины отмечены в трудах В.Б. Безгина⁶, Е.Ю. Зубковой⁷, А.Б. Каменского⁸; различные стороны вопросов землепользования в российском государстве XIX века – в трудах М.Н. Бондарь⁹; проблема законодательной легализации обычно-правовых норм во второй половине XIX века – в трудах Т.В. Шатковской¹⁰.

Вместе с тем, в современных юридических исследованиях пока не имеется специальных научных работ, посвященных развитию судебного правотворчества во второй половине XIX – начале XX веков в процессе применения норм обычного права, что обусловило выбор актуальной темы и проблематики данного диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе судебного правотворчества в России в пореформенный период в процессе применения норм обычного права.

¹ Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Немытина Марина Викторовна. – М., 1999. – 403 с.

² Горская, Н.И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860 – 1880-х гг.) // Российская история. – 2001. – 1. – С. 28-41.

³ Земцов, Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос ун-та, 2002. – 448 с.

⁴ Мельничук, М.А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мельничук Марина Александровна. – Краснодар, 2007. – 182 с.

⁵ Ефремова, Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в.: монография. – М.: РУДН, 2007. – 267 с.

⁶ Безгин, В.Б. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник ТГТУ, 2012. – 12 т. – 2. – С. 498-507; Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. – Тамбов: Тамб. технич. ун-т, 2012. – 124 с; Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. – 2005. – 3. – С. 152-157.

⁷ Зубкова, Е.Ю. Семейная жизнь крестьянина. – М.: ЭКСМО, 2005. – 229 с.

⁸ Каменский, А.Б. Повседневность крестьян. – М.: Дрофа, 2006. – 496 с.

⁹ Бондарь, М.Н. Земельное право России в XIX веке: вопросы землепользования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бондарь Мария Николаевна. – Саратов, 2010. – 171 с.

¹⁰ Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шатковская Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 596 с.

Предметом диссертационного исследования являются закономерности развития судебного правотворчества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков в процессе применения обычаев при рассмотрении земельных, семейных и наследственных дел.

Целью диссертационного исследования является исследование правотворческой деятельности волостных судов Российской империи второй половины XIX – начала XX веков в процессе применения норм обычного права или отказа от них.

В соответствии с целью определены следующие **задачи исследования**:

1) определить и охарактеризовать действовавшие в начале XIX века источники права, применявшуюся терминологию, систематизацию законодательного материала и классификации законодательных актов;

2) раскрыть основные особенности правовых направлений в исследовании обычного права начала XIX в. до создания Свода законов Российской империи; после введения в действие Свода законов Российской империи и до «Великих реформ» и периода «Великих реформ» 1860-1870 гг.;

3) определить основные факторы влияния норм обычного права на развитие российского законодательства, на формирование отраслевого деления права и основных сфер правового регулирования;

4) исследовать теоретико-правовые основания судебного правотворчества реформы 1864 года;

5) проанализировать основные проблемы судебного правотворчества в Судебных уставах 1864 года в условиях признания за обычаем силы закона и охарактеризовать правотворческую деятельность творцов и продолжателей дела Судебной реформы;

6) выявить особенности развития судебного правотворчества в России во второй половине XIX – начале XX веков в процессе применения норм обычного права на примере крестьянского земельного, семейного и наследственного права;

7) определить традиционные для российской судебной системы связи

официального права с его общественными истоками и выявить пути использования в Российской Федерации судебного правотворческого опыта при определении способов и условий досудебного разрешения правовых конфликтов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1861 по 1917 гг. Выбор обусловлен следующими мотивами: во-первых, действовавшие в начале XIX века источники права, большой массив разрозненных юридических актов представляли необходимые основания для дальнейшего упорядочения и развития правотворческой деятельности; во-вторых, в указанный период возникла настоятельная потребность в систематизации и закреплении всех собранных законодательных актов, регулирующих общественные отношения; в-третьих, происходило ускоренное накопление юридического материала, понимание значения для судебного правотворчества вопросов обычного права; в-четвертых, реформами 1860-х – 1870-х гг. была создана новая судебная система, судебные органы, осуществлена законодательная легализация правовых обычаев крестьян, принятая в качестве основания для развития пореформенного судебного правотворчества.

Географические рамки исследования включают материалы Архангельской, Витебской, Владимирской, Вятской, Казанской, Калужской, Новгородской, Орловской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Харьковской, Черниговской губерний.

Источниковая база исследования. Научный обзор источников, их природы и характера позволил выделить из них внутренние источники, непосредственно характеризующие аспекты судебного правотворчества в Российской империи в хронологической последовательности периода исторического развития XIX – начала XX веков в процессе применения норм обычного права, и внешние источники, интерпретирующие его субъективное восприятие оппонентами.

Нормативно-правовой базой послужили: опубликованное 19.02.1861

года «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», «Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий», Судебные уставы 20.11.1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны (части 1 и 2), Учреждение судебных установлений 1864 года, «О правах и обязанностях семейственных», правительственные узаконения и распоряжения органов государственной власти по вопросам устройства правового быта крестьян.

В исследовании использованы материалы судебной практики волостных судов и других судебных инстанций, применявших при осуществлении правосудия нормы обычного права, а также материалы, опубликованные в Трудах комиссии по преобразованию волостных судов; находящиеся на хранении в Российском государственном историческом архиве (фонды 91, 391, 560, 573, 1291, 1344, 1364, 1405), архиве Российского этнографического музея (фонды 1, 7).

В работе применены этнографические источники по обычному праву и судопроизводству волостных судов, собранные научными обществами, земствами под общим руководством Императорского Русского Географического общества, а также Императорского Общества любителей этнографии, антропологии и естествознания, этнографического бюро В.Н. Тенишева. Особенности вопросов, исследуемых в диссертации, обусловили необходимость обращения к мемуарным и публицистическим изданиям.

Методологической основой диссертационного исследования являются системно-правовой, проблемно-хронологический, комплексный подходы к анализу развития нормативных правовых актов судебного правотворчества, регулировавших судопроизводство, в котором применялись нормы обычного права.

С помощью хронологического метода последовательно раскрыты направления правовых исследований обычного права начала XIX в. до

создания Свода законов Российской империи, после введения в действие Свода законов Российской империи и до «Великих реформ» и периода «Великих реформ» 1860-1870 гг.

Дескриптивный метод позволил исследовать содержание важных источников обычного права.

Применение диалектического метода позволило выявить: 1) противоречие, заключающееся в применении изданных в дореформенное время взаимоисключающих нормативно-правовых актов, что порождало низкий уровень законности; 2) противоречие судебной практики, осуществлявшейся на основании принятых Судебной реформой 1864 г. юридических норм, нечетко прописанных или не прописанных вовсе.

Сравнительно-исторический метод помог определить основные факторы влияния норм обычного права на поэтапное развитие законодательства в Российской империи в XIX – начале XX века, провести анализ взаимодействия общегосударственного права и традиционного обычного права.

Использование сравнительно-правового метода позволило определить уровни развития российского законодательства с учетом применения норм обычного права в судебной системе в дореформенное время и применение этих норм в процессе их легализации Судебной реформой 1864 года.

Формально-юридический метод применялся при анализе судебного правотворчества и практического опыта применения норм обычного права пореформенными судами.

Был применен также метод ассоциативного эксперимента, нацеленный на выявление проявлений довлеющих стереотипов обыденного сознания российского населения и определения на этой основе противоречий в обществе.

Теоретической основой диссертационного исследования служат фундаментальные научные и монографические труды, диссертационные исследования, научные статьи отечественных и иностранных авторов по

проблемам судебного правотворчества в Российской империи, становления и развития судебной системы государства периода XIX – начала XX веков в процессе применения норм обычного права.

Диссертантом исследовались труды авторов периода, предшествовавшего «Великим реформам» 1860-1870-х годов, С.И. Баршева, Я.И. Баршева, И.Д. Беляева, П.Н. Даневского, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова, Н.И. Крылова, В.Н. Лешкова, Д.И. Мейера, К.А. Неволлина, С.В. Пахмана, Б.Н. Чичерина и других правоведов, повлиявших на укоренение обычного права в качестве источника права, и подготовивших основание для использования норм обычного права при разработке положений Судебной реформы.

Изучены труды российских юристов периода «великих реформ» 1860-1870-х годов, исследовавших большое количество древних источников права и их влияние на развитие правотворчества, различные аспекты использования норм обычного права при разработке российского законодательства и их применения пореформенными судами: А.А. Борзенко, А.Д. Градовского, Н.Л. Дювернуа, Н.М. Добротворского, М.И. Зарудного, Н.С. Илларионова, М.Н. Капустина, А.Ф. Кистяковского, И.В. Колюпанова, А.Ф. Кони, С.А. Котляревского, Ф.И. Леонтовича, А.А. Леонтьева, К.И. Малышева, В.Ф. Мухина, И.Г. Оршанского, К.П. Победоносцева, В.И. Сергеевича, В.А. Умова, И.Я. Фойницкого, В.Я. Фукса, О.А. Хауке, П.П. Цитовича, Г.Ф. Шершеневича, Е.И. Якушкина.

Исследованы труды ученых советского периода: В.А. Александрова, Г.В. Вернадского, Б.В. Виленского, С.Л. Зивса и др., изучавших обычно-правовое регулирование хозяйственной жизни, землепользования, семейно-имущественных отношений у российских крестьян.

Труды современных российских правоведов и юристов: А.Г. Алборовой, В.Б. Безгина, М.Н. Бондаря, И.В. Ботанцова, Н.И. Горской, А.А. Демичева, А.А. Дорской, В.В. Ершова, Н.Н. Ефремовой, Л.И. Земцовой, А.Б. Каменского, А.Г. Карапетова, С.В. Кодана, М.Г. Коротких, К.П. Краковского,

И.Б. Ломакиной, О.В. Маловой, М.А. Мельничук, М.В. Немытиной, В.А. Томсинова, Е.В. Царегородской, И.Л. Честнова, Т.В. Шатковской и других ученых посвящены исследованию различных историко-правовых вопросов применения обычного права в Российской империи, развитию источников права.

В то же время, информации исследованной научной литературы оказалось недостаточно, поэтому в диссертационной работе использовались архивные источники Российского государственного исторического архива, Российского этнографического музея, а также «первичные» и «вторичные» документы в целях максимального обеспечения доказательственной базы исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что предложено авторское определение судебного правотворчества в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков, основанного на применении судами норм обычного права или отказе от них. В научный оборот введены новые архивные источники из восьми архивных фондов Российского государственного исторического архива и двух фондов архива Российского этнографического музея. Судебное правотворчество волостных судов второй половины XIX – начала XX вв. рассмотрено как переходный этап в процессе перехода от регулирования общественных отношений в крестьянской среде нормами обычного права к законодательному регулированию, в результате которого возникла концепция крестьянского права. Показано, что судебное правотворчество способствовало преодолению сословного характера российского права во второй половине XIX – начале XX веков. Обоснована целесообразность применения термина «судебное правотворчество» в отношении деятельности волостных судов при применении норм обычного права по сравнению с «судейским правотворчеством». Раскрыто значение судебного правотворчества в формировании гражданского и семейного права как отраслей дореволюционного российского права. Рассмотрены противоречивые

тенденции государственной правовой политики по сохранению общинного уклада и развитию новых принципов судоустройства и судопроизводства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В первой половине XIX века отсутствовала сложившаяся система источников российского права, что было вызвано разнонаправленным влиянием различных правовых школ и концепций (естественного права, исторической школы права, позитивистского направления, церковно-правового (канонического) направления, философско-догматического направления), а также сословностью права, вследствие чего Свод законов Российской империи, в основном, регулировал отношения дворянства, а крестьяне жили в соответствии со сложившимися правовыми обычаями и религиозными нормами.

2. Серьёзное влияние на развитие источников российского права оказала Судебная реформа 1864 года, которая активизировала процесс систематизации местных правовых обычаев, а также их интерпретацию судебными органами, породила дискуссию о судебном прецеденте, как источнике права в России, и создала предпосылки для преодоления сословности источников российского права.

3. Вопросам обычного права в российской юридической науке второй половины XIX – начала XX веков уделялось пристальное внимание: организовывались экспедиции по изучению правовых обычаев, была создана Комиссия по преобразованию волостных судов. Несмотря на несомненные успехи, местные правовые обычаи не были должным образом обобщены, отсутствовали их систематизация и критерии определения, позволявшие отделить их от сложившихся обыкновений. Данную функцию реализовывали волостные суды, получившие право определять, является ли обычай правовым.

4. В связи с тем, что крестьяне, живущие, в основном, в соответствии с правовыми обычаями и религиозными нормами, составляли во второй половине XIX – начале XX веков 82-87 % российского населения, с обычным

правом, в основном, сталкивались волостные суды и отчасти мировые суды. В этой связи под судебным правотворчеством в процессе применения норм обычного права следует понимать особый вид деятельности судебных органов (прежде всего, волостных судов), направленный на обобщение и систематизацию правовых обычаев или отказ от них и выработку новой правовой нормы.

5. В пореформенный период на процесс правотворчества в России оказывал влияние начавшийся постепенный переход от сословной к ограниченной монархии, сопровождавшийся выделением судебной ветви власти, которая впервые в российской истории стала рассматриваться как независимая. Судебное правотворчество волостных судов являлось результатом либо обобщения сложившихся обыкновений и обычаев, либо отказом от них. Это обусловило развитие двухуровневого судопроизводства: общегосударственного и местного.

6. Правовые обычаи крестьянского населения существенно различались в разных губерниях и уездах Российской империи, поэтому судебные решения, основанные на применении правовых обычаев, их толковании и систематизации, способствовали унификации правового регулирования общественных отношений по вопросам землепользования, наследования и разрешения семейных споров и, в конечном счёте, формированию концепции крестьянского права.

7. В пореформенный период развивались две противоположные тенденции. С одной стороны, судебное правотворчество позволяло выработать единые подходы в разрешении земельных, наследственных и брачно-семейных споров. С другой стороны, государство вплоть до столыпинской аграрной реформы было не заинтересовано в разрушении крестьянской общины и разработке новых принципов законодательного регулирования отношений в крестьянской среде, основанных на судебной практике.

8. Судебное правотворчество при разрешении земельных, наследственных и брачно-семейных споров способствовало переходу вопросов семейного права из-под юрисдикции церкви к государству, и, в конечном счете, формированию гражданского и семейного права как отраслей права. Судебное правотворчество волостных судов пореформенного периода являлось переходным этапом в постепенном переходе от регулирования жизнедеятельности крестьян обычным правом к нормативно-правовому регулированию.

9. В связи с тем, что волостные суды работали коллегиально, термин «судебное правотворчество» является более предпочтительным для характеристики применения норм обычного права российскими судами пореформенного периода по сравнению с «судейским правотворчеством».

10. Судебное правотворчество в России может рассматриваться с историко-правовых позиций, а не только как новое явление современности. Опыт пореформенных судов должен быть учтён при современной разработке понятия судебного правотворчества.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в определении предпосылок, тенденций и обстоятельств применения норм обычного права волостными судами Российской империи или отказа от них; в выявлении закономерностей, основных направлений и особенностей отечественного судебного правотворчества второй половины XIX – начала XX века на примере крестьянского обычного земельного, семейного и наследственного права; в определении основных факторов, определяющих особенности влияния правовых обычаев и норм обычного права на развитие отраслевого права и законодательства в Российской империи; в обосновании применения норм обычного права в судебном правотворчестве, их влияния на формирование отраслевого деления права и выделения основных сфер правового регулирования.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в теоретико-прикладном потенциале исследования; фактические

и аналитические положения о применении в правотворчестве норм обычного права могут использоваться при составлении правовых актов при определении соответствия текста представлениям русского народа о справедливом правовом решении. Выявленные аспекты крестьянского правосудия могут способствовать выделению необходимого практического опыта сельской общины, который в настоящее время недостаточно используется при определении способов и условий досудебного разрешения правовых конфликтов. Закономерно использование обобщенного историко-правового материала применения норм обычного права в судебном правотворчестве в целях выявления оптимальных способов юридического воздействия на российских граждан, отвечающих их интересам и интересам государства. Возможно использование материалов и выводов исследования в образовательном процессе при преподавании учебной дисциплины истории государства и права России, а также теории государства и права; при проведении новых научных исследований в области применения в правотворчестве обычного права.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность проведенного историко-правового исследования обеспечивается системным подходом и использованием широкого спектра методов, применяемых в комплексе и целенаправленно на разных этапах работы, а также опорой на известные теоретические труды по тематике судебного правотворчества в Российской империи, использованием источниковедческой базы.

Апробация основных выводов исследования и научной позиции автора проходила в ходе обсуждения на Международных научно-практических конференциях «Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения» (г. Санкт-Петербург, 2018 г.), «Судебная правовая политика» (г. Санкт-Петербург, 2019 г.); публикаций в рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной

комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Также изложенные в диссертационном исследовании научные положения внедрены в учебный процесс Санкт-Петербургского университета МВД России, Ярославского филиала Академии труда и социальных отношений.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА I. МЕСТО ОБЫЧНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

1.1. Система источников права Российской империи в первой половине XIX века

В Российской империи в XIX веке в условиях самодержавия единственным субъектом законодательной власти продолжал быть император¹, воля которого творила закон. В то же время в рассматриваемый период в основных отраслях экономики происходило постепенное формирование капиталистического уклада, расширение товарно-денежных отношений, а особенностью зарождения новых классов являлось то, что их формирование происходило в рамках действующей сословной системы.

Возникшее принципиальное противоречие между феодально-крепостническими порядками, установившимися в Российской империи, и экономическими интересами зарождавшегося буржуазного общественного строя, в свою очередь, вело к обострению экономических и политических противоречий и возникновению напряженности в социальных общественных отношениях. На социальную структуру населения и на характер экономического развития государства влияли большие пространства страны, разнообразие природных, экономических и этнических условий.

Сложность и противоречивость экономической и общественной обстановки внутри государства обуславливали обострение классовой борьбы. Вместе с тем государство было заинтересовано в развитии торговых отношений и промышленности.

В такой обстановке значительно усилилась законодательная деятельность самодержавного правления. Это было продиктовано стремлением путем реформирования коренных основ самодержавия,

¹ Вернадский, Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.: (Период империи) – Прага: Изд-во «Пламя», 1924. – С.33.

государственного аппарата управления, а также другими необходимыми изменениями осуществить преобразования¹, направленные на разрешения сложнейших внутренних противоречий с сохранением и укреплением самодержавного правления в условиях проявляющихся в России новых тенденций социального общественного развития.

К началу XIX века законодательный материал составлял десятки тысяч документов. Юридические акты, изданные в разное время, считались действующими, при этом они часто повторяли, противоречили и взаимоисключали друг друга, иные уже не соответствовали новым общественно-политическим условиям. Законы, указы и другие юридические акты бессистемно хранились в различных рукописных архивных сборниках, книгах, изданных без учета хронологического порядка. При этом большинство из них не было известно государственным органам, судам, учреждениям, а также населению империи. Причиной являлось то, что юридические акты направлялись в соответствующие приказы и коллегии, которые их исполняли. Процесс массового информирования населения в этот период не был отработан, а только зарождался.

Перед непосредственным рассмотрением источников права Российской империи представляется уместным привести формулировку известного русского государственного деятеля, правоведа XIX века П.П. Цитовича, данную им в учении об источниках права: «Под источниками права понимаются те формы, в которых возникают, существуют, т.е. действуют, и прекращаются веления положительного права, и вне которых таких велений быть не может»².

Так, в начале XIX века в Российской империи действовали следующие источники права:

¹ Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – С.62.

² Цитович, П.П. Курс русского гражданского права / П.П. Цитович; т. 1: Учение об источниках права. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. – Вып. 1. – С.30.

1) соборное Уложение 1649 года и «новоуказанные статьи», дополняющие Соборное уложение как собрание действующих законов;

2) законодательство времён Петра I и его приемников. В период царствования императора Петра I было издано свыше 3500 законов¹, в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) представлено 3296 юридических актов²;

3) законодательство Екатерины II, в период правления которой было издано 6,5 тыс. законов³, в ПСЗРИ представлено 5948 юридических актов⁴;

4) законодательство Павла I⁵, в ПСЗРИ представлено 2253 юридических акта⁶;

5) большой массив законов сохранившегося допетровского законодательства, а также законодательства периода с 1725 по 1762 гг. (в ПСЗРИ представлено 6939 юридических актов⁷, в которые были внесены дополнения во времена правления Екатерины II и Александра I⁸, в период законодательной деятельности которого было издано 10822 акта⁹).

Большое количество юридических актов и в целом законотворческой деятельности в лице самодержавного монарха обуславливалось развитием и окончательным оформлением абсолютизма, а также выстраиванием Российской империи и её государственно-правовых институтов.

¹ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.16.

² Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С.388.

³ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.16.

⁴ Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С.388.

⁵ Солодкин, И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.) / И.И. Солодкин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – С.33.

⁶ Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С.388.

⁷ Там же. – С.388.

⁸ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.16.

⁹ Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С.388.

При этом применялись следующие основные формы законодательных актов:

– уложения, выполнявшие функцию правового регулирования широкого круга однородных общественных отношений. Известный государственный деятель М.М. Сперанский, участвуя в работе комиссии по систематизации законодательства Российской империи, признавал уложение как кодифицированный акт¹. В последующем наименование «уложение» будет применено в кодифицированных уголовных законах 1845, 1885, 1903 гг. При этом особым примером регулирования комплекса разнородных общественных отношений является соборное Уложение 1649 г.²;

– манифесты, предназначавшиеся всему населению и учреждениям государства и издававшиеся в особо важных случаях политической жизни страны. Манифест издавался от имени императора и значительно влиял на государственные устои и управляющие структуры, а также на быт общества³. Кроме этого Манифестами всем подданным Российской империи объявлялись важные и торжественные события императорской семьи, в том числе, восшествие на престол правителя государства и др.;

– указы, издававшиеся для правового решения различных значительных государственных проблем: создание, изменение или упразднение государственных органов, административного деления территории государства и т.д. Этой формой правового акта устанавливались или изменялись должности и их функциональное содержание; определялись, изменялись или отменялись юридические нормы. В рассматриваемом периоде развития российской государственности указ, как нормативно-правовой акт, являлся универсальной формой и мог представлять собой как закон, так и какое-либо административное правительственное распоряжение.

¹ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.19.

² Там же. – С.19.

³ Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII – начало XIX ст.) / В.Н. Латкин. – 2-е изд. – СПб: Изд-во Зерцало, 1909. – С.32.

Указы именные высочайшие издавались императором сенату по какому-либо конкретному вопросу, определенному должностному лицу. Кроме этого словесно объявлялись именные высочайшие указы, которые отдавались в высочайшем присутствии при пароле¹.

Указы, изданные сенатом, касательно применения императорских распоряжений по государственному управлению и в области законодательства, исполнялись также, как и высочайшие указы императора и объявлялись от имени монарха²;

– уставы – содержали правовые нормы, относящиеся к определенной сфере государственной деятельности, то есть уставами могли быть названы правовые акты и законы, в которых определялись основы организационной и правовой деятельности конкретных государственных и общественных учреждений и властных органов, то есть уставы осуществляли регулируемую функцию в различных отраслях общественной деятельности³. Например, уставы Воинский (1716), Морской (1720), Вексельный (1729), Благочиния или полицейский (1782) и т.д.;

– учреждения и образования, определявшие систему государственного управления на местах. Наименование «учреждение», как правовой акт, ввела императрица Екатерина II в целях учреждения новой структуры управления на местах и осуществления суда. Так, 7 ноября 1775 г. ею было обнародовано «Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи»⁴. Название учреждений присваивались законодательным актам, которые определяли организационные основания некоторых органов управления государством. Анализ содержания уставов и учреждений показывает, что эти правовые акты, в основном, применялись для регулирования публично-правовых общественных отношений;

¹ Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С.390.

² Юртаева, Е.А. История законодательства в России (XVIII – начало XX вв.): монография / Е.А. Юртаева. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С.310.

³ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.18.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – XXVII т. – № 14392.

– жалованные грамоты являлись правовым актом, посредством которого устанавливались права и определенные привилегии для лиц, осуществлявших важные государственные и общественные должности, а также жалованные грамоты могли издаваться в адрес определенных сословий и корпораций¹;

– регламенты как форма закона впервые были применены в период правления Петра I для установления основ организации, структуры, а также функций деятельности органа государственного управления, то есть эта форма закона в значительной степени имела учредительный характер и в этом напоминала устав². В регламенте отражались организационная структура учреждаемого государственного органа управления, его полномочия, порядок делопроизводства;

– инструкции – были введены Петром I. Они применялись в качестве правового акта, посредством которого устанавливался надлежащий порядок осуществления обязанностей определенным должностным лицом, а также органом государственной власти³. Постепенно, по мере укоренения применения инструкций, содержание такого правового акта свелось к отражению в нем обязанностей в соответствии с определенными должностями;

– указы – имели сходство с инструкцией, что подтверждается изданным в 1719 г. законодательным актом, названным «Инструкция или Наказ воеводам»⁴. Следует отметить документ Екатерины II «Наказ Уложенной комиссии», который, как отмечают известные ученые, не имел законодательного характера;

– артикулы как законодательно-правовые акты применялись Петром I в качестве определенных международных соглашений, сформулированных для

¹ Кодан, С.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года – первый проект российской конституции / С.В. Кодан // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2009 г. В 2 ч. – СПб: Астерион, 2009. – ч. I. – С. 290-294.

² Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – VI т. – № 3708.

³ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С.19.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – т. V. – № 3294.

непосредственного исполнения, а также включавших части статей определенных актов¹. Так, в 1714 г. Петром I были разработаны Артикулы воинские, которые при разработке в 1716 г. Воинского устава, вошли в него составной частью;

– табель как законодательный акт также был применен Петром I. Так, им в 1722 году был издан акт «Табель о рангах», в котором определены положения о государственной службе, установлен правовой статус государственных служащих, и осуществлено соотношение воинских званий и чинов гражданских²;

– положения представляли собой совокупность правил, определявших устройство, задачи и обязанности государственных учреждений, общественных организаций, а также права и обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных групп населения³;

– рескрипты – правовые акты в виде личного письма императора на имя высокопоставленного лица с выражением благодарности, объявлением о награде, возложенном на него поручении. Например, рескрипт Николая I об основах нового устройства учебных заведений (19 августа 1827 г.)⁴. Такое высочайшее повеление (указ) сопровождалось присвоением рескрипту номера;

– плакат (закон) «О сборе подушном и прочем», изданный в период правления Петра I в целях введения подушного налога в 1724 году. Закон положил начало паспортной системе в России. Так, крестьянин мог работать в границах уезда при наличии письменного «отпуска», выданного

¹ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4.– С.19.

² Ефремова, Н.Н. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII в. / Н.Н. Ефремова, И.А. Исаев, И.С. Штамм; отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – С.100.

³ Закономерности эволюции нормативных актов в России в XVIII – начале XXI века [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа:

https://studme.org/43696/istoriya/zakonomernosti_evolyutsii_normativnyh_pravovyh_aktov_rossii_xviii_nachale_xi_veka.

⁴ Корнилов, А.А. – Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М.: Изд-во Юрайт, 2017. – С.198.

помещиком или приказчиком. Работа в другом уезде разрешалась при наличии пропускного письма, оформленного на этого человека¹;

– мнения Государственного совета и высочайше утверждённые доклады, которые делались министрами или главноуправляющими непосредственно императору.

Применявшееся в Российской империи большое количество законодательно-правовых актов указывает на отсутствие понимания о необходимости их систематизации. Исследованные формы применявшихся актов не показывают полный их перечень, использовавшийся в рассматриваемом историческом периоде. В связи с этим приведём мнение известного юриста Г.Ф. Шершеневича, который считал, что в качестве форм права нужно считать, в том числе, акты, которые исходят от органов управления. К таким актам Шершеневич полагал необходимым отнести обязательные постановления и распоряжения административные, регламентировавшие правила деятельности подданных империи. Основную функцию этих актов ученый видел в исправлении недостатков², улучшении и развитии законов.

Необходимо отметить, что в исследуемый временной период в названиях законодательных актов часто встречались иностранные заимствованные слова-термины. Это обусловливается тем влиянием, которое оказывали известные к этому времени в России передовые источники иностранного права на развитие отечественного законодательства. В то же время в отечественном законодательстве следует отметить приверженность к применяемым традиционным формам законодательных актов³. Волею российских монархов возникали, с одной стороны, разнообразные нормы права, различные по своему характеру и значению. С другой стороны,

¹ Закономерности эволюции нормативных актов в России в XVIII – начале XXI века [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа:

https://studme.org/43696/istoriya/zakonomernosti_evolyutsii_normativnyh_pravovyh_aktov_rossii_xviii_nachale_xi_veka.

² Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. – т. 1-2. – С.372.

³ Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – С.20.

четкого юридического понимания различия между формами законодательных актов ещё не было, так как критерий юридической силы отсутствовал.

В научной литературе отмечают равную юридическую силу законодательных актов рассматриваемого периода, однако, по содержательно-функциональной стороне документа, которая часто отражалась в том числе и в названии, акты различались. Причиной является то, что все законодательные акты исходили от монарха.

Состояние применяемого законодательства в рассматриваемый период в целом негативно сказывалось на деятельности государственного аппарата, а также на утверждении законности в стране. В связи с этим Г.В. Вернадский говорил о необходимости в осуществлении кодификации всего накопившегося нового законодательного материала¹.

Попытки систематизировать большое количество нормативных актов неоднократно предпринимались со стороны правящих монархов. Создавались специальные комиссии по систематизации законодательства, работавшие с разной интенсивностью, прекращавшие и возобновлявшие свою работу. На плодотворной работе комиссий сказывались сложность процесса систематизации, влияние различных других объективных и субъективных факторов. При правлении разных монархов всего создавалось 10 законодательных комиссий².

Переломным периодом стала первая половина XIX века. Новый император Николай I обратил особое внимание на неустроенное положение правосудия в государстве. Он понимал, что надлежащая работа государственного аппарата может быть обеспечена при условии устранения противоречивости и нестабильности имеющегося законодательства, что

¹ Вернадский, Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.: (Период империи) / Г.В. Вернадский. – Прага: Изд-во «Пламя», 1924. – С.159.

² Сперанский, М.М. Обзорение исторический сведений о Своде законов / М.М. Сперанский. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – С.12-41.

порождало низкий уровень законности и явилось одной из причин восстания декабристов.

Можно утверждать, что в этот исторический период объективно возникла настоятельная потребность в сжатые сроки собрать все законодательные акты, упорядочить их и систематизировать. Настойчивость императора Николая I, который возложил общее руководство и главное управление по систематизации законодательства на известного государственного деятеля М.М. Сперанского, а также использование опыта и наработок предшествующей работы законодательных комиссий, позволили выпустить в 1830 г. ПСЗРИ двумя собраниями; Собрание I включало акты, изданные до 12.12.1825 г., а Собрание II включало акты, изданные после этой даты¹.

ПСЗРИ было построено в хронологическом порядке и включало 45 томов². Но для практической работы признавалось необходимым издание свода законов Российской империи, который содержал бы только действующие законодательные акты.

Свод законов был разработан в краткие сроки, акты располагались в тематическом порядке. Свод законов издавался одновременно с Полным собранием законов согласно правилам (приложение 1), которые предложил использовать М.М. Сперанский. Манифестом от 31 января 1833 года Свод законов был объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г. Все государственные и гражданские законы были изданы в восьми книгах, включавших 15 томов. Также в своде представлены законы и иные нормативные акты по состоянию на 01.01.1832 года³. Законы, изданные после этой даты, издавали по порядку книг свода с указанием на их статьи (размещались в ежегодном продолжении свода законов Российской

¹ Майков, П.М. О своде законов Российской империи / П.М. Майков; под общ. ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – С.6.

² Полное собрание законов Российской империи было не совсем полным изданием, так как некоторые акты в государственных архивах не удалось найти (архивы были в плохом состоянии). Отдельные акты не включались в издание по причине внешнеполитического секретного характера и по обстоятельствам чрезвычайной важности.

³ Сидорчук, М.В. Систематизация законодательства России в 1826-1932 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сидорчук Марина Викторовна. – Л., 1983. – С.123.

империи). Свод законов пополнился шестнадцатым томом «Судебные уставы» только в период Судебной реформы 1864 года.

Свод действующих законов, как систематизированный источник права, был первым юридическим изданием в России, объединившим в себе законодательные акты, находившиеся до этого в различных разрозненных источниках права. Вместе с тем современниками, государственными деятелями, учеными, а также самим главным участником создания Свода законов М.М. Сперанским указывались некоторые недостатки Свода.

Законы, принимавшиеся законодателем в разное историческое время развития государства, исходили из разных принципов. Это являлось объективной причиной недостатков Свода, к которым относили: явную громоздкость и определенную противоречивость нормативно-правовых актов, так как не во всех из них были сформулированы общие положения и правила, сохранялись многие устаревшие нормы, неопределённость формулировок и многословие. В литературе также указаны разнообразные примеры, свидетельствующие о недостатках в последовательности размещения в Своде законодательных актов¹.

При этом в силу объективных причин была избрана форма систематизации нормативно-правового материала путем объединения актов без изменения их содержания в Свод, где каждый из них имел самостоятельное юридическое значение².

В дальнейшем первое полное издание Свода законов Российской империи дополнялось в виде Продолжений Свода. В первом Продолжении Свода издали узаконения, принятые в 1832-1833 гг., а также поправки, которые были выявлены вторичной ревизией законодательных актов Свода³. Первое Продолжение состояло из 15 частей по числу томов Свода и вступило в силу с 01.01.1835 г. В результате значительная часть статей Свода в

¹ Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ружицкая Ирина Владимировна. – М., 2011. – С.167-168.

² Вид систематизации инкорпорация.

³ Блосфельдт, Г.Э. «Законная сила» свода законов в свете архивных данных / Г.Э. Блосфельдт; под общ. ред. В.А. Томсинова. – М: Зерцало, 2006. – С.110.

необходимом объеме была дополнена и заменена им соответствующими статьями Продолжения¹.

Порядок составления «продолжения к Своду на будущее время и о порядке изъяснений и дополнений законов при действии Свода»² и ряд правил издания, предложенные М.М. Сперанским 20.10.1834 года, послужили основанием для составления последующих Продолжений свода, издававшихся в течение шести лет с 1834 по 1839 гг. ежегодно. При этом очередные продолжения не охватывали законы со времени издания Свода законов, а содержали лишь узаконенное за год (1834, 1837 и 1838 годов). Издания 2-е (1835), 3-е (1836), 6-е (1839) включали в себя законы со времени издания самого Свода законов³.

Свод законов Российской империи в полном объеме издавался еще два раза, в 1842 г. (подлежало применению с 1 января 1844 г.) и в 1857 г. (подлежало применению с 1 января 1860 г.).

Во втором издании (1842) во многих томах и входящих в них уставах были сделаны необходимые дополнения и исправления, а также были включены новые законы⁴.

В третье издание (1857) были включены ряд уставов и учреждений, которые не размещались в предыдущих изданиях. Были включены в Свод, к примеру, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845) и Свод уставов счетных (1848)⁵.

Необходимо отметить в качестве источников права ряд законодательных актов, которые по соображениям секретности не включались в Полное собрание законов и не включались в Своды законов. Такие акты применялись в особенных областях права. Например, узаконения: по духовной части, Министерства иностранных дел, по государственному

¹ Майков, П.М. Второе Отделение Собственной его императорского величества канцелярии: 1826-1882. Исторический очерк. / П.М. Майков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С.193.

² Там же. – С.197.

³ Там же. – С.201-202.

⁴ Майков, П.М. О своде законов Российской империи / П.М. Майков; под общ. ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – С.104-106.

⁵ Майков, П.М. Второе Отделение Собственной его императорского величества канцелярии: 1826-1882. Исторический очерк. / П.М. Майков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С.381.

контролю, Своды военных и морских постановлений, а также управления почт, особенных уставов счетных, служивших руководством для тех управлений, для которых они были изданы¹ и другие.

В рассматриваемый период систематизации общегосударственного законодательства параллельно проводились работы по систематизации остзейских законов, которые отражали привилегированное положение местных слоев населения (дворян, духовенства и мещан). Были собраны древние законодательные акты на немецком, латинском, польском, шведском языках² и в 1845 г. изданы две части Свода местных узаконений. Первая часть включала Учреждения, вторая часть – Законы о состояниях. Позже была издана третья часть – Законы гражданские³. Кроме Свода остзейских законов разрабатывался проект Свода степных законов, который предполагалось применять для кочевых инородцев Восточной Сибири (принят не был).

Рассмотренные в исследовании основные источники права Российской империи, а также их применение, показали, что Россия вступила в XIX век с массой нерешённых проблем в государственно-правовой сфере. Именно юридическая сфера деятельности государства требовала серьёзной модернизации. В этот период определяются юридические составляющие государственной политики на имперском и региональном уровнях, реформируются центральные органы управления, реорганизуется судебное ведомство, предпринимаются попытки упорядочения системы российского законодательства, развивается подготовка государственных служащих и юристов. Основываясь на тех фундаментальных преобразованиях, которые были сделаны за относительно короткое историческое время, можно констатировать, что XIX век и особенно его первая половина были временем коренных преобразований в государственно-правовой сфере.

¹ Майков, П.М. Второе Отделение Собственной его императорского величества канцелярии: 1826-1882. Исторический очерк. / П.М. Майков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С.309.

² Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских [Электронный ресурс]. – СПб: Книж. торговля В.И. Клочкова, 1845. – С.210-211.

³ Там же. – С.214-215; 185.

Таким образом, исследование системы источников права Российской империи в первой половине XIX века позволило сделать следующие выводы.

К началу XIX века законодательный материал Российской империи составлял десятки тысяч разнообразных разрозненных несистематизированных документов.

В этот период объективно возникла потребность в сжатые сроки собрать законодательные акты, регулирующие общественные отношения, а также поддерживающее правовое положение самодержавной власти, упорядочить их, систематизировать.

Со стороны правящих монархов неоднократно предпринимались попытки систематизировать законодательный материал, для этого создавались специальные комиссии, работавшие с разной интенсивностью, прекращавшие и возобновлявшие свою работу.

Использование опыта деятельности этих комиссий, а также решительные меры, предпринятые императором Николаем I, в том числе, по привлечению деятельных государственных деятелей и юристов, позволили собрать в хронологическом порядке законодательные акты и издать в 1830 году Полное собрание законов Российской империи и затем ввести в действие с 1 января 1835 года Свод законов Российской империи, скомплектованный в тематическом порядке и включавший действующие законодательные акты, что было новым, прорывным явлением в развитии российского права.

Несмотря на серьёзные недостатки, систематизация источников права и издание свода законов имела эпохальное значение, так как послужило важной эволюционной ступенью в развитии российского правотворчества и положило начало систематическому научному изучению российского законодательства. В результате повысился уровень законности в регламентации деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, а также сформировалось устойчивое основание изучения российского права в учебных заведениях и подготовки юристов для различных видов государственной деятельности, что оказало

значительное влияние на развитие и становление российской правовой науки – развитие правоведения по теоретическому, отраслевому, прикладному и др. направлениям.

1.2. Обычное право в трудах российских юристов середины XIX века

В юридической литературе отмечается, что юридический обычай, формируемый на основе обычая, как нормы социальной, является одним из древних исторически сложившихся источников права, который использовался в отношениях между людьми наряду с законами. В период поиска, изучения и систематизации источников права в России и выявлении при этом серьёзных недостатков изданного Свода законов в историко-правовой литературе развернулись нарастающие по своей научной глубине обсуждения юридического обычая и обычного права, как одного из важных источников писанного права в процессе его кодификации.

Научному изучению обычного права в России послужило усвоение русскими юристами идей немецких ученых Ф.К. Савиньи (1779-1861)¹, Г.Ф. Пухты (1798-1846)² и других последователей исторической школы, обоснованной Савиньи в 1814 году в труде «О призвании нашего времени в области законодательства и юриспруденции». Научные труды именно этих двух ученых определили новую для того времени юридическую теорию в противовес господствовавшей естественно-правовой доктрине.

По инициативе М.М. Сперанского в Германии в 1831-1834 гг. была осуществлена подготовка российских стажёров-юристов Н.И. Крылова, братьев С.И. и Я.И. Баршевых, Н.Д. Иванишина, П.Д. Колмыкова, С.Н. Лешкова, И.В. Платонова, Д.И. Мейера и др., прослушавших юридические дисциплины курса, читавшегося Савиньи и его единомышленниками по основанной им исторической школе возникновения обычного права. Данное исследование заложило основы дальнейшего изучения обычного права и развития правоведения в России³.

¹ Савиньи, Ф.К. Обязательное право / Ф.К. Савиньи; перевод с немецкого В. Фукс и Н. Манро. – М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. – 582 с.

² Пухта, Г.Ф. Энциклопедия права / Г.Ф. Пухта; под ред. П.Л. Карасевича; перевод с немецкого Линденбратеном – 6-е издание. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – 99 с.

³ Будилов, В.М. Савиньи и становление Русского национального правоведения в первой половине XIX в. / В.М. Будилов // Правоведение. – 2014. – 3 (314). – С. 163-164.

Зачаточное состояние права, желание улучшить законодательство к всеобщему благу волновали умы мыслителей, правоведов и государственных деятелей конца XVIII – начала XIX в., которые основывали свои правотворческие идеи, воззрения на различных принципиально отличающихся позициях.

Состояние русского права в сравнении с западноевропейским, давало очень слабые перспективы быстрого приведения законодательства в соответствие с потребностями российского общества и государства. Поэтому представляется целесообразным, перед исследованием воззрений на обычное право российских юристов середины XIX века предварительно кратко рассмотреть юридические воззрения известных российских исследователей, ученых, профессоров на значение юридических обычаев и обычного права для правотворчества, отраженных в их трудах и послуживших основанием дальнейшего развития законодательства в Российской империи.

Профессор права, член Российской академии С.Е. Десницкий (1740-1789)¹ в своём творчестве, с одной стороны, находился под влиянием зарождавшейся в западноевропейских странах исторической направленности в исследовании права, отрицавшей естественное право, с другой стороны, стоял за правовую регламентацию общественных и государственных отношений².

Исследователь проблем правовой науки А.А. Артемьев (1748-1820) пытался осуществить разработку права, в основе которого лежали философско-догматические приемы³.

¹ Коркунов, Н.М. С.Е. Десницкий – первый русский профессор права // Журнал Министерства юстиции. – 1894. – 2. – С. 113-141.

² Десницкий, С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежития / С.Е. Десницкий // Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрания. – М.: Унив. Тип. У Н. Новикова, 1781. – 20 с.; Перепеч. в кн.: «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века». – М., 1952. – 1 т. – С. 268-286.

³ Артемьев, А.А. Краткое начертание римских и российских прав, с показанием крупно обоих, равномерно как и чинов положения оных истории / А.А. Артемьев. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1777. – 198 с.

Правовед, государственный и религиозный деятель, первый ректор Императорского Виленского университета И.Б. Стржемень-Стройновский (1752-1815) обосновывал теологическое происхождение права.

Юрист, профессор, проректор Демидовского училища Г.Ф. Покровский (1774 – после 1837) в рассуждениях о происхождении гражданских законов придерживался теократических взглядов, и ставил создание «новых человеческих установлений от божественного»¹.

В.С. Филимонов (1787-1858) в своем труде «Система естественного права» отстаивал логически-философское происхождение первоначального естественного права, а также приобретаемого естественного права.

Доктор философии Г.И. Терлаич (1766-1811) впервые в курсе лекций предпринял попытку систематизировать гражданское частное право Российской империи². Законовед И.В. Васильев (1801-1831), один из первых исследователей русского права, рассматривал законы как постановления Верховной власти, и потому они являлись общеобязательными для всех подданных, и в своих трудах раскрывал причины возникновения законодательных актов и их последующие изменения³.

Юрист-практик, преподававший в Московском университете, З.А. Горюшкин (1748-1821) в «Руководстве к познанию российского законоискуства» первым из отечественных исследователей указал на нравы народа как на источник права: «закон всегда основывается на народном умствовании», законы «суть через то является соединенная воля народа»⁴, и первым ввел в преподавание права исторический элемент, опередив этим распространение идей западноевропейской исторической школы права.

¹ Покровский, Г.Ф. Рассуждение о происхождении, постепенном ходе и некоторых чертах гражданских законов / Г.Ф. Покровский. – М.: Тип. Университетская, 1817. – С.2.

² Терлаич, Г.И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России: в 2 ч. / Г.И. Терлаич. – СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1810. – 1 ч. – 114 с.; 2 ч. – 244 с.

³ Васильев, И.В. Новейшее руководство к познанию российских законов: в 2 ч. / И.В. Васильев. – М.: Тип. Университетская, 1826. – 1 ч. – 213 с.; 1827. – 2 ч. – 184 с.

⁴ Горюшкин, З.А. Руководство к познанию российского законоискуства, сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным: в 4 переплетах / З.А. Горюшкин. – М.: Тип. Университетская, 1811-1816. – 1 переплет. – С.7.

Ученый, педагог В.Г. Кукольник (1765-1821)¹ также рассматривал одним из видов писанного права «постановления простого народа»².

Российский юрист, профессор и декан Московского университета Л.А. Цветаев (1777-1835) в своих трудах развитие правовых знаний связывал с развитием общества, с внимательным отношением «к народной морали»³. А юрист, литератор В.В. Вельяминов-Зернов (1784-1831) в научном труде «Опыт начертания российского гражданского права» указывал на значение правовых обычаев в формировании законодательства⁴.

Юрист, профессор А.П. Куницын (1783-1840), преподававший в Царскосельском лицее, обосновывая естественно-правовые идеи, в своем творчестве первоначальное право выводил из природы человеческого разума: «права первоначальные суть неотчуждаемы и неотъемлемы», и здесь же «все свободные деяния человека зависят от прав первоначальных»⁵.

Таким образом, на основании рассмотренных выше воззрений ученых и исследователей правовых вопросов в историческом периоде начала XIX в. до создания Свода законов Российской империи, можно условно выделить следующие основные правовые направления:

– философско-догматическое, к которому отнесём творчество А.А. Артемьева⁶ и С.Е. Десницкого⁷;

¹ Кукольник, В.Г. Начальные основания римского гражданского права. Для руководства в преподавании оного на публичных курсах / В.Г. Кукольник. – СПб: Медицинская типография, 1810. – 292 с.

Кукольник, В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права / В.Г. Кукольник. – СПб: Тип. Сенатская, 1813. – 240 с.

² Кукольник, В.Г. Начальные основания римского гражданского права. Для руководства в преподавании оного на публичных курсах / В.Г. Кукольник. – СПб: Медицинская типография, 1810. – С.5.

³ Цветаев, Л.А. Начертание теории законов / Л.А. Цветаев. – М.: Тип. Университетская, 1816. – 377 с.

⁴ Вельяминов-Зернов, В.В. Опыт начертания российского частного гражданского права: в 2 ч. / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1814. – 1 ч. – 218 с.

⁵ Куницын, А.П. Право естественное / А.П. Куницын; под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – С.41.

⁶ Артемьев, А.А. Краткое начертание римских и российских прав, с показанием крупно обоих, равномерно как и чиноположения оных истории / А.А. Артемьев. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1777. – 198 с.

⁷ Десницкий, С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития / С.Е. Десницкий // Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрании. – М.: Унив. Тип. У Н. Новикова, 1781. – 20 с.; Перепеч. в кн.: «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века». – М., 1952. – 1 т. – С. 268-286.

– теологическое и теократическое (представим условно объединенной позицией) – И.Б. Стршемень-Стройновский¹; Г.Ф. Покровский²; Г.И. Терлаич³ и И.В. Васильев⁴;

– естественного права, представляющее разные позиции исследователей. Так, В.С. Филимонов⁵ естественное право выводил из «естественно-свойственного» закона «Практического разума» данного человеку свыше, а А.П. Куницын⁶ естественное право понимал, как первоначальное право, вытекающее из природы человеческого разума и основанное на справедливости и определенном равноправии;

– направление, предвещавшее развитие исторической отечественной школы, к которому, по нашему мнению, можно отнести правовые воззрения учёных З.А. Горюшкина⁷; В.Г. Кукольника⁸; В.В. Вельяминова-Зернова⁹ и в определённой степени Л.А. Цветаева¹⁰, отстаивавшего применение в правотворчестве «народной морали».

Следующей важной основой дальнейшего становления российского права явилось освоение западноевропейского законодательства, впитавшего в себя устои римского права, а также обучение российских юристов в Европе. Помимо английской, французской и итальянской научных школ особая роль в развитии законодательства в это время принадлежала немецкой

¹ Стршемень-Стройновский, И.Б. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов: в 4 частях / И.Б. Стршемень-Стройновский; перевод с польского В. Анастасевича. – 4-е издание. – СПб: Медицинская типография, 1809. – 295 с.

² Покровский, Г.Ф. Рассуждение о происхождении, постепенном ходе и некоторых чертах гражданских законов / Г.Ф. Покровский. – М.: Тип. Университетская, 1817. – 20 с.

³ Терлаич, Г.И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России: в 2 ч. / Г.И. Терлаич. – СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1810. – 1 ч. – 114 с.; 2 ч. – 244 с.

⁴ Васильев, И.В. Новейшее руководство к познанию российских законов: в 2 ч. / И.В. Васильев. – М.: Тип. Университетская, 1826. – 1 ч. – 213 с.; 1827. – 2 ч. – 184 с.

⁵ Филимонов, В.С. Система естественного права / В.С. Филимонов. – СПб: Тип. Императорская, 1811. – 89 с.

⁶ Куницын, А.П. Право естественное / А.П. Куницын; под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 162 с.

⁷ Горюшкин, З.А. Руководство к познанию российского законоискусства, сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным: в 4 переплетах / З.А. Горюшкин. – М.: Тип. Университетская, 1811-1816. – 1 переплет. – С. 1-348.

⁸ Кукольник, В.Г. Начальные основания римского гражданского права. Для руководства в преподавании оного на публичных курсах / В.Г. Кукольник. – СПб: Медицинская типография, 1810. – 292 с.

Кукольник, В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права / В.Г. Кукольник. – СПб: Тип. Сенатская, 1813. – 240 с.

⁹ Вельяминов-Зернов, В.В. Опыт начертания российского частного гражданского права: в 2 ч. / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1814. – 1 ч. – 218 с.

¹⁰ Цветаев, Л.А. Начертание теории законов / Л.А. Цветаев. – М.: Тип. Университетская, 1816. – 377 с.

юридической школе, которая в том числе занималась исследованием исторических юридических истоков образования германского государства и была отражением специфических условий немецкого общественного развития.

Важной мерой явилась отправка М.М. Сперанским нескольких групп будущих русских юристов для совершенствования образования в Берлин, к Ф.К. Савиньи (немецкая историческая школа), которая позволила получить подготовленных профессоров для российских университетов и развития исследовательской научной деятельности в сфере юриспруденции. Созданные условия способствовали воспитанию российских юристов, ученых-исследователей права, правоведов, педагогов. Начала издаваться юридическая литература европейского уровня на русском языке, авторами которой были молодые отечественные ученые.

На ведущие позиции выходят исследователи, применявшие исторический метод, который позволял изучать действовавшее российское право, имевшее древние исторические корни, в основании которых лежали народные правовые обычаи как нормы права, установленные самим обществом и постепенно выделившиеся в форму обычного права.

Рассмотрим какое значение имело обычное право для развития правотворчества в трудах российских юристов исследуемого исторического периода. Для этого исследуем воззрения правоведов в период после введения в действие свода законов Российской империи, характеризовавшийся упрочнением авторитета юридической исторической школы и затем в период развития практической юриспруденции во время «Великих реформ» 1860-1870-х годов.

В трудах российских ученых-правоведов с исторических позиций исследуются роль юридических обычаев и обычного права, укореняется понимание обычного права как источника права и его влияния на судебное правотворчество. В результате юридическая наука получила импульс развития в направлении постепенного сужения догматического и

практического направлений. Проанализируем воззрения известных ученых, юристов на обычное право в рассматриваемое историческое время.

Профессор Московского университета Ф.Л. Морошкин (1804-1857) в своих трудах¹ показывал стремление к философскому обобщению исторических поучений общественного характера, а также обращал внимание на значение изучения обычного права и судебной практики, на созидательный смысл «общего здравого юридического чувства и совести судьи»². В труде «Об Уложении и последующем его развитии» Ф.Л. Морошкин писал: «Право живет в народных обычаях...»³.

В это же время в Дерптском университете исследовали русское право профессоры И.Ф.Г. Эверс (1781-1830)⁴ и А.М.Ф. Рейц (1799-1862)⁵, преподававшие на немецком языке, которым уже были известны выводы западноевропейской юридической исторической школы, – они использовали новые методы исследования. В 1836 г. Ф.Л. Морошкин осуществил перевод книги А.М.Ф. Рейца «Опыт истории государственных и гражданских законов», в которую внес значительные примечания, указания и добавления. Профессоры Эверс и Рейц использовали исторический метод при изучении правовых обычаев русских славян и положили «начало господства теории родового быта»⁶.

Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук И.М. Снегирев (1793-1868) в своем творчестве искал сближения с русским народом, стремился понять мировоззрение крестьян. И.М. Снегирев писал, что в условиях постепенного перехода народов от родового строя в объединенное гражданское общество и образование государственного

¹ Морошкин, Ф.Л. О владении по началам российского законодательства / Ф.Л. Морошкин. – М.: Тип. Университетская, 1837. – 237 с.

² Нечаев, В.М. Морошкин, Федор Лукич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 19А (38) т. – С.875-876.

³ Морошкин, Ф.Л. Об Уложении и последующем его развитии / Ф.Л. Морошкин. – М.: Тип. Университетская, 1839. – С.16.

⁴ Эверс, И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс; перевод с немецкого Д. Языкова. – СПб: Тип. Штаба Отд. корп. вн. Стражи, 1835. – 442 с.

⁵ Рейц, А.М.Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А.М.Ф. Рейц; перевод с немецкого Ф.Л. Морошкина. – М.: Тип. Университетская. – 1836. – 452 с.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1899. – 26А (52) т. – С. 481-960. – С.522.

устройства проявляется необходимость в создании письменных законов, но и на этом уровне законодательство продолжает черпать в нравах и обычаях народных «свои основные путеводные идеи, свою верную опору»¹.

Юрист-правовед, профессор К.А. Неволин (1806-1855), один из создателей юридической науки в России², в «Энциклопедии законоведения» (1839-1840) делит все законы на естественные и положительные, показывая при этом как они изменяются под влиянием времени и обстоятельств. Он доказывал, что при исследовании происхождения права нужно исходить из «видимых» начал; та часть законодательств «которая может быть познана непосредственно умом, и сама по себе имеет обязательную силу, независимо от общественного постановления – законы естественные»³. При этом идея законодательств в положительных законах, по его мнению, образовывается, как одной из составляющих, «от особенного характера народа, степени его развития, исторических отношений к другим народам, вообще от действия причин временных и местных»⁴.

К.А. Неволин доказывал, что «сначала законодательство образуется посредством обычаев», так как «простота всех отношений» позволяет человеку находить «приличное решение»⁵; влияние на развитие законодательства «есть необходимость историческая. Жизнь каждого народа развивается в необходимом порядке», так как «настоящее состояние народа всегда находится в теснейшей связи с прошедшим»⁶.

¹ Снегирев, И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древнего и среднего периода русской народной жизни / И.М. Снегирев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором. – М.: Тип. Университетская, 1842. – 2 т. – С.263.

² Неволин, К.А. История российских гражданских законов: в 3 т. / К.А. Неволин. – СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1851. – 1 т. – 456 с.
Полное собрание сочинений К.А. Неволлина. Энциклопедия законоведения [Электронный ресурс] / К.А. Неволин. – СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – 530 с. – Режим доступа: <http://bookree.org/reader?file=735427&pg=532>.

³ Полное собрание сочинений К.А. Неволлина. Энциклопедия законоведения [Электронный ресурс] / К.А. Неволин. – СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – С.42.

⁴ Там же. – С.42.

⁵ Там же. – С.49.

⁶ Там же. – С.45.

Рассматривая происхождение и постепенное образование законов со стороны их форм К.А. Неволин следует исторической школе, совмещая ее с естественно-правовой теорией.

Правовед, профессор и декан Московского университета Н.И. Крылов (1807-1879), специализировавшийся на римском праве, в своих суждениях стоял на позициях исторической школы юриспруденции. По его мнению, закон служит «отголоском народных верований, общим видимым центром, в котором сливаются убеждения»¹.

Правовед, историк К.Д. Кавелин (1818-1885), занимавшийся вопросами возникновения и преемственности развития процессуального законодательства², отмечал, что право и суд издревне «покоились на обычном праве»³. При этом участники судебного процесса целовальники, лучшие люди были «вещатели народных обычаев, органы обычного права»⁴. В дальнейшем по мере усиления письменного законодательства и ослабления обычного права «в судах крестьянских участие старост и целовальников удержались гораздо далее потому, что тяжбы крестьян продолжали пещаться на основании обычного права»⁵.

По его мнению, древнейшую обычную форму судопроизводства «законодательство только определило и юридически установило его внешнюю, формальную сторону»⁶.

К.Д. Кавелин, наиболее широко исследовавший в 1840-1860 гг. проблему обычного права, его юридические нормы связывал с обычкновениями общественного и семейного устоев народа⁷. Он пытался

¹ Крылов, Н.И. Об историческом значении римского права в области наук юридических / Н.И. Крылов. – М.: Тип. Университетская, 1838. – С.8.

² Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Современник. – 1847. – 1 т., Кн. 1., Отд. 2. – С. 1-52.

³ Кавелин, К.Д. Государство и община / К.Д. Кавелин; сост., предисл., комент. В.Б. Трофимова; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – С.251.

⁴ Там же. – С.251.

⁵ Там же. – С.251.

⁶ Там же. – С.302.

⁷ Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Современник. – 1847. – 1 т., Кн. 1., Отд. 2. – С.37.

объяснить особенности правовых норм на разных исторических этапах развития государства причинами семейного и бытового характера¹.

Профессор истории русского права, член Санкт-Петербургской академии наук, сенатор Н.В. Калачов (1819-1885) в своих трудах² исследовал юридические источники и объяснял связь древних законов с более поздними. В статье «О Судебнике Царя Иоанна Васильевича» он показал, что «законодательство нашего отечества развивалось путем органическим»³, сохраняя преемственность поколений. В имеющихся письменных памятниках законодательства он видел развитие во времени исходных «законных» древних начал. Необходимо отметить, что Н.В. Калачов внес большой вклад в исследования обычного права народов, населявших Российское государство, по его настоянию в Уставе гражданского судопроизводства в статье 130 было узаконено применение судами обычного права⁴.

Ученый-юрист, профессор Я.И. Баршев (1807-1894), его брат правовед-криминалист, профессор и декан Московского университета С.И. Баршев (1808-1882) вопросы права также исследовали с позиций исторической школы. Так, С.И. Баршев в своих трудах утверждал, что надежда только лишь на законодательную волю в деле формирования права характерна для естественно-правовых теорий, приносит вред науке и «противоречит истории и опыту»⁵. С.И. Баршев обращал внимание ученых на связь уголовного правотворчества с бытовыми условиями жизни крестьян.

¹ Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Современник. – 1847. – 1 т., Кн. 1., Отд. 2. – С.44.

² Калачов, Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н.В. Калачов // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1847. – 3 – отд. 1. – С. 1-128; 4, С. 1-80.

Калачов, Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича / Н.В. Калачов // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 1 т. – С. 47-160.

³ Калачов, Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича / Н.В. Калачов // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 1 т. – С.52.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1895. – 14 (27) т. – С.7.

⁵ Баршев, С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях: в 2 разделах / С.И. Баршев. – М.: Тип. Университетская, 1841. – С.4-5.

Необходимо отметить, что на воззрения братьев Баршевых влияло богословское образование, которое они изначально получили. Поэтому С.И. Баршев выступал за связь права с христианской религией и нравственностью¹.

Я.И. Баршев разграничивал в своих юридических работах понятия «право» и «религия», в отличие от брата. Опираясь в своей правотворческой деятельности на источники обычного права, он утверждал, что законодательство должно максимально конкретно отражать юридические аспекты жизни народа.

Правовед, профессор П.Н. Даневский (1820-1892), один из деятелей судебной реформы 1864 г., исследовавший историю образования источников местных законов России² (Остзейских губерний, Бессарабской области, прежней Грузии, источники законов и отчасти обычаи разных народов, подвластных России), в своем творчестве обращал внимание на исследование практики «из судебных обычаев, сохранившихся в судебных протоколах»³ с тем, чтобы этот юридический материал использовать при разработке законов. Проблемой являлось то, что в таком обычном праве действуют «обычаи семейные, родовые, еще не возведенные на степень положительного, ясного закона»⁴.

П.Н. Даневский в качестве способа действий учета обычного права прибалтийских губерний отмечал, что при составлении свода местных узаконений губерний Остзейских (1845) решено было узаконить ряд норм обычного права в случае их не противоречия государственным законам Российской империи.

Юрист, профессор Д.И. Мейер (1819-1856), уделявший изучению источников обычного права серьезное внимание, в труде «Русское

¹ Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – СПб: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – С.98.

² Даневский, П.Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России / П.Н. Даневский. – СПб: Тип. И.Фишона, 1857. – 79 с.

³ Даневский, П.Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России / П.Н. Даневский. – СПб: Тип. И.Фишона, 1857. – С.29.

⁴ Там же. – С.76-77.

гражданское право», изданном по запискам слушателей после его преждевременной кончины, писал: «юридические воззрения народа, содержащиеся в себе гражданское право, отражаются в обычае и законе. В этом смысле можно говорить о них, как об источниках гражданского права»¹.

Ученый подробно рассмотрел общепринятое мнение 1820-х годов немецкого юриста Г.Ф. Пухты, придерживавшегося следующей точки зрения: «содержащееся в обычае юридическое воззрение не создается соблюдением, а только познается из него»². Д.И. Мейер убеждал, что нельзя «безусловно принимать теорию Пухты» – в ней есть недостатки, в то время, как обычай может стать источником права при наличии определенных условий, одно из которых является содержание в обычае юридического воззрения, многократного и длительного проявления данного воззрения в действительности.

Подводя итог своим рассуждениям, он утверждал, что по истечении времени законодательная власть может преобразовать судебные обычаи в законы³.

Д.И. Мейер одним из первых так объемно, ясно и всесторонне обосновал содержание обычного права, его роль в законотворчестве и его значение в судебном правотворчестве. Значение трудов русского ученого для развития гражданского права было велико, так как ни один труд по русскому гражданскому праву в рассматриваемое историческое время не избежал его влияния⁴.

Юрист, профессор, сенатор С.В. Пахман (1825-1910), стоявший на позициях формально логической, догматической юриспруденции, в основательном труде по русскому обычному праву, по мнению современников, пытался институты обычного права, отклоняющиеся от

¹ Мейер, Д.И. Русское гражданское право, чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / Д.И. Мейер; под ред. А. Вицина – 3-е изд., испр. согласно определениям новейшего законодательства. – СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. – С.17.

² Там же. – С. 17-18.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 18А (36) т. – С.951.

общепринятых юридических взглядов, подчинить определенной логической структуре, так как полагал, что их воздействие на быт крестьян осуществляется от чисто внешних факторов¹.

Ученый, рассматривая истоки обычного права, указывал на динамичность права и на то, что обычное право, с одной стороны, обладает определенной стойкостью по сравнению с писанным законодательством, с другой стороны, не остается в абсолютной неподвижности и тоже, с течением времени, изменяется и развивается².

Сторонник теории органического происхождения и преемственного развития законодательства, Пахман, исследуя формирование института судебных доказательств, пришел к выводу о преемственности развития процессуального законодательства³, и обращал внимание на такой источник изучения обычного права, как решения волостных судов.

Юрист, профессор, декан Московского университета В.Н. Лешков (1810-1881), представитель «славянофильского» направления в отечественном правоведении, занимавшийся государственным устройством и благочинием, т.е. полицейским правом, и применявший в исследованиях исторический метод, в понятие общественное право включал все вопросы «благочиния» и показывал, что проблемы формирования установительного и охранительного законодательства возможно решать, только опираясь на юридические обычаи. В подтверждение этого утверждения приведем ряд его мыслей. Так, в указанном выше труде, он писал, что «Только обычаи да народные поверья, иногда предрассудки служили руководительными правилами»⁴.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1898. – 23 (45) т. – С.58.

² Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1879. – 2 т. – С.20.

³ Пахман, С.В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии / С.В. Пахман. – М.: Тип. Университетская, 1851. – С.1, 35.

⁴ Лешков, В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до конца XVIII века / В.Н. Лешков; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С.47.

Ученый рассматривал в судебном правотворчестве законы «установительные» и законы «охранительные», которые в системе общественного права составляют род законов процессуальных.

Историк, юрист, профессор Московского университета И.Д. Беляев (1810-1873), принадлежавший по своему научному направлению к славянофильской школе, в своем творчестве¹ поддерживал развитие научного направления самобытного происхождения и преемственного развития законодательства. Ученый стоял на позициях, что общество в развитии должно опираться на свои законы, создававшиеся поколениями и отражающими в себе историческую жизнь народа.

Правовед, философ, профессор, член Санкт-Петербургской академии наук Б.Н. Чичерин (1828-1904), представитель «государственной школы» в русской историографии, в труде «Опыты по истории русского права» при обзоре исторического развития сельской общины в России в своих заключениях утверждал, что сельская община была «устроена правительством»², так как общины «жили всегда на землях частного владельца, князя или другого лица, на основании договоров о владении»³. Ученый отмечал, что в исследуемом им вопросе, еще в последней четверти XVIII века «в нравах сохранились еще обычаи и выражения, напоминающие древний родовой быт»⁴.

Таким образом, рассмотрев воззрения выдающихся правоведов-ученых в исторический период после введения в действие Свода законов Российской империи и до «Великих реформ» можно сделать обобщения о том, что российские юристы, стоящие на отличающихся идеологических позициях, использовали в своих исследованиях в том числе исторический подход, изучали бытовавшие тогда обычно-правовые нормы и отмечали влияние

¹ Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства [Электронный ресурс] / И.Д. Беляев. – М.: Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. – 728 с. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/bookreader/book53011/#page/22/mode/1up>.

² Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. – М.: Тип. Э. Барфкнехта, 1858. – С.57.

³ Там же. – С.92.

⁴ Там же. – С.58.

юридических обычаев и обычного права в целом на развитие законодательства в государстве; показывали, что судебное правотворчество в крестьянских судах осуществлялось на основании обычного права.

Произошло признание юридического обычая одним из источников писанного права, при этом историки-правоведы расходились во мнении на степень влияния обычного права на формирование законодательства. Исследователи в области гражданского права утвердили идею о том, что правовые обычаи выступают регуляторами повседневной деятельности крестьянской общины и семьи.

Учёные, впитавшие в себя многие новые для того времени научные идеи и подходы открыли и исследовали большое количество древних источников права, их влияние на развитие правотворчества. Происходило ускоренное накопление юридического материала, понимание роли юридических обычаев, значения для судебного правотворчества обычного права, что способствовало осмыслению, распространению и критическому использованию достижений в последующем исследовательском опыте. Интенсивное развитие российской юридической науки позволило представить обществу лучшие образцы юридического творчества мирового уровня.

Рассмотрим исследования отечественных юристов по обычному праву периода «Великих реформ». Известный правовед М.Н. Капустин (1828-1899 гг.), представлявший историческую школу, выделял в истории развития права три основных периода: донациональный, национальный, и право народов цивилизации европейской он сформулировал как национально-общий¹. Ученый указывал на значение обычного права в жизнедеятельности людей и полагал, что «моменты бытия права» отражаются в законодательной деятельности народа, при этом «внешняя история права отождествляется с историей юридических памятников»², а без изучения юридических

¹ Капустин, М.Н. История права / М.Н. Капустин // Временник Демидовского Юридического Лицея, ч. 1. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – Кн. 2. – С. 1-88; Кн. 3. – С. 89-240; 1873. – Кн. 4. – С.32.

² Там же. – С.3.

памятников «невозможно сознательное отношение к институтам, их критическое понимание». Обосновывая свою мысль, он утверждал, что общий характер права отражается в созданных кодексах, в обычном праве, в толкованиях и мнениях юристов»¹. Профессор М.Н. Капустин, убеждая в необходимости научного подхода к развитию права, утверждал, что обычное право выступает определенными формами отношений, «уважение к которым поддерживается преданием и переходит из рода в род»².

Исследуя национальные особенности обычного права, он пристально изучал заимствования обычаев юридических, используемые у других народов, так как, по его мнению, этот процесс оказывает значительное влияние на развитие народной цивилизации. М.Н. Капустин обосновал вывод, что «каждое право было выражением своего времени и приготовлением к дальнейшему развитию»³.

Ф.И. Леонтович (1833-1911 гг.), ректор университета Новороссийского, исследовал право славян, русское и русско-литовское обычное право, в труде «История русского права» указывал на недостаточность современных работ по русскому праву. Ученый отметил устойчивость у славян обычного права, а также оказываемое им влияние на формирование законов. Он выявил, что с течением веков сфера обычного права очень медленно ограничивалась: «обычай постепенно уступал место закону, удерживал за собою в течении всей древней истории значение вспомогательного источника права»⁴, то есть обычное право действовало в течении всей древней истории и претерпевало незначительные изменения. Определенные изменения происходили при создании источников права письменных. Леонтович указывал, что «самый обычай только с петровских реформ окончательно перестает влиять на ход развития русского права»⁵. В то же время он

¹ Капустин, М.Н. История права / М.Н. Капустин // Временник Демидовского Юридического Лицея, ч. 1. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – Кн. 2. – С. 1-88; Кн. 3. – С. 89-240; 1873. – Кн. 4. – С.3.

² Там же. – С.17.

³ Там же. – С.32.

⁴ Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Изд-во Императорского Новороссийского Университета, 1869. – Выпуск 1. – С.105.

⁵ Там же. – С.106.

заявляет, что «в одном лишь русском законодательстве можно проследить непрерывное развитие славянского права»¹.

К.П. Победоносцев (1827-1907 гг.), государственный деятель и юрист, придерживавшийся взглядов консервативно-охранительного направления, принимал участие в комиссиях, которые разрабатывали проекты судебных реформ 1860-х гг. В своих исследованиях он в качестве начальных источников рассматривал истоки русского права, а также юридические обычаи и юридические памятники. Для темы исследования представляет также интерес труд ученого по судебному правотворчеству «Сборник правил, положений и примеров...»², который был принят современниками в качестве судебного руководства. Победоносцев в своих трудах показывал, что закон должен быть единственно опорой для лиц, осуществляющих правосудие.

Научно-юридические исследования К.П. Победоносцева фундаментально опирались на историко-юридические реалии правовой культуры русского народа.

Профессор Н.Л. Дювернуа (1836-1906 гг.) в своем труде «Источники права и суд в Древней России» Н.Л. Дювернуа отмечал, что народный обычай, в качестве формы правовых взглядов и представлений, проявляется как наиболее приближенный к сознанию народа, так как исходит изначально из духа народа.

Дювернуа и другие исследователи отмечали правотворческую силу обычаев. Учёный обращал внимание, что, сравнительный анализ положений о наследстве московских и новгородских завещаний XV века с прописанными в Русской Правде, а также в бессудной Мстиславской грамоте, ясно показывает, что проявляется другая деятельная сила (сила обычаев), дающая развитие праву.

¹ Там же. – С.107.

² Победоносцев, К.П. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету кассационных департаментов сената / К.П. Победоносцев. – СПб: Печатьня В. Головина, 1872. – 553 с.

Юрист, цивилист К.И. Малышев (1841-1907 гг.), применявший в исследованиях сравнительно-исторический метод, в труде «Курс гражданского права» обосновал, что обычное право – это «совокупность индуктивных юридических выводов из действительного строя гражданских отношений в какой-нибудь сфере гражданского общества»¹.

Он предложил рассматривать в обычном праве народную форму (или общественную), а также формы – судебную и научную. В ходе исследования судебной формы он показывал: если быт народа вырабатывается вне суда, то «выводы из него юридических понятий в особенности о частных правах и точная формулировка этих понятий развивается преимущественно в судебной практике, а вместе с тем суд служит главным органом обычного права. До тех пор, пока закон не установит общих норм быта, суд, естественно, руководится обычаями народа и в решениях его выражаются народные понятия о праве. Путем судебной оценки и повторения они постепенно определяются и принимают более и более точные формы»². К.И. Малышев доказывал значительность происходящего процесса трансформации права обычного в практику и правотворчество судебное.

Определяя задачу юридической науки при исследовании обычного права, он указывал, что она заключается «в собирании его [обычного права] материала. На первом плане стоят здесь судебные решения и группировка юридических выводов», что позволяет составлять «своды судебной правды»³.

А.А. Борзенко (1847-1915 гг.), юрист, правовед, в своих научных работах, с одной стороны, применял сравнительно-исторический метод, а, с другой стороны, выявлял и показывал изъяны исторической школы. Так, в работе «Русское гражданское право» А.А. Борзенко отмечал, что понимание обычного права состоит «в приведении односторонностей школ

¹ Малышев, К.И. Курс Гражданского Права / К.И. Малышев. – СПб: Литография Боровкова, 1880. – С.35.

² Там же. – С.46.

³ Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – СПб: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – С.51.

исторической и естественного права к высшему их единству»¹. Исследуя отличия позиций по обычному праву естественной и исторической школ, он выявил, что естественное право рассматривает обычай, как прецедент, а школа историческая рассматривает обычное право, как следствие.

Ученый, в процессе исследования наследования по завещанию, отмечал, что оно старше, чем наследование по закону «ибо закон мог возникнуть из обычая, а обычай развился лишь из однообразного повторения завещаний»².

А.Д. Градовский (1841-1889 гг.), один из творцов государственного права в России, в труде «Начала русского государственного права»³ выделил общие положения теоретического курса. Профессор Градовский писал об устойчивом применении юридических обычаев, о юридической самоценности обычая, которая не может быть устранена законом, в частности, в торговой сфере и особенностях применения обычного права кочующими народами.

П.П. Цитович (1843-1913 гг.), правовед и сенатор, народный обычай принимал как источник права. В первом томе Курса русского гражданского права ученый рассмотрел источники права, которые он определил, как формы, в которых «...возникают, существуют, т.е. действуют, и прекращаются веления положительного права, и в которых таких велений быть не может»⁴. Он утверждал, что закон и обычай – это два источника русского гражданского права⁵.

Цитович считал, что необходимо отличать особенности осуществления деятельности по интерпретации определенных источников в рамках исторической эпохи от источников, как форм положительного права.

¹ Борзенко, А.А. Русское гражданское право / А.А. Борзенко // Временник Демидовского Юридического Лицея. – Ярославль: Тип. Губернской Земской Управы, 1874. – Книга 8. – С. 1-48; 1875. – Книга 9. – С.71.

² Борзенко, А.А. Русское гражданское право / А.А. Борзенко // Временник Демидовского Юридического Лицея. – Ярославль: Тип. Губернской Земской Управы, 1874. – Книга 8. – С. 1-48; 1875. – Книга 9. – С.73.

³ Градовский, А.Д. Начала русского государственного права: в 3 т. / А.Д. Градовский. – СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1875. – 1 т. – 436 с.

⁴ Цитович, П.П. Курс русского гражданского права / П.П. Цитович; т. 1: Учение об источниках права. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. – Вып. 1. – С.30.

⁵ Там же. – С.31.

Понимание права, отражающееся в науке и претворяемое на практике, все время развивается и изменяется, «приспосабливаясь к потребностям и воззрениям каждой эпохи»¹.

Таким образом, исследование трудов российских юристов середины XIX века показало, что обычное право, понимание его сущности и значения для развития российского законодательства и судебного правотворчества, а также истоки юридических обычаев, на которых основывалось обычное право, памятники права занимали умы ученых, педагогов-юристов, государственных деятелей, активно занимавшихся поиском и обоснованием решений при создании и совершенствовании законов.

Важной вехой становления российского права явилось освоение русскими юристами западноевропейского законотворчества, впитавшего в себя устои римского права; изучение английской, французской, итальянской научных школ и особенно немецкой юридической исторической школы, ведущей европейской школы рассматриваемого периода, а также обучение части российских юристов в Европе.

Ученые, стоящие на различных идеологических позициях и следовавшие отличающимся научным воззрениям, в своих исследованиях отмечали воздействие права обычного на правовую жизнедеятельность русского народа. Происходило открытие юридических памятников, их изучение, исследовались разные институты права, происходило ускоренными темпами накопление юридического материала, приходило понимание роли юридических обычаев, их значения для судебного правотворчества, что способствовало осмыслению, распространению и критическому использованию достижений в дальнейшем исследовательском опыте.

Применение в юридических исследованиях сравнительно-исторического метода, в особенности, когда его использовали в сочетании с методами естественного права, позволило аргументировать прогрессивные направления правотворческой деятельности, что способствовало быстрому

¹ Там же. – С.32.

развитию юридической науки в России и демонстрации лучших примеров правотворчества.

1.3. Значение норм обычного права в процессе формирования отраслевого деления российского права

Соборное уложение 1649 года, явившееся первым общегосударственным кодексом российского права¹, выказало определенные, недостаточно выдержанные направления сфер правового регулирования, выразившиеся в соответствующей предметности, содержании и регулирующих отношения норм. В Соборном уложении были собраны предшествующие нормы права и включены новые для того исторического периода, определив сферы правового регулирования как прототипы обозначающихся отраслей права.

В Соборное уложение законодательные были включены материалы периода «Московского государства», при этом главным источником этого законодательства являлось обычное право. Сильное влияние обычного права обуславливалось традиционным правовым партикуляризмом. В силу этого обычное право обладало определенным консервативным характером, который проявлялся в общественном сознании.

В Соборном уложении можно условно выделить определенные отрасли права (таблица 1.1.). Систематизация правовых узаконений вырабатывалась как основная возможность организации и развития складывающейся системы законодательства. В дальнейшем с развитием системы права происходило усиление роли законов и законодательства в целом в усложняющемся государственном управлении.

Таблица 1.1 – Условное выделение формирующихся отраслей права
в Соборном уложении 1649 года

№ п/п	Отрасли права	Наименования юридических норм
1.	Церковное право	Включало: ответственность за преступления против религии и церкви

¹ «Уложение (code) есть систематическое изложение законов по их предметам» (М.М. Сперанский) [206, С. 433-434].

2.	Государственное право	<p>Включало:</p> <ul style="list-style-type: none"> – определения преступлений государственных, их предмет и описание характеристик; – установления по охране царского двора и исполнения определенного порядка; – положения по преследованию за совершенные преступления против установленного порядка государственного управления, за фальшивомонетничество; – порядок выезда за пределы Московского государства; – положения организации вооруженных сил, выкупа пленных; – положения финансовых и административных отношений
3.	Судебное право	<p>Включало:</p> <ul style="list-style-type: none"> – положения, устанавливающие общие правила судостроительства в государстве и осуществления судопроизводства; – положения о рассмотрении судебных крестьянских исков по тяжбам между собой, а также судебные положения об ответственности беглых крестьян; – положения, отражающие особенности подсудности духовенства и ответственности служителей церкви перед церковным судом; – положения, регламентирующие принятие присяги и ответственности за нарушения; – положения о третейском суде и о передаче дела на разрешение третейского суда; о завершённых судебных делах
4.	Гражданское право	<p>Включало:</p> <ul style="list-style-type: none"> – совокупность положений о вотчинном и о поместном землевладениях; – положения, упорядочивающие взимание государственных пошлин за заверение документов и актов правительственных учреждений печатью; – положения, регулирующие земельные, имущественные отношения людей посадские, а также холопов и устанавливающие их общественное состояние

5.	Право уголовное и уголовно-процессуальное	Включало: – правовое определение подсудности подданных Российской империи, принадлежащих к определенным сословиям; – положения, раскрывающие функции инстанций полицейских, занимающихся уголовными делами, различными имущественными преступлениями и правонарушениями против личности; – положения, раскрывающие функции полиции по пресечению незаконного изготовления спиртных напитков их продажи; – положения, запрещающие продажу курительного табака
----	---	--

Объективное усложнение сфер управления страной, а также системы общественных отношений, требовало в свою очередь более совершенной и четкой структуры сфер правового регулирования, которые подкреплялись бы соответствующими официальными узаконениями. Эта тенденция инициировала интенсивность законодательной деятельности и резкое увеличение узаконений и их видов.

Особенность влияния норм обычного права на развитие законодательства в государстве обуславливалось воздействием следующих основных факторов:

1. Сила юридических обычаев русского населения, составляющих обычное право, обладала высокой народной традиционностью и правовым консерватизмом¹, на которые следовало опираться при осуществлении формирования отраслевого права и законотворчества в целом.

2. На развитие системы российского права и формирование направлений правового регулирования, то есть будущих видов отраслевого права, оказывало влияние все глубже развивающееся взаимодействие русских государственных деятелей, юристов, ученых с европейскими системами права². Происходило заимствование законодательных актов и их приспособление к российским условиям, при этом процесс заимствования

¹ Кодан, С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / С.В. Кодан // Социодинамика. – 2013. – 4. – С.243.

² Там же. – С.249.

представлял собой восприятие наиболее совершенных правовых форм, которые принимались в результате исторической преемственности обычного права, а также определенной взаимосвязи правовой культуры и сходных социально-экономических условий.

3. Необходимость реализации международных соглашений, которая приводила к практическому исполнению международных обязательств. Выполнение таких соглашений претворялось путем издания соответствующих узаконений на внутригосударственном уровне. Изыскивались юридические способы применения международно-правовых установлений в условиях российской правовой системы.

4. Присоединение и добровольное вхождение в состав подданных Российской империи новых народов и их территорий породило необходимость учитывания традиционных национальных управленческих и регулятивных систем. Верховная власть России в целях обеспечения политической и социально-экономической стабильности новых территорий обыкновенно гарантировала сохранение народам их прежней религии, обычаев и законодательства¹, что обусловило складывание двухуровневого законодательства в Российской империи: законодательство общегосударственное и законодательство местное².

XVIII век, начало XIX века, период правления Александра I ознаменовали собой значительный рост количества отдельных кодифицированных актов, к тому же повысилось их значение в регулировании разных сфер общественных отношений. Такое положение способствовало дальнейшему формированию сфер правового регулирования и образованию в будущем отраслевого деления российского права, а также появлению институтов права. Постепенно выделялись принципиально новые сферы правового регулирования, применялись новые формы узаконений для отдельных сфер правового регулирования, «совокупности правил»,

¹ Кодан, С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / С.В. Кодан // Социодинамика. – 2013. – 4. – С.261.

² Там же. – С.262.

соответствующие предметной сфере регулирования и необходимой структуре¹. Этот вид узаконений, наряду с законодательными актами в виде учреждений и регламентов способствовал, определению сфер законодательного регулирования². Таким образом, кодифицированные акты через правовое регулирование способствовали формированию отраслевого деления российского права.

Законодательство России в рассматриваемую историческую эпоху было периодом выделения основных сфер правового регулирования, что объективно требовало четкого устройства системы законодательства. Накопленный законодательный материал, изданные законодательные акты обуславливали направления систематизации российского законодательства, осуществленной в период правления Николая I при активном участии М.М. Сперанского в 1830-1835 гг.

Необходимо отметить, что использование норм обычного права в законодательстве Российской империи происходило с учетом особенностей сложившегося двухуровневого законодательства: общегосударственного и местного. Традиционное применение норм обычного права связано было с жизнедеятельностью и отношениями населения, которое проживало на определенной территории. На такой территории действовал соответствующий местному обычному праву уровень законодательства. Так, обычное право во внутренних губерниях центральной России проявлялось на нормативно-регулятивном подуровне и было связано с действующим общегосударственным законодательством. В свою очередь на территориях российских подданных других национальностей действовали местные узаконения, учитывающие нормы обычного права³.

Решение проблемы поддержания и совершенствования единого правового пространства в Российской империи происходило, с одной

¹ Кодан, С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / С.В. Кодан // Социодинамика. – 2013. – 4. – С.271.

² Там же. – С.278.

³ Там же. – С.285-286.

стороны, в результате действия механизма учета традиционных местных регуляций на территориях коренных народов, и, с другой стороны, проводилась юридическая политика внедрения положений общегосударственного права путем взаимодействия его с традиционным правом¹. В русле этого в определенной мере осуществлялась задача правовой аккультурации, то есть выравнивание правового развития отдельных народов, не имевших ранее традиций государственной самостоятельности, характерного для России путем «сочетания сотрудничества и интеграции»².

Систематизация российского законодательства в начале второй четверти XIX века выработала классификационные основы каждого разряда законов, обоснованных М.М. Сперанским, и каждого вида законов. При этом Сперанский выделил два уровня свода законов:

- первый уровень – Свод законов Российской империи как свод общегосударственный, распространяющийся на все территории страны;
- второй уровень – своды местных узаконений, определяющие изъятия из общегосударственного законодательства и действующие в отношении населения определенных территорий «с учетом особенностей правового развития отдельных народов»³.

Следует также отметить, что в основание структуры свода законов было положено деление права на публичное и частичное (идущее от римского права), которые у М.М. Сперанского названы законами соответственно государственными и гражданскими.

В результате свод законов Российской империи определил официальную систему общегосударственного законодательства. Восемь книг свода законов – разделов, предложенных М.М. Сперанским восьми «главным разрядам законов», по которым и были разделены тома свода. Такой подход

¹ Кодан, С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / С.В. Кодан // Социодинамика. – 2013. – 4. – С.287.

² Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан; перевод с французского под общ. ред. А.И. Ковлера; отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – С.194-195.

³ Кодан, С.В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX – начале XX века / С.В. Кодан // Юридическая техника. – 2007. – 1. – С.181

позволил образовать сводные кодифицированные акты по основным отраслям законодательства и установить дальнейшее развитие российского права по отраслевому принципу (таблица 1.2).

Избранный принцип классификации права соблюдался на всем протяжении применения Свода законов до октября 1917 года. Сам Свод пополнялся новыми законами, а также дополненными и измененными уже существовавшими.

Таблица 1.2 – Структурное содержание книг Свода законов Российской империи¹

№ книг	Блоки законов	Перечень законодательных актов
1	Государственные законы	
2		Учреждения: центральные и местные Уставы о службе государственной.
3	Законы правительственных сил	Уставы: таможенный; о повинностях; монетный; о податях и пошлинах; лесной; горный; о соли; устав оброчных статей; устав арендных старостинских имений.
4	О состояниях	
5	Гражданские и межевые	
6	Государственного благоустройства	Уставы: торговый; кредитный; путей сообщения; промышленности; строительный; о городском и сельском хозяйстве; пожарный; о благоустройстве в казенных селениях; о колониях иностранцев.
7	Благочиния	Уставы: о предупреждении и пресечении преступлений; о народном продовольствии; об

¹ Кодан, С.В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX – начале XX века / С.В. Кодан // Юридическая техника. – 2007. – 1. – С. 184.

		общественном призрении и др.
8	Уголовные и уголовно-процессуальные	

Первым серьезным изменением можно считать совершенствование отраслевого законодательства в виде первого российского уголовного кодекса Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, принятого в 1845 году. В Уложении была предусмотрена сложная система наказаний за преступления и проступки, которые делились на уголовные и исправительные. Военные преступления судили по Военно-уголовному уставу 1839 г., принятому вместо Артикула воинского.

Важным этапом дальнейшего развития отраслевого деления российского права является период «великих реформ» 1860-1870-х годов. Стержневой вехой, повлекшей пересмотр и глубокие изменения в отраслевом законодательстве, была Крестьянская реформа 1861 года; положение от 19 февраля об отмене крепостного права включало ряд отдельных законов. Применение обычного права в крестьянском вопросе приобрело важное практическое значение – были сохранены общинное (мирское) крестьянское устройство и крестьянский особый суд сословного характера.

В Положениях реформы, статьи 21, 38 и 107, дозволялось крестьянам по наследственным имущественным делам, а также делам, связанных с опекой и попечительством, и другим различным делам в ходе разрешения тяжб руководствоваться своими местными правовыми обычаями¹.

Функционирование обычного права фактически было закреплено законодательно и применялось в судебной практике. Юрист Н.С. Илларионов, член судебной палаты, объяснял это явление тем, что многие

¹ Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в.: монография / В.А. Александров; отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1984. – С.16.

стороны общественной жизни, гражданских отношений между крестьянами не были отражены в законодательстве и отличались своеобразием¹.

Данная реформа изменила экономику страны, отношения между государством и подданными, и людьми между собой, и повлекла дальнейшее реформирование различных отраслей права. Так, в 1863 г. была проведена финансовая реформа; произошли изменения в торговом законодательстве: налогообложение было разделено на две части – косвенные налоги («неокладные сборы») и прямые налоги («окладные сборы»); введены акцизные марки на алкогольную и табачную продукцию. Все доходы государства сосредоточивались в кассах созданного государственного казначейства и подчинявшееся министру финансов.

Изменение отраслевого законодательства произошло и в сфере народного образования (реформа 1863-1864 гг.): учебные заведения были разделены на высшие (университеты, высшие технические учебные заведения), средние (гимназии и прогимназии) и начальные. В 1863 г. принят Университетский устав, предоставивший определенную автономию и самоуправление – совет университета мог решать все внутренние вопросы. В 1864 г. – Устав гимназий и прогимназий и Положение о начальных народных училищах, по которому народным образованием должны были заниматься государство, церковь и общество, разрешалось открытие учебных заведений земствами, общественными организациями и частными лицами. Участие общественных организаций и местного общества в начальном образовании соответствовало традициям и мирскому устройству, обычаям общественной жизни.

Реформирование государственного управления и, в связи с этим, изменения законодательства претворились в Земской реформе 1864 г. и Городской реформе 1870 г. Согласно принятым соответственно Положениям о губернских и уездных земских учреждениях и Городовому положению

¹ Илларионов, Н.С. К вопросу о разработке обычного права / Н.С. Илларионов // Вестник права. – 1899. – 1 (январь). – С. 78-85.

создавались органы местного самоуправления, избираемые населением независимо от сословной принадлежности с учетом имущественного ценза.

Во период «Великих реформ» в 1864 г. была проведена объемная реформа судебного правотворчества. Структура прежнего суда была сложной, сам институт судопроизводства сильно устарел, он включал большое количество разных судебных органов: суды для дворян, крестьян, горожан, суд коммерческий, совестный суд, межевой суд и другие суды. При этом правления губернские и полицейские органы также осуществляли судебные функции.

В результате реформы создавались две судебные системы: 1) общая, включавшая окружные суды, судебные палаты по уголовным и гражданским делам (являлись апелляционной инстанцией по делам, рассмотренным окружными судами без участия присяжных заседателей, и охватывали несколько губерний) и кассационные департаменты Сената (протесты на нарушения законов, пересмотр приговоров); 2) местная, включавшая мировые суды, съезды мировых судей, рассматривавших кассационные жалобы и протесты, и волостные суды). При этом в областях духовной, военной, и крестьянской действовали свои сословные суды, в коммерческой сфере также сохранялась своя юрисдикция.

Утверждение в Крестьянской реформе за обычаями силы действующих юридических норм привело к углублению изучения правоотношений, которые действовали у крестьян. Истоки проблемы заключались в длительном крепостном праве на Руси, которое сформировало со стороны государства правовое обособление крестьянства¹.

По мнению исследователя крестьянского права А.А. Леонтьева, крестьянство само сформировало гражданско-правовые отношения, в которых нормы внутриобщинного права соответствовали существовавшим в действительности их социальным, хозяйственным и семейным

¹ Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в.: монография / В.А. Александров; отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1984. – С.19.

обстоятельствам. В связи с этим, В.А. Александров, исследователь обычного права, отмечал, что правительственная комиссия в 1872 году в 15 губерниях исследовала деятельность волостных судов и зафиксировала при разборе дел практическое применение норм обычного права¹.

Изменение военного законодательства также началось в 1864 г. Территория империи была разделена на 15 военных округов с начальниками во главе и структурой управления. В рамках Военной реформы в 1867 г. была проведена военно-судебная реформа, в которой были учтены ряд положений судебных уставов 1864 г. и принята трехуровневая система судов: суды полковые (подсудность схожая с мировыми судами, использовавшие правовые обычаи), суды военно-окружные и главный военный суд как высшая апелляционная и надзорная инстанция. В сфере военного образования вводятся военные и юнкерские училища, куда допускались все слои населения. В 1874 г. законодательно был осуществлен переход от рекрутской системы комплектования армии, введенной Петром I, к обязательной военной службе для лиц мужского пола (освобождались от службы многие нерусские народы). При этом нормативно были установлены сроки службы, в том числе сокращенные сроки для лиц с высшим образованием (6 мес.), средним (1,5 года) и начальным (4 года).

Проведение судьбоносной Крестьянской реформы 1861 г., повлекшей изменения в отраслевом законодательстве по всем направлениям, побудило необходимость рассмотрения возникавших вопросов о соотношении норм обычного права с разрабатывавшимися и применявшимися на практике нормами государственного гражданского права², а также рассмотрения положений о применимости местных норм обычного в судебной и административной практике.

Значение применения в судебном правотворчестве норм обычного права прослеживается в последующем развитии отраслевого

¹ Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в.: монография / В.А. Александров; отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1984. – С.16.

² Там же. – С.16.

законодательства. Применение обычного права при судебном разрешении крестьянских дел в 1889 году в соответствии с законом стало обязательным¹. Принятие такого закона еще больше стимулировало изучение местных правовых обычаев.

Таким образом, исследование значения норм обычного права в процессе формирования отраслевого деления российского права позволяет сделать следующие выводы:

1. Соборное уложение 1649 года, явившееся первым общегосударственным кодексом российского права, основывалось в целом на предшествовавших нормах права и правовых обыкновениях, что в определенной степени предопределяло сферы правового регулирования как прототипы обозначающихся отраслей права.

2. Объективное усложнение сфер управления страной, резкое увеличение узаконений и их видов, а также системы общественных отношений, требовало более совершенной и четкой структуры сфер правового регулирования, которые подкреплялись бы соответствующими официальными узаконениями.

3. Основными факторами, определяющими особенности влияния правовых обычаев и норм обычного права на развитие отраслевого права и законодательства в Российской империи в целом, были следующие: 1) сила юридических обычаев русского населения обладала высокой народной традиционностью и правовым консерватизмом; 2) заимствование законодательных актов из европейских систем права и их приспособление к российским условиям, при этом происходило восприятие наиболее совершенных правовых форм, которые принимались в результате исторической преемственности обычного права, а также определенной взаимосвязи правовой культуры и сходных социально-экономических условий; 3) реализация принятых международных соглашений претворялась

¹ Илларионов, Н.С. К вопросу о разработке обычного права / Н.С. Илларионов // Вестник права. – 1899. – 1 (январь). – С.78.

путем издания соответствующих узаконений на внутригосударственном уровне с изысканием юридических способов применения международно-правовых установлений в условиях российской правовой системы; 4) присоединение и добровольное вхождение в состав подданных Российской империи новых народов и их территорий породило необходимость учитывания традиционных национальных управленческих и регулятивных местных систем, что обусловило складывание двухуровневого законодательства: общегосударственного и местного.

Воздействие приведённых факторов способствовало дальнейшему формированию сфер правового регулирования и образованию отраслевого деления российского права.

4. Важным этапом дальнейшего развития отраслевого деления российского права является период «Великих реформ» 1860-1870-х годов. Проведение Крестьянской реформы 1861 года повлекло пересмотр и глубокие изменения в отраслевом законодательстве; было принято большое количество законов и других законодательных актов в рамках проведения реформ финансовой (1863), внесшей в том числе изменения в торговое законодательство и налогообложение; образования (1863-1864), одним из положений которой было участие общественных организаций и местного общества в начальном образовании, что соответствовало традициям и мирскому устройству, обыкновениям общественной жизни; государственного управления – реформы Земская (1864) и Городская (1870) – создавались органы местного самоуправления, избираемые населением независимо от сословной принадлежности с учетом имущественного ценза; объемная реформа судебного правотворчества (1864), введившая две судебные системы: а) общую, включавшую окружные суды (несколько уездов), судебные палаты (апелляционная инстанция) и кассационные департаменты Сената и; 2) местную, включавшую мировые суды, съезды мировых судей, рассматривавших кассационные жалобы и протесты, и

волостные суды. При этом в крестьянской, духовной, военной и коммерческой сферах сохранялась своя юрисдикция.

5. В Крестьянской реформе применение норм обычного права приобрело важное практическое значение – были сохранены общинное крестьянское мирское устройство и особый сословный суд для крестьян. Согласно Положениям реформы (статьи 21, 38 и 107) крестьянам дозволялось руководствоваться своими местными правовыми обычаями.

Функционирование обычного права фактически было законодательно закреплено и применялось в практике отраслевого законодательства и государственной правовой практике. Значение применения норм обычного права в судебном правотворчестве прослеживается в дальнейшем совершенствовании отраслевого законодательства.

К началу XIX века законодательный материал Российской империи составлял десятки тысяч разнообразных разрозненных не систематизированных документов, изданных в разное историческое время. С приходом к власти Николая I обстановка в стране настоятельно требовала в сжатые сроки собрать все законодательные акты, упорядочить их, систематизировать.

Использование опыта деятельности специальных комиссий по систематизации законодательного материала предыдущих правящих монархов, позволило собрать в хронологическом порядке законодательные акты и издать в 1830 году ПСЗРИ и затем ввести в действие с 1 января 1835 года Свод законов, скомплектованного в тематическом порядке и включавшем действующие законодательные акты, что было новым, прорывным явлением в развитии российского права.

Важной вехой становления российского права явилось освоение русскими юристами западноевропейского законотворчества, впитавшего в себя устои римского права; изучение английской, французской, итальянской научных школ и особенно немецкой юридической исторической школы, а также обучение части российских юристов в Европе.

Систематизация источников права и издание Свода законов Российской империи имела эпохальное значение, так как послужило важной эволюционной ступенью в развитии российского правотворчества и положило начало систематического научного изучения российского законодательства. В результате повысился уровень законности в регламентации деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, а также сформировалось устойчивое основание изучения российского права в учебных заведениях и подготовки юристов для различных видов государственной деятельности, что оказало значительное влияние на развитие и становление российской правовой науки – развития правоведения по теоретическому, отраслевому, прикладному и др. направлениям.

В середине XIX века ученые-правоведы, педагоги-юристы, государственные деятели, стоящие на различных идеологических позициях и следовавшие отличающимся научным воззрениям, в своих исследованиях отмечали воздействие права обычного на правовую жизнь русского народа. В этот исторический период осуществлялись открытия юридических памятников, их изучение, исследовались разные институты права, происходило ускоренными темпами накопление юридического материала, приходило понимание роли юридических обычаев, значения для судебного правотворчества вопросов, различных направлений обычного права, что способствовало осмыслению, распространению и критическому использованию достижений в дальнейшем исследовательском опыте.

Применение в юридических исследованиях сравнительно-исторического метода, в особенности, когда его использовали в сочетании с методами естественного права, позволило аргументировать прогрессивные направления правотворческой деятельности. Что способствовало быстрому развитию юридической науки в России и демонстрации лучших примеров правотворчества европейского уровня.

Применение юридических обычаев и норм обычного права в процессе дальнейшего формирования отраслевого деления российского права проявлялось в следующем:

1. Соборное уложение 1649 года, явившееся первым общегосударственным кодексом российского права, основывалось в целом на предшествовавших нормах права и правовых обычкновениях, что в определенной степени предопределяло сферы правового регулирования как прототипы обозначающихся отраслей права.

2. Объективное усложнение сфер управления страной, резкое увеличение узаконений и их видов, а также системы общественных отношений, требовало более совершенной и четкой структуры сфер правового регулирования, которые подкреплялись бы соответствующими официальными узаконениями.

3. Основными факторами, определяющими особенности влияния правовых обычаев и норм обычного права на развитие отраслевого права и законодательства в Российской империи в целом, были следующие:

1) сила юридических обычаев русского населения обладала высокой народной традиционностью и правовым консерватизмом;

2) заимствование законодательных актов из европейских систем права и их приспособление к российским условиям, при этом происходило восприятие наиболее совершенных правовых форм, которые принимались в результате исторической преемственности обычного права, а также определенной взаимосвязи правовой культуры и сходных социально-экономических условий;

3) реализация принятых международных соглашений претворялась путем издания соответствующих узаконений на внутригосударственном уровне с изысканием юридических способов применения международно-правовых установлений в условиях российской правовой системы;

4) присоединение и добровольное вхождение в состав подданных Российской империи новых народов и их территорий породило

необходимость учитывания традиционных национальных управленческих и регулятивных местных систем, что обусловило складывание двухуровневого законодательства: общегосударственного и местного.

Воздействие приведённых факторов способствовало дальнейшему формированию сфер правового регулирования и образованию отраслевого деления российского права.

4. Важным этапом дальнейшего развития отраслевого деления российского права является период «великих реформ» 1860-1870-х годов. Проведение Крестьянской реформы 1861 года повлекло пересмотр и глубокие изменения в отраслевом законодательстве; было принято большое количество законов и других законодательных актов в рамках проведения реформ финансовой (1863), внесшей в том числе изменения в торговое законодательство и налогообложение; образования (1863-1864), одним из положений которой было участие общественных организаций и местного общества в начальном образовании, что соответствовало традициям и мирскому устройству, обыкновениям общественной жизни; государственного управления – реформы Земская (1864) и Городская (1870) – создавались органы местного самоуправления, избравшиеся населением независимо от сословной принадлежности с учетом имущественного ценза; объемная реформа судебного правотворчества (1864), введившая две судебные системы: а) общую, включавшую окружные суды (несколько уездов), судебные палаты (апелляционная инстанция) и кассационные департаменты Сената и; 2) местную, включавшую мировые суды, съезды мировых судей, рассматривавших кассационные жалобы и протесты, и волостные суды. При этом в крестьянской, духовной, военной и коммерческой сферах сохранялась своя юрисдикция.

5. В Крестьянской реформе применение норм обычного права приобрело важное практическое значение – были сохранены общинное крестьянское мирское устройство и особый сословный суд для крестьян. В Положении реформы, согласно статьям 21, 38 и 107, крестьянам дозволялось

в ходе разрешения тяжб руководствоваться своими местными правовыми обычаями.

Функционирование обычного права фактически было законодательно закреплено и применялось в практике отраслевого законодательства и государственной правовой практике. Значение применения норм обычного права в судебном правотворчестве прослеживается в дальнейшем совершенствовании отраслевого законодательства.

ГЛАВА II. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

2.1. Теоретико-правовые основания судебного правотворчества

В период подготовки Крестьянской реформы 1861 г. юридическое сообщество, российское общество, в целом, и власть не были удовлетворены действующим судебным законодательством, устаревшие судебные порядки, которые в основных чертах были определены «Учреждением о губерниях» 1775 года при Екатерине II, подвергались масштабной критике, так «очевидная необходимость устранить произвол была всеми сознаваема»¹.

Накануне реформы основания судебного правотворчества были таковы, что судебную власть, помимо судов, осуществляли для определенных категорий судебных дел административные учреждения, а по мелким делам судебные решения принимали непосредственно полицейские учреждения уездного уровня. Кроме этого межевые тяжбы рассматривали обособленные судебные учреждения, а некоторые категории дел рассматривались губернскими правлениями. Суд над крепостными крестьянами осуществляли помещики.

Судебное производство осуществлялось на трех уровнях: общегосударственном, губернском и уездном. При этом многоступенчатость судебной процедуры и ее большая продолжительность способствовали затягиванию судебных процессов до бесконечности. С одной стороны, судебная система представляла собой выборность судей, коллегиальное решение и сочетание сословных учреждений на нижнем уровне; на среднем уровне действовали смешанные коллегии с представительствами разных сословий и на высшем уровне – правительственные учреждения. С другой стороны, порядки были такие, что судебное дело проходило много

¹ Судебная реформа / Под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского: в 2 т. – М.: Изд-во Объединение, 1915. – 1 т. – С.285.

инстанций¹. Каждая из инстанций могла отменить решение нижестоящего суда и направить дело для нового рассмотрения. При этом стороны в суде могли многократно включать в рассмотрение новые сведения и доказательства².

Выборные судьи часто были некомпетентными, «без малейшего знания судебного дела»³. «Мелкопоместные дворяне, которые повсеместно преобладали на выборах, в своей массе отличались почти поголовным невежеством»⁴ и зачастую не являлись на судебные процессы. Первостепенную роль играла канцелярия.

Следственную часть в общем порядке осуществляла местная полиция. Но по специальным делам в некоторых губерниях, в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены следственные приставы, при этом наиболее важные следствия поручались особо уполномоченным чиновникам, состоящим при губернаторах, генерал-губернаторах и министрах Внутренних дел и Юстиции; комиссиям, назначаемым нередко императором⁵. То есть в особых случаях к следствию привлекались наиболее авторитетные следователи.

Судебная власть не была отделена от административной. Губернаторы наряду с тем, что обладали судебными правами, могли отменять решения всех судебных инстанций губернского и уездного уровней. «В лице губернаторов, он [суд] подчинен был преимущественно в сфере исполнения»⁶.

Суд осуществлялся по определенным инстанциям. Кассационные дела только тогда доходили до верховной инстанции, когда обычная форма судопроизводства оказывалась несостоятельной для ограждения интересов сторон, при этом смягчить наказание и помиловать мог только монарх. С учетом того, что каждая из судебных инстанций могла отменить решение

¹ Там же. – С.228.

² Судебная реформа / Под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского: в 2 т. – М.: Изд-во Объединение, 1915. – 1 т. – С.229.

³ Там же. – С.210.

⁴ Там же. – С.210.

⁵ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – С.Ч 1. – С.15.

⁶ Там же. – С.207.

состоявшегося суда и направить дело для нового рассмотрения, можно констатировать, что кассационная инстанция, решения которой бы не пересматривались, отсутствовала. Кассационная функция осуществлялась путем обязательной ревизии части дел в вышестоящем суде, а часть дел пересматривалась по требованию губернаторов и прокуроров. Такой ревизионный порядок вызван был стремлением обеспечить законность, но по своей сложности, формальности и задержкам давал возможность для «кривосудия» и злоупотребления судебных канцелярий.

Следует отметить, что на трудности судопроизводства влияли многие исключения из общей процедуры судопроизводства сословного характера¹. При этом исключения имелись как в отношении подсудности, так и в отношении судебной процедуры и характера уголовных наказаний. Так, отдельные процедуры применялись для государственных служащих, дворян, подследственных неподатных сословий, податных сословий – закон предусматривал четыре основных процедуры прохождения дела и 16 особенных².

Следствие не отличалось качеством, проводилось обычно «с ревом, бранью, застрашиваниями и кулачною расправою»³ и приводило зачастую к самым серьезным судебным ошибкам. Материал от следователей поступал в суды, где им занималась канцелярия – составляла обширную записку для суда. Тяжущиеся при предварительной подготовке дела обменивались «четырьмя состязательными бумагами: прошением, ответом, возражением и опровержением»⁴, то есть состязательность тяжущихся была письменной. Затем из всего предварительного производства делалась «выписка», которая подписывалась сторонами. Само обсуждение дела и постановление приговора происходило без присутствия сторон. Все письменные заявления и возражения сторон включались в протокол судебного определения, но «не

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – С.Ч 1. – С.225.

² Там же. – С.287.

³ Там же. – С.221.

⁴ Там же. – С.225.

как существенная часть рассматриваемого дела, а скорее, как балласт, исчезавший в казуистике канцелярского изложения»¹. Гласность и устная состязательность в судопроизводстве отсутствовали.

В уголовной судебной практике принятая система доказательств оставляла мало места для уяснения судьями обстоятельств дела. Судьи подводили под нормы закона, полученные в ходе следствия вне суда, формальные признаки нарушений закона, и после этого выводили наказание в соответствии со статьями Уложения 1845 года².

Канцелярское «кормление» за счет подсудимых имело характер вознаграждения за скорую подготовку дела к докладу, часто это был прямой подкуп с целью затяжки дела в интересах одной из сторон, фальсификации и уничтожения компрометирующего документа. «Необладающие материальными средствами или незнакомые с канцелярскими порядками, истцы и ответчики делались в подобном случае жертвой богатых и более опытных соперников»³.

Система сформировавшегося дореформенного суда имела в качестве основания только закон, который был обязательный для всех подданных. Большая часть представителей судебского корпуса была сословно-выборная. Выборные судьи заседали с государственными судьями в общей коллегии, были охвачены прокурорским надзором, ощущали направляющее воздействие Сената. В целом они не выражали тенденцию сословности, так как в России не сложилась замкнутость сословий, не было, в отличие от ряда западных государств, наследственных должностей. Сложившаяся система суда в российском государстве сформировала в себе известного рода ненормальные явления, оказывавшие негативное влияние на практическую деятельность судов.

Следственные и исполнительские функции были отделены от деятельности судов. Такое положение привело к большой медлительности и

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.27.

² Там же. – Ч.1. – С.225.

³ Там же. – С.29.

сложности в осуществлении правосудия. Кроме этого, несовершенство законов, как гражданских, так и уголовных, выдвинуло на первый план казуистику и формализм, что способствовало злоупотреблениям и умалению силы закона. Отрицательным явлением было отсутствие юридического образования у большинства судей, что постепенно сделало их орудием, послушным секретарям судов, искусных в казуистике. Секретари могли придать рассмотрению судебного дела нужное им направление. В этой связи на практике интересы тяжущихся часто не были защищены.

Сложившиеся теоретико-правовые устои судебного правотворчества в дореформенное время доказывают факт обострения вопроса о необходимости судебного реформирования.

Во времена правления Николая I проекты, прорабатывавшиеся в направлениях организации российского юридического образования, кодификации законодательства, содействовали формированию новых основ Судебных уставов 1864 года. Были выработаны, в интересах правосудия, важнейшие теоретико-правовые основы, такие как: гласность, устность и состязательность процесса судебного, кроме этого, был ограничен юридический вес формальных доказательств; осуществлено сокращение инстанций судебного процесса до двух; введен новый порядок выбора и назначения судей; установлены новый кассационный порядок рассмотрения дел, несменяемость выборного состава мировых судов и магистратуры; упорядочено функционирование обвинения в суде; установлена свободная защита обвиняемых, заключающаяся во введении института присяжных поверенных (адвокатуры); введен институт присяжных заседателей, а также суду подчинили части следственную и исполнительную.

Рассмотрим органический процесс развития судебного правотворчества, опирающийся на принятые в период реформирования основания. Исследование показывает, что замысел составителей Судебных уставов состоял в принятии действенных мер по устранению недостатков, которые сложились из-за порочной и неправильной деятельности

центральных и местных органов власти, из-за произвола судебных чиновников, необразованности народных масс.

Реформаторами решалась принципиальная задача по созданию, в соответствии с требованием современности, более надлежащих гражданских и уголовных законов. Одновременно с этим преследовались цели:

– обеспечить усиление полицейского надзора за «благочинием»;
– создать эффективные законодательные условия, которые заключались в установлении соответствующих форм и органов правосудия, обеспечивающих:

а) контроль над деятельностью судей, в целях осуществления правовой возможности преследования «нерадивых, лицеприятных и продажных»; и

б) интересы в суде «тяжущихся» противоположных сторон и подсудимых.

В связи с этим, составителями в основных положениях гражданского судопроизводства, утвержденных 29.09.1862 года, было принято смелое решение «заменить весь прежний строй [судопроизводства] новым». К тому же, судебная реформа 1864 года, с одной стороны, должна была соответствовать исторически сложившемуся укладу и условиям жизни народа и поэтому иметь характер национальный, а с другой стороны, – в деле реформирования всей судебной системы, невозможно было не использовать, в определенной степени, лучшие примеры европейских судебных систем.

В процессе разработки Судебных уставов составители использовали переработанные заимствования, которые, по их представлению, совмещались с жизненными потребностями российского общества, а также соответствовали условиям страны, и приспособляли видоизмененные формы к российским условиям. В процессе разработки Судебной реформы большей частью возобладало заимствование образцов из судебной системы Франции, которая имела по ряду основополагающих аспектов не лучшее, применительно к российским условиям судопроизводство. Так, во Франции влияние политики на судебное производство оказало сильное влияние на

институт присяжных¹. Для русского населения, в убеждении всех сословий, традиционно господствовало убеждение, что суд является «атрибутом верховной власти»².

Обращение к пореформенному судопроизводству, показало, что его процессуальная составляющая получила новые устои правосудия, такие как гласность, устность и состязательность, а также на основе внутреннего убеждения судей узаконенное оценивание выявленных доказательств по рассматриваемому делу.

Гласность судебного процесса ликвидировала влияние канцелярии на судебное решение уничтожив условия «кормления». Были созданы условия для изучения и открытого обсуждения рассматриваемого судебного дела, а также мнений и высказываний сторон. Такое положение способствовало накоплению практического материала, необходимого для развития юриспруденции как науки. Непосредственно исследовались нормы в процессе их применения, что побуждало научный интерес к судебным выводам и наблюдениям.

Новый порядок выбора и назначения судей состоял в том, что в статьях ст. 19, 24, 25, 84, 89, 97 и 99 Учреждения судебных установлений (1864 г.) закреплялась выборность в общесословных коллегиях мировых судей и присяжных заседателей. Земские собрания избирали мировых судей, а комиссии, составленные из выборных представителей земских собраний, избирали на 3 года присяжных заседателей. Разработчиками устанавливалось избрание мировых судей местными жителями непосредственно из них же самих, рассчитывая при этом, что избранные станут независимы в осуществлении правосудия. То есть, мировой суд и присяжные заседатели при осуществлении своей судебной деятельности обладали независимостью от власти государственной. Мировые судьи имели присутствие в уездах и городах, которые входили в мировой округ. Мировой округ подразделялся на

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.4.

² Там же. – Ч.1. – С.5.

мировые участки, которые возглавляли избранные мировые судьи¹. Государственная власть назначала судей, называвшимися коронными, которые представляли более высокую судебную инстанцию. Государственные судьи также, как и мировые были несменяемыми, их профессиональная деятельность не регулировалась никакими инстанциями. Суд разбирая «крупные» гражданские дела, а также те виды и уровни преступлений, которые не могли рассматриваться присяжными заседателями². Составителями Судебных уставов была образована судебная система, которая оказалась разделенной на две судебные отрасли, которые не обладали общими началами, и при этом не были объединены государственной властью. Суды имели законное право рассматривать уголовные дела, основываясь на «внутреннем убеждении» судей, без обязательных правил о доказательствах.

Разработчики уставов предоставили мировым судьям право наравне с законом руководствоваться местными обычаями, признав этим за обычаем силу закона, при условии не противоречия последнему. Уставом гражданского судопроизводства (кн. 1, ст. 130) юридическая сила обычая могла применяться во всех судебных делах и распространялась на все сословия³.

Кассационная инстанция, стоящая во главе власти судебной, рассматривала доходящие до нее дела с формальных позиций, и не по существу судебного дела. В дисциплинарном отношении она могла по судебным решениям вынести судьям предостережение. Апелляция по причине неправильного применения или толкования закона мировым судьей направлялась на съезд этих же судей, а апелляционные жалобы на

¹ Учреждение судебных установлений 1864 года // Российское законодательство X-XX веков [Электронный ресурс]. – М.: Электронная библиотека, 1991. – С. 32-82. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13688>. – ст.12.-14.

² Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.238.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 1: Устав гражданского судопроизводства. – 763 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372592>. – С.68-73.

постановления мировых съездов подавались в сенатские кассационные департаменты.

Состязательность в суде послужила выработыванию энергичной деятельности присяжных поверенных и прокуроров, а также обеих сторон в судебном процессе. Устранение силы формальной теории доказательств оградило от несправедливых решений в пользу преступивших закон. Но для судьи сформировалась обязанность самостоятельного выявления, на основании собственного взгляда, признаков нарушения закона. При этом мнение судьи составлялось под влиянием непосредственных событий и процесса следствия, а также под влиянием прений обвинения и защиты. Выявленное на следствии нарушение закона соотносилось с нормой закона. Созданные условия судебных процессов гражданского и уголовного, в целом, оказали положительное влияние на формирование института адвокатов в России и воспитали плеяду талантливых юристов.

Введение законом института присяжных заседателей, которые были обособлены от суда и могли судить о виновности или не виновности по предъявляемым обвинениям, по убеждению разработчиков уставов, должно было обеспечить гласность, состязательность и справедливое решение суда. Присяжные заседатели слушали акт обвинения в преступлении, затем допросы подсудимых и свидетелей, прения защиты и обвинения, мнение председателя суда, и после этого, в процессе задаваемых председателем суда вопросов, составленных на основе многих прямых и косвенных доказательств следствия, присяжные большинством голосов выносили вердикт¹.

Особенность судебного процесса, установленного Уставом уголовного судопроизводства (ст. 684, 719 и 724), состояла в том, что допрос подсудимого и свидетелей мог производиться, в том числе, председателем суда, судьями, а также посредством вопросов, передаваемых через председателя, присяжным заседателям. При выявлении в процессе

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.152.

рассмотрения судебного дела новых доказательств противоположная сторона имела право делать опровержение (ст. 734). Прокурору было предписано не быть «односторонним» в обвинительном речи (ст. 739), а адвокат не мог распространяться в процессе следствия о предметах, которые прямо к рассматриваемому делу отношения не имели (ст. 745).

Судебное следствие передавалось следователям и освобождалось от дознания со стороны полиции. Обвинение, в условиях отмены формальных доказательств, основывалось на произведенным следователем «исследовании» до суда, то есть предварительном следствии, как на материале, на основании которого составлялся обвинительный акт. Затем эти материалы следствия подвергались проверке уже на судебном следствии, что передвигало тяжесть производства судебного непосредственно на судебное следствие.

Судебные следователи государственных (окружных) судов также, как и судьи назначались государственной властью, могли бессрочно оставаться в своей должности и считались членами окружного суда. В дисциплинарном отношении они, в качестве судей, подлежали только предостережениям¹. Но по производству следствий и по непосредственному надзору следователи были подчинены сменяемым прокурорам, которые могли присутствовать при следствии, а значит и при допросе.

Прокуратура в качестве представления государственных интересов перед судом была поставлена в зависимость от министра Юстиции, имевшему в целях осуществления инициативы по регулированию и устранению неправильных действий прокуроров звание генерал-прокурора, что предоставляло ему возможность руководить прокурорами посредством отстранения от должности тех, «личные воззрения» которых входят в противоречия с его предписаниями и требованиями закона. Министр Юстиции назначал и освобождал прокуроров от должности, он осуществлял наблюдение за «направлением их деятельности, дает им общие инструкции и

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.246.

частные указания»¹. В прокуратуре была установлена иерархия: товарищи (помощники) прокуроров подчинены были прокурорам; прокуроры окружных судов – прокурорам палат. В отличие от Учреждения об управлении губерниями 1775 года статья 135 Учреждения судебных установлений ограничивала прокурорский надзор только «делами судебного ведомства» и упраздняла общий надзор.

Усовершенствованные приемы судопроизводства, введенные реформой 1864 года, обусловили принятие такого важного теоретико-правового основания судебного правотворчества, как института адвокатуры (присяжных поверенных). Адвокатура была новшеством для России, так как прошлый судебный опыт не выработал необходимых данных для этого института. Составителями Судебных уставов в целом было принято политизированное «одностороннее устройство французской адвокатуры»². Так, присяжным поверенным предоставлено было право избирать совет. При этом всякий высший надзор за советом не был установлен.

Таким образом, исследование теоретико-правовых оснований судебного правотворчества реформы 1864 года показало, что препятствия в развитии судебной части в целом коренились в общих исторических причинах, проявлявшихся в длительном существовании крепостного права в России, определявшего вялые процессы развития основ правосудия в целом; в разбросанности, недосформированности правотворческой теории, а также в «гражданской неразвитости населения и недостаточной образованности руководящих классов»³. Эти исторические причины задерживали внутренний процесс развития теории права российского судебного правотворчества.

Наряду с введением судебной реформой таких новых положительных оснований, как устность, гласность, состязательность судебного процесса, установлении институтов адвокатуры (присяжных поверенных) для свободной защиты подследственных и присяжных заседателей для

¹ Там же. – С.263.

² Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.246.

³ Там же. – Ч.1. – С.13.

определения справедливости наказания и ограничения произвола судей, а также установление кассационной процедуры по апелляционным судебным делам, и, с одной стороны, – несменяемой магистратуры, а с другой стороны, – выборного мирового суда, законодателем была ограничена сила формальных доказательств, но вместе с тем не была разработана теория законных доказательств, что привело к тому, что ни в Судебных уставах, ни в Учреждении судебных установлений 1864 года не были сформулированы правила о доказательствах, то есть никаких формул к руководству коронным (государственным) и мировым судьям, а также присяжным заседателям предложено не было. Было принято «юридическое основание», обязывающее судей выносить вердикт «по внутреннему своему убеждению»¹. Закономерно, теория индивидуального убеждения судей, присяжных поверенных привела к возникновению многих проблем в пореформенном судебном правотворчестве, которые мы исследуем в следующем параграфе.

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.59.

2.2. Проблема судебного правотворчества в Судебных уставах 1864 года

Крестьянская реформа от 19.02.1861 года упразднила крепостную зависимость миллионов крестьян, призвала их к самостоятельной гражданской жизнедеятельности. Освобождением крестьян было положено основание для Судебной реформы. Реформа, нацеленная на демократизацию правосудия и устранение судейского произвола, обеспечила всему населению Российской империи «пользование правами личности». Крестьянская и Судебная реформы дали основания для проведения всех других реформ рассматриваемого исторического периода развития судебного правотворчества.

С введением Судебных уставов в России впервые утверждались принципы независимости суда и несменяемости судей, гласности и состязательности. Происходила изменения в понимании права. Мировые суды, присяжные заседатели, присяжных поверенных, функционирование окружных судов и Судебной палаты представили обществу того времени образ справедливого правосудия.

Не будем рассматривать подробно деятельность специальных сословных коммерческих, военных и духовных судов, а исследуем то воздействие на развитие правосудия, которое оказали введенные в судебную систему Российской империи Судебные уставы гражданского и судебного производства, распространившие свою юрисдикцию почти на все население государства.

Судебные уставы внесли кардинальные изменения почти во все области юриспруденции и преобразовали юридическую жизнедеятельность российского общества. Уставы, в основании которых лежали определенные заимствования положений из передовых образцов систем судопроизводства государств Западной Европы, в то же время имели серьезные отличия и особенности. Эти особенности положительно повлияли на сферу осуществления судебного правотворчества и способствовали обнаружению

многих недостатков и проблем пореформенного судопроизводства. Проявление проблем в обновленном судебном правотворчестве определялось недостатками и противоречиями в процессе отправления правосудия. Связь научной проработанности судебных положений, строительства новой судебной системы, процесса разработки и принятия нового законодательного акта, выступала тем идеальным начертанием, которому обязаны были следовать созданные реформой суды. На деле, в судебной практике, несмотря на то положительное, что принесли Судебные уставы, постепенно проявилось большое число негативных аспектов пореформенного судопроизводства, что обуславливается отсутствием предшествующего опыта в этом сложном деле и невозможностью его получения в короткие сроки ввиду значительных отечественных особенностей нового судопроизводства.

В последней четверти XIX столетия известные российские юристы, прокуроры, передовые государственные деятели, лучшие представители общества, правоведы, такие как Е. В. Муравьев, В. Д. Набоков, В. М. Гессен, В. Н. Бочкарёв, Н. В. Давыдов, В. Д. Плетнёв, Н. И. Неклюдов, Б. И. Сыромятников, Н. Н. Полянский, В. Я. Фукс, Г. Г. Тельберг и другие ученые принимали деятельное участие в критике вскрытых недостатков и противоречий, порожденных принятыми Уставами, давали обоснованные конструктивные предложения по улучшению судебного правотворчества и преодолению проявившихся проблем в процессе осуществления правосудия. Так, В. Я. Фукс, на примерах западноевропейских устоявшихся судебных систем, в своём основательном труде «Суд и полиция» (в 2-х частях), осуществил сравнение ряда проблемных аспектов с пореформенной российской системой.

В Российской империи, кроме государственного суда, судебной реформой были учреждены мировой суд на выборных началах, созданы впервые институты адвокатуры (присяжные поверенные) и присяжных заседателей в судах. Избрание мировых судей, как мы уже отмечали в

исследовании, осуществлялось местными жителями, в соответствии с большинством голосов выбранных гласных, непосредственно на учрежденных общесословных коллегиях, которые назывались земскими (уездными) собраниями. На этих же коллегиях комиссиями избирались судебные присяжные заседатели.

Получилось так, что мировые судьи избирались из местных жителей гласными земского собрания, которые назначались уполномоченными от местных жителей избирателями. Мировые судьи могли самостоятельно осуществлять правосудие в случаях, когда они действовали в соответствии с интересами избравших их гласных. В противном случае, судьи, после завершения срока выборности в три года, могли быть не избраны на новых срок, так как не заслужили доверия выбиравших их гласных. Сложившаяся ситуация с выборностью мировых судей привела их в зависимость от избиравших гласных.

В отличие от дореформенных судей, бывших зависимыми от полиции и местной администрации, выборные мировые судьи оказались зависимыми от избирателей.

Единая дореформенная судебная власть в России была судебной реформой законодательно разделена на две части, которые были по происхождению и характеру противоположны.

Государственный общий суд (коронный) формировался государственной властью и был ответственным перед нею. Выборность судей отрицательно влияла на становление их профессионализма и приобретение необходимого судейского опыта в осуществлении правосудия.

В условиях пореформенной судебной системы выборные судьи и присяжные заседатели руководствоваться нормами и мотивами, пригодными для коронных судей, не могли. Сложилось так, что власть судебная была предоставлена, с одной стороны, выборным судьям и присяжным заседателям, и, с другой стороны, – судьям назначаемым государством (коронным) и одновременно независимым от власти государственной.

Важной особенностью осуществляемого судебного правосудия было то, что законодатель не прописал обязательные правила о доказательствах. Судьям предоставили толковать применение закона «по общему разумению».

При таком положении деятельность выборных мировых судей была в определенной зависимости от избравших их гласных, а профессиональная деятельность судей государственных (коронных) совсем властью не регулировалась. Коронные судьи трактовали «общий разум закона» опираясь в основном на своё понимание закона и на свои индивидуальные правовые воззрения, не обременяясь прописанными юридическими нормами и требованиями.

В случае совершения судьями и их судебными помощниками, членами окружных судов и Судебных палат должностных проступков и преступлений, привлечение их к судебной и дисциплинарной ответственности создавало значительную проблему, как как это могло состояться только в результате их коллегиальной инициативы без какого-либо участия со стороны власти государства. Необходимо отметить, что в соответствии со статьей 281 Учреждения судебных установлений процесс рассмотрения наложения взысканий и привлечения к судебной ответственности проходили в закрытом режиме – информация о принятых решениях не раскрывалась, то есть гласность отсутствовала. Поэтому принятые решения о наказании не могли иметь серьёзного юридического и профилактического значения. С одной стороны, в соответствии со ст. 270 Учреждения судебных установлений дисциплинарный суд был предоставлен вышестоящим инстанциям; Министр юстиции мог своим предложением возбуждать дисциплинарное производство (ст. 272) и производить ревизии (ст. 256), с другой стороны, дисциплинарная ответственность судей ограничена была лишь предостережениями.

В Судебных уставах было установлено, что при рассмотрении дел в судах в случае неясности, проявления противоречий в применяемых статьях закона, а также их неполноты, судьи общих судов должны были

формулировать юридические заключения опираясь на «общий смысл закона». Коронным судьям предписывалось судебные дела рассматривать «по точному разуму закона», а решения судей мировых судов, в отличие от государственных судов, могли «не противоречить закону», что не способствовало точному исполнению закона и предоставляло возможность его свободного толкования. При этом мировой судья, вынося постановление, был наделен правом следовать местным обычаям, если применение обычая дозволено законом или в случаях отсутствия соответствующего правового регулирования обычая.

Известно, что характер уклада жизни жителей разных местностей Российской империи влиял на формирование большого разнообразия юридических обычаев, учитывавших местные условия и уровень жизни. Обычаи, на период проведения Судебной реформы, продолжали применяться у крестьян и в мелкотогровой среде. На сохранение обычаев повлиял сам ход исторического развития государства в условиях длительного существования крепостного права. Обычное право почти не взаимодействовало с законами и продолжало применяться для регулирования общественных и правовых отношений между местными жителями, в соответствии с устоявшимися традициями и сложившимися юридическими обычаями. Проблемой являлось отсутствие систематизированных собраний местных крестьянских и мелкотогровых обычаев – они не были определены с необходимой точностью, что обусловило их малоизвестность и спорность.

Требования Судебных уставов к мировым судьям вырабатывать судебные решения «не противоречащие закону» предписали руководствоваться при разборе дел обычаями наравне с законом. Так, иски по договорам и сделкам во многих случаях, не подтвержденных контрактами, имели обязательность на основании обычаев. Но и все словесные сделки и договоры, вытекающие из «развития современной жизни, а не обычая»¹ были законодателем отнесены к силе обычая, а не закона. Обычаю было придано

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.211.

самое широкое значение. Использование обычаев в судебном правотворчестве как юридической нормы претворялось не только в делах об имущественных крестьянских отношениях и мелкотогровых сделках, но и довольно широко во многих других гражданских судебных делах. В крестьянском быту реализация норм обычного права зачастую приобретала форму примирения-сделки. Так, в материалах анкеты «Уголовно-правовые воззрения русских крестьян, собранные А.Е. Мерцаловым» указано, что: «между виновными в нанесении побоев и увечий и потерпевшими, а также при покушениях на изнасилование женщин, чаще всего проходят сделки. Мирятся всегда на деньги. Нарушение такой мировой сделки не одобряется народом»¹.

Таким образом, были обозначены отношения между обычаем и законом: разработчики Уставов подводят последовательно «под силу обычного права все словесные сделки и договоры, затем распространяют это обычное право на все сословия, а наконец устанавливают и самый порядок для принятия обычая в силе закона»². Образовавшийся порядок породил новые недостатки: постановления судов, выработанные с учетом местных обычаев, зачастую способствовали проявлению судебного произвола. Так, мировой судья мог, при рассмотрении дел, применять закон или обычай в значительной степени по своему усмотрению, что отрицательно сказывалось на положении равенства для всех тяжущихся в суде.

Устав уголовного судопроизводства предписывал мировым судьям определять виновность подсудимых на основании своего внутреннего убеждения, которое формировалось «на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве»³. Решение судьей выносилось не на основании прописанных законодателем юридических норм, а на основании сугубо личного его усмотрения и по «точному разуму

¹ Архив Российского этнографического музея, фонд 7, опись 1, дело 261. Л. 1.

² Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.211.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 2: Устав уголовного судопроизводства. – 523 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372593>. – ст.119.

существующих законов». При этом «разум законов» также определялся мировым судьей самостоятельно. Судья, который не обладал юридическим, а часто и каким-либо другим образованием, и обязанный своей должностью избирателям, часто не мог проявить беспристрастность. Закон не указывал, чем должны судьи убеждаться в процессе вынесения вердикта и воздействовать на их совесть не мог. Законодателем не было точно прописано, что доказательством не является, а также чем не должен предубеждаться судья в ходе судебного разбирательства.

Судьям предписывалось: при обнаружении неполноты или противоречия законов, а также в случае неясности, во-первых, брать за основание «общий смысл законов»¹ и, во-вторых, в Уставе уголовного судопроизводства законодатель установил, что воспрещено останавливать решения при наличии вышеуказанных факторов (статья 13)². Законодательно было закреплено, как может действовать судья при возникновении сомнений по принятию решения, а также разрешил не исполнять закон точно и понимать его «по внутреннему убеждению», что применялось судьями по-разному и с наложением их индивидуальных особенностей. В результате произошло не разделение властей законодательной и судебной, а их смешивание, так как Уставы дали судьям право беспрепятственно вторгаться в законодательную сферу, при этом авторитет положительного закона был отнесен к «личному усмотрению судей»³.

В процессе реформирования должностные лица судов сплотились в корпоративное объединение, что способствовало формированию доктрины о независимости и несменяемости судей. Такое положение на давало государственной власти возможность исправить ошибки при назначении и сместить судей, не способных к добросовестной судебной деятельности.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 2: Устав уголовного судопроизводства. – 523 с. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/372593>. – ст.12.

² Там же. – ст.13.

³ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.63.

На отправление правосудия отрицательно воздействовала номинальная иерархическая подчиненность судебных инстанций, так как государственные судьи, к которым отнесем председателей судов и их товарищей, должностных лиц судов окружных, старших председателей и председателей департаментов, а также членов палат судебных, были определены по правам занимаемой должности в один ранг; выше стояли только сенаторы. Следствием стало то, что председатели судов окружных и председатели палат судебных не обладали необходимой дисциплинарной властью, а вышестоящие кассационные инстанции в отношении нарушителей могли выносить лишь предостережения¹.

Отсутствие юридически обоснованных правил о доказательствах и предоставленное законодателем судьям право, в случае неполноты законов, истолковывать их по своему разумению, породило необязательность силы закона, принизило власть законодательную и авторитет закона. Эти серьезные пореформенные недостатки предоставили возможность выборным мировым судьям и присяжным заседателям, в целях обеспечения своего очередного успешного переизбрания, особо не остерегаясь угождать избравшим их гласным, то есть сложилось положение, когда определенная группа людей могла управлять судьями и выбирать только удобных.

Такое положение отрицательно влияло на перспективы карьеры выборных судей. Так, судьи не были заинтересованы в серьезном юридическом образовании и обычно восполняли недостаток знаний в обстановке практической судебной деятельности. Отсутствие граждан, имевших юридическое образование и положительную опытность судебной работы, препятствовало исполнению судебных должностей на удовлетворительном уровне. Поэтому избрать необходимых специалистов для судебной деятельности из числа местных городских и деревенских жителей было невозможно. Из местных представителей дворянского сословия редко встречались люди с юридическим образованием. Больше

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.13.

число выборных судей и присяжных заседателей не могли профессионально рассматривать и юридически правильно разбирать крупные трудные тяжбы и дела уголовные¹. Сложившаяся практика рассмотрения жалоб на приговоры судов в кассационном порядке привела к слабой юридической оценке приговоров, что не способствовало устойчивости судебной практики.

По Судебным уставам 1864 года присяжным заседателям, введенным самостоятельной составной частью в новое судопроизводство, дано было право выносить решение на основании услышанного на судебном процессе и сформировавшемся личном убеждении. Отсутствие прописанных юридических правил о доказательствах и возможность использования народных обычаев в судебном правотворчестве, как юридической нормы, предоставили присяжным заседателям законную возможность не руководствоваться при вынесении вердикта требованиями закона. При рассмотрении уголовных дел присяжные заседатели выступали отдельной от суда коллегией, и, в соответствии с законом, должностные лица суда не могли оказывать на них никакого давления. Именно этим разработчики Уставов стремились нейтрализовать судебный произвол и обеспечить справедливость судебных решений со стороны судей. С введением института присяжных влияние государства на осуществление правосудия отменялось.

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей со временем выявило серьезные проблемы в осуществлении правосудия, которые проявились в противопоставлении государственному (коронному) суду. Так, в том числе, и право помилования преступника постепенно перешло к присяжным заседателям. Они, на основании оценки представленных доказательств, и их проверке, формировали свое мнение, принимая во внимание большое число сложных и противоречивых данных. Количество ошибочных судебных вердиктов увеличивалось. Анализ судебных решений 1873-1881 годов в тех губерниях, где вступили в силу Судебные уставы, показал, что количество преступлений почти в 2 раза

¹ Там же. – Ч.2. – С.84.

увеличилось (приложение 2). При этом увеличившееся число оправдательных приговоров, в свою очередь, дополнялись большим количеством более мягких приговоров, вынесенных присяжными.

Возникшие проблемы имели ряд причин. Так, в Учреждении судебных установлений (ст. 84) было прописано, что категории местного населения, которые могли привлекаться комиссиями для составления избирательных списков будущих присяжных заседателей, должны соответствовать определенным цензам о способностях. Но реалии были таковы, что подавляющее большинство российского населения было крестьянским. А крестьяне, подходящие к занесению в избирательные списки, были в основном сельскими старостами и крестьянами, исполняющими другие подходящие должности. Но и представленный контингент крестьян был малограмотен, не имел опыта и, как правило, материально обеспечен не был. Произошло так, что к выполнению сложных обязанностей присяжных заседателей была допущена юридически не развитое и бедное крестьянство. При этом присяжные-крестьяне, проходили через всеобщие выборы без участия в этом процессе судебной и административной властей.

В соответствии с принятым порядком судопроизводства, из списка присяжных заседателей, предназначенных для участия в судебном процессе, без объявления причин выводились неудобные, оставлялись 12 основных и две запасные кандидатуры. Присяжные заседатели слушали акт обвинения в преступлении, затем допросы подсудимых и свидетелей, прения защиты и обвинения, мнение председателя суда, и после этого, в процессе задаваемых председателем суда вопросов¹, определяли свое мнение и большинством голосов выносили вердикт. К примеру, председателем суда по делу о злоупотреблениях в Таганрогской таможне присяжным заседателям было поставлено 1315 вопросов. При этом, в соответствии со ст. 721, стороны как обвинения, так и защиты имели право изъять из доказательств показания, которые не могли исходить из прямого источника, а также измышления

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.85.

свидетелей, которые они сами не видели и не слышали. Озвученные в присутствии присяжных заседателей, такие «доказательства» влияли на выработку их мнения. При выявлении новых доказательств противоположная сторона имела право делать опровержение.

Отсутствие установленных правил о доказательствах, привело к тому, что информация, поступающая при разборе дела в суде, а также применяемые понятия признаков и сущности правонарушения слушалась присяжными заседателями и составляла соответствующую силу их мнения. Это сохраняло определенный след в умозаключениях и влияло на принятие судебного решения «по внутреннему своему убеждению», что способствовало попаданию присяжных под влияние беспринципного и опытного адвоката, умеющего ловко привлекать внимание к положительным качествам и свойствам личности подсудимого, не имеющих отношения к составу преступления, но использующего созданное впечатление для доказательства невозможности подопечным совершить преступление. Принятая процедура судебных прений приводила к обсуждению большого числа противоречивых сведений и фактов, что формировало впечатления у заседателей, избранных из безграмотных крестьян и неразвитых городских обывателей, призванных участвовать в разрешении судебных дел. Присяжные заседатели, не имеющие опыта и привычки анализировать всю информацию судебного процесса, склонялись выносить вердикт согласно общественному и нравственному облику преступника.

На процесс правосудия с участием присяжных заседателей часто оказывало негативное влияние бедственное состояние крестьян-присяжных при выполнении судебных обязанностей. Особенно это сказывалось, когда судебные процессы затягивались на длительное время – крестьяне голодали, просили судей о денежном пособии и другой помощи. Но денежные пособия судьи не выдавали – это не было предусмотрено никакими положениями. Присяжные заседатели-крестьяне вынуждены были просить милостыню, или наниматься на какую-либо работу в целях прокормления, а также для

возвращения домой. Организованного ночлега для присяжных также не было. Такое положение являлось благодатной почвой для склонения присяжных заседателей стороной обвинения к принятию требуемого судебного решения через кормление, угощение и подкуп¹.

Изучение документов, юридической литературы, а также высказываний авторитетных исследователей показало, что присяжные заседатели нередко формулировали свои вердикты в противоположность доказательства факта виновности подсудимого. На это, кроме приведенных в исследовании причин, влияли имеющиеся у присяжных предубеждения, например, против полиции – такие участники судебного процесса оправдывали обвиняемых в оскорблении полиции; присяжные заседатели, избранные из мелких чиновников, часто оправдывали наносивших начальству различный вред; присяжные-крестьяне – соседи и односельчане – оправдывали, привлекаемых к суду, крестьян; находившиеся в зависимости от кабатчика могли оправдать хулиганствующих в кабаке приятелей, и даже убийства, совершаемые в опьянении; если присяжные не отличались нравственностью – оправдывали «воров, мужей-извергов и двоеженцев»².

Важным, при осуществлении правосудия в новых условиях, кроме приведенного выше, являлось положение прокуроров, следователей и адвокатов в судебном процессе общих судов. Этим должностным лицам судов, были предоставлены условия со значительно большими возможностями оказывать влияние на ход судебного процесса, по сравнению с судьями государственными. Именно они оказывали основное влияние на выработку мнений присяжных заседателей, которые выносили свои решения о виновности или невиновности подсудимого по рассматриваемому уголовному делу. Большое влияние со стороны представленных лиц объясняется тем, что принятыми Уставами 1864 г. им тоже было дано законное право исполнять профессиональную деятельность в

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.80-81.

² Там же. – Ч.2. – С.89.

соответствии с личными убеждениями по разбираемому уголовному делу. Таким образом, все органы судов и все должностные лица судов осуществляли профессиональную деятельность в одном правовом поле.

Необходимо отметить, что в дореформенный период отечественного судопроизводства не было усвоено и приобретено необходимых данных и опыта для института присяжных поверенных (адвокатов), поэтому разработчиками реформы в основание была принята отработанная адвокатская система Франции.

Деятельность учрежденного института адвокатов породила новые проблемы при отправлении правосудия, которые заключались в функционировании самоучреждаемого и самоуправляемого совета присяжных поверенных. Только он мог принимать в состав новых адвокатов и выносить им взыскания. Закон фактически установил, что защиту может осуществлять только адвокат (ст. 387 Учреждения судебных установлений), придав этим присяжным поверенным монополию, нарушавшую принцип свободной защиты.

В соответствии со ст. 354 Учреждения судебных установлений в состав присяжных поверенных могли быть допущены юристы, окончившие курс юридических наук, сдавшие соответствующие экзамены и имеющие пятилетний опыт работы в судебных канцеляриях как кандидат на должности в судебной системе или при работе с адвокатами. То есть кандидатам в адвокаты не обязательно было приобретать необходимый стаж в области присяжных поверенных. Такая минимальная подготовка признавалась достаточной для начала профессиональной деятельности юриста-адвоката.

Присяжные поверенные, не обремененные наукой и законом, и не подвергавшиеся судебному надзору (приложение 3), стремились воздействовать на мнение присяжных заседателей второстепенными эффектными эпизодами рассматриваемого дела, своими обобщениями, односторонним освещением событий, что вредило выяснению фактической истины и оказывало влияние на создание нужного им впечатления у

присяжных заседателей и, в определенной мере, у самих судей при вынесении постановлений суда в ущерб правосудию.

С образованием новых судов процедура следствия была также изменена. Принятое Учреждение судебных установлений отменило применение в судебных процессах формальных доказательств, а сам процесс следствия претерпел разделение на исследование, которое осуществлялось следователем до суда, и на специальное открытое и гласное следствие. Исследование становилось основанием для прокурорского обвинительного акта, и материалом, который поверялся на судебном процессе.

Содержание исследований предварительного следствия требовало привлечения к следственной работе опытных юристов, чтобы не предоставлять возможность подследственным в дальнейшем давать противоречивые показания. Следователь должен был быть объективным, беспристрастным и самостоятельным в констатировании предъявляемых ему или обнаруженных им улик. Но в пореформенной системе судов следователь был самой низшей степенью магистратуры, на которую назначалась неопытная молодежь «в виде приготовления к судебному званию». При этом следователи были несменяемы и суду не подчинялись. Непосредственный надзор за ними осуществляли прокуроры, которые могли давать следователям указания по производству следствий. Но прокуроры были сменяемы и поэтому сила их указаний и требований к несменяемым следователям была малодейственной.

Противоречием было то, что малая должность на которой находился молодой следователь вместо того, чтобы обеспечивать его стремление посредством продолжительного специального служения обрести опытность, побуждала его употребить все усилия скорее получить должность судьи или товарища прокурора окружного суда с более значительным денежным содержанием. Отсутствие опытности в делах способствовала конфликтам с прокурорами, так как именно на основании следственных материалов они составляли свое обвинительное заключение в суде, и часто такие

обвинительные акты были недостаточно мотивированными и шаткими перед защитой.

Особенностью предварительного следствия, негативно влиявшего на осуществление правосудия, было то, что допросы свидетелей и подсудимых неопытные следователи проводили келейно. При следствии на допросе мог присутствовать прокурор, но он не мог присутствовать при всех следствиях. Поэтому следствие, особенно по отношению к неграмотным подсудимым, часто приводило к ошибкам и неправильным действиям. Кроме этого неграмотный подсудимый не мог гарантировать, что его показание записано правильно, так как свидетелей при этом не было. То есть фактический состав подлежащих исследованию данных предопределялся именно предварительным следствием, отличавшимся неполнотой и часто не дополнявшимся следствием судебным. Вред от неправильных и даже от неосмотрительных действий в предварительном следствии был большим, так как оно в значительной мере предрешает судебное следствие. Так, показание, данное на суде и вступающее в противоречие с первоначальным показанием на предварительном следствии, часто внушает присяжным заседателям недоверие к речам обвинения или защиты и сохраняет свое подавляющее влияние при вынесении вердикта.

В этих условиях следователи имели право по своему усмотрению лишать подсудимого свободы, отдавать его на поруки или освобождать от ареста совсем. Власть, которой обладали несменяемые следователи нейтрализовывала прокурорский надзор за их следственной деятельностью и предоставляла им полную самостоятельность. Неопытность следователей и отсутствие необходимого контроля за их профессиональной деятельностью порождали произвол по отношению к частным лицам и неудовлетворительность большинства предварительных следствий¹.

Система публичного обвинения, созданная Судебной реформой, также имела свои особенности, которые оказывали проблемное влияние на

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.39.

осуществлении процедуры судебного правотворчества. В результате чинам прокурорского надзора предоставлялась возможность проводить свои личное понимание и усмотрения, в том числе вопреки требованиям руководящей прокуратурой власти. На практике получалось так, что прокуроры в своих судебных заключениях не ограничивались законом и содержанием предварительного следствия и могли в силу «личного убеждения» формулировать выводы.

Проблема возникала в том, что такая законодательная организация деятельности прокурорского корпуса негативно сказывалась на иерархическом строении прокурорского надзора и на представительстве государственных интересов в суде, которые в действительности бесконтрольно доверяются «личному убеждению» чина прокурорского надзора. Кроме этого, правительственные интересы в окружных судах почти полностью претворялись товарищами прокуроров при этих судах, которые состояли большей частью из неопытных молодых людей, начинающих свою прокурорскую карьеру. Поэтому понимание правительственных интересов перед судом со стороны прокурорского корпуса не были обусловлены неизменными установленными нормами. В результате товарищи прокуроров, представлявшие низшую инстанцию прокурорского надзора, случалось ошибочно настаивали без достаточных оснований на обвинении, то наоборот, отказывались от обвинения под воздействием «личного убеждения», основывающегося часто на общественных и своих односторонних склонностях. Однако, прокуратура в целом больше, чем другие составляющие судебной реформы отличалась некоторой стройностью и способностью к усвоению некоторого единства, так как все-таки опиралась на традиции прежней дореформенной прокуратуры и была организована в соответствии с началами иерархической дисциплины.

В целом исследуя уровень юридической теоретической и практической подготовленности кандидатов на судебные должности приведем мнение, обоснованное тринадцать лет после введения Судебных уставов 1864 года

Н.В. Муравьевым, ученым юристом исполнявшего длительное время должности прокурора в различных судебных инстанциях. Н.В. Муравьев усматривал причину беспомощного должностного состояние лиц, начинающих свою судебную профессиональную деятельность в отсутствие полезного и существенного воздействия на их становление со стороны магистратуры, о которой он писал: «до сих пор еще ощущается такой капитальный недостаток единства, единообразия и логической систематичности в приемах»¹. Кандидаты на судебные должности разделяли с магистратурой многие характерные черты, так как следовали примеру старших и превращались «в дельцов-чиновников судебного ведомства»².

Надзор за деятельностью магистратуры Судебными уставами был предоставлен Сенату, являвшемуся кассационной, контролирующей и дисциплинарной инстанцией. Апелляции рассматривались кассационными департаментами Сената. Но кассационные департаменты имели такие же недостатки, как и подведомственные им судебные учреждения – отделенные по закону от государственной власти, они тоже обладали правом толковать закон «по общему смыслу» и «по собственному разумению», не принимая во внимание прямого смысла закона и его законодательных мотивов. Поэтому высшая кассационная инстанция относилась к жалобам на действия магистратуры с большим снисхождением и старалась выгораживать судей от ответственности.

В юридической литературе пореформенного времени часто отмечались со стороны кассационных департаментов Сената противоречивость решений и противоречивые толкования законов в применении к различным делам. В подтверждение этого приведем взятые из Определения Гражданского кассационного департамента 1874 года следующие постановления:

«Подсудимый, признавая для себя оскорбительными некоторые выражения в приговоре, только тогда может просить об уголовном

¹ Цит.: Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.15.

² Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.16.

преследовании судьи, когда докажет, что судья действовал таким образом преднамеренно, из корыстных побуждений или иных личных видов»¹. Очевидно, что доказать это практически невозможно. В результате для судьи устанавливается полная безнаказанность за применение оскорбительных выражений по отношению к подсудимому.

Ошибки не ставились судье в вину, и судья мог без умысла бесконечно ошибаться, а пострадавшие должны были это принять, так как судья не отвечает. Безусловно, что такое состояние высшей кассационной инстанции не улучшало деятельность судебных органов и негативно сказывалось на отправлении правосудия.

Таким образом, исследование проблем судебного правотворчества в Судебных уставах 1864 года показало, что судебная реформа внесла существенные новшества в российскую судебную систему, реорганизовав имеющуюся дореформенную судебную систему посредством учреждения новых судов и упразднения или преобразования старых судов.

Но как показала судебная практика энтузиазм, с которым составлялись Судебные уставы и использовались ряд правотворческих оснований в создании новой судебной системы, в том числе и заимствования из иностранных судебных систем, слабо учитывающих российскую специфику и уровень развития судебных институтов и традиций общественной жизни российского населения, привели вместо установления правосудия скорого и справедливого к возрастанию многих серьезных проблем. На деле произошел разрыв между теоретической стороной строительства новой судебной системы и ее санкционированных начертаний в виде Судебных уставов, которым в идеале должны были следовать суды, и осуществлением в действительности этих положений в принятых Судебной реформой правовых основаниях. Практическое осуществление судебного правосудия вступило в противоречия с принятыми нормами, прописанными в Судебных уставах, – это происходило на основании норм, которые также были прописаны в

¹ Цит.: Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.2. – С.17.

Судебных уставах или не прописаны вовсе, как, например, правила о доказательствах.

Основные проблемы судебного правотворчества проявились в следующем:

1. Отсутствие правил о доказательствах и предоставление судьям, присяжным заседателям, присяжным поверенным, следователям и прокурорам права в процессе выполнения своей профессиональной деятельности руководствоваться общим законодательным требованием «по внутреннему убеждению». Судьям, при обнаружении неполноты или противоречия законов, а также в случае неясности положений, предписывалось брать за основание «общий смысл законов». Независимость должностных лиц судов от государственной власти во внутренних отношениях, обособление самих судов привело к снижению в судебной системе профессиональной ответственности, дисциплины, и к установлению номинальной иерархической подчиненности судебных инстанций.

2. Законодательно установленное использование обычаев в судебном правотворчестве как юридической нормы претворялось в делах об имущественных крестьянских отношениях, мелкоторговых сделок и при разборе многих других гражданских тяжб в судах. Особенностью судопроизводства являлось отсутствие систематизированных собраний местных крестьянских и мелкоторговых обычаев – они не были определены с необходимой точностью, что обусловило их малоизвестность и спорность. Постановления судов, выработанные с учетом местных обычаев и по усмотрению судей, способствовали проявлению судебного произвола и отрицательно сказывались на положении равенства для всех тяжущихся в суде.

3. Принятие народных обычаев, как нормы юридической и применение обычаев в судебном правотворчестве предоставили право присяжным заседателям выносить решение о виновности подсудимого «по внутреннему своему убеждению», под впечатлением происходящего судебного процесса и не придерживаясь требования закона. Присяжные

заседатели нередко формулировали свои вердикты в противоположность доказательству факта виновности подсудимого. С введением института присяжных влияние государства на осуществление правосудия отменялось.

4. В дореформенный период отечественного судопроизводства не было усвоено и приобретено необходимых данных и опыта для института присяжных поверенных (адвокатов), так как он поверенных учреждался впервые. Центральное место занимал самоучреждаемый и самоуправляемый совет поверенных. Присяжные поверенные, не обремененные наукой и законом, и не подвергавшиеся судебному надзору, стремились воздействовать на мнение присяжных заседателей второстепенными эффектными эпизодами рассматриваемого дела, что вредило выяснению фактической истины и влияло на создание нужного им впечатления у присяжных заседателей при вынесении постановлений суда в ущерб правосудию.

5. Первоначальная низкая несменяемая судебная должность следователя, при неопытности и отсутствии необходимого законодательного контроля за их профессиональной деятельностью порождала произвол по отношению к частным лицам и неудовлетворительность большинства предварительных следствий, в значительной мере предрешавших судебное следствие. Показания, данные на суде и противоречащие с показаниями на предварительном следствии, часто внушали присяжным заседателям недоверие к речам обвинения или защиты и влияли при вынесении вердикта.

6. Законодательное ослабление собственной ответственности прокуроров привело к тому, что прокуроры в своих судебных заключениях не ограничивались законом и содержанием предварительного следствия и могли в силу «личного убеждения» формулировать выводы, не стесняясь прямым смыслом законов. Понимание правительственных интересов перед судом со стороны прокурорского корпуса не были обусловлены неизменными установленными нормами.

7. Высшая кассационная инстанция, по закону ничем не связанная с государственной властью и поставленная законом в формальные отношения

с судами, бессильная в дисциплинарном отношении, в руководящей деятельности была пассивной и относилась к жалобам на действия магистратуры с большим снисхождением, старалась выгораживать судей от ответственности. Такое состояние высшей кассационной инстанции не улучшало деятельность судебных органов и негативно сказывалось на отправлении правосудия.

Вместе с тем положительным, что дали Судебные уставы 1864 года, проявившиеся недостатки заменили недостатки дореформенного судопроизводства. Возникли новые препятствия к осуществлению правильного отправления правосудия.

2.3. Деятели Судебной реформы 1864 года и их продолжатели о судебном правотворчестве

Судебные уставы, выработанные в 1864 году, были вызваны потребностями жизни российского общества, рассматриваемого исторического периода. В основу Уставов были положены обширные и твердые упования, что установленное новое законодательство обеспечит надлежащее судебное правотворчество, суд скорый и праведный. На судебное правотворчество, в период реформирования судебной системы, наложило свой отрицательный отпечаток отсутствие опыта масштабных судебных преобразований, что сказалось в процессе практического осуществления правосудия. Поэтому неизбежным являлось проявление в этом новом деле ряда серьезных недостатков и возникновение необходимости их исправления.

Проекты судебных уставов и судоустройства, выполнявшиеся в разное время под руководством графа Д.Н. Блудова, главноуправляющего вторым отделением государственной Канцелярии, не были объединены единым замыслом и согласованы между собой. Необходимость детального рассмотрения и определения «основных начал» разрабатываемых Судебных уставов и Судебной реформы в целом потребовала создание комиссии, которую возглавил В.П. Бутков. В результате решения этой трудной задачи, им были привлечены к работе по подготовке реформы группы отличных юристов, обстоятельно составивших все проекты Судебных уставов.

Реформирование всей судебной системы Российской империи было осуществлено без серьезных противодействий. Особенностью являлось то, что творцы Судебной реформы и уставов обладали разным практическим опытом, так как были привлечены к работе из разных областей государственной и юридической служб, а также из различных областей деятельности. Поэтому деятели судебной реформы не были однородны по

своему составу, располагали своими практическими сведениями и умениями, и обладали разными личными свойствами и качествами.

А.Ф. Кони, известный российский юрист, лично знавший многих участников реформирования судебной системы, занимавшийся исследованием совокупности подготовительных работ и преобразовательной деятельности творцов Судебной реформы, условно охарактеризовал четыре основные группы реформаторов.

Первую группу составили теоретики, которые, с одной стороны, держались различных теоретических воззрений и позиций, а, с другой стороны, именно они, участвуя в преобразовательном процессе, обосновывали выводы, построенные на политико-юридических основаниях.

Вторую группу составили «подражатели», названные так за то, что предлагали привнести в российскую судебную систему, не утруждая серьезным критическим анализом и заимствовавшие западноевропейские образцы. В значительной степени предлагалось использовать образцы судебной системы Франции с вкраплением опыта судебных обычаев Великобритании.

Отдельную группу составляли преобразователи, по мнению которых реформирование следовало проводить постепенно, с осторожностью и внимательностью трансформируя, в соответствии с замыслом, действующие судебные учреждения и приемы судопроизводства в направлении перехода к создаваемой новой судебной системы.

Позиция представителей третьей группы реформаторов основывалась на мнении, что для кардинального изменения российского судоустройства необходима более длительная предварительная подготовка, так как, если его сразу ввести в полном объеме, то на деле это приведет к запутанности и серьезным практическим противоречиям. Такой результат может не ускорить, а наоборот, – значительно отдалить нормальное проведение Судебной реформы.

К четвертой группе были отнесены крупные судебные деятели, обладающие большим опытом практической работы, которые отстаивали необходимость обновления устаревшей российской судебной системы. По их мнению, судебные преобразования должны были основываться на широком знании российской действительности. Четвертую группу представляла большая часть членов комиссии, разрабатывавших основные положения по судебной части.

Между тем, рассмотренная классификация не обладает строго очерченным характером. В комиссии принимали активное участие преобразователи, представления которых о реформировании серьезно отличались. Поэтому воззрения этих деятелей с трудом возможно причислить к какой-либо из классифицированных групп.

Таким образом, реформаторы, работавшие в составе комиссии, и впоследствии названные «отцами Судебных уставов», располагали различным служебным опытом, владели необходимыми знаниями, имели свои, отличающиеся от других разработчиков, взгляды на проведение реформирования судебной системы, а также обладали значимыми для дела реформирования личностными свойствами и качествами, которые раскрывались при обосновании предложений. Расходясь в частности, предлагаемые варианты статей и положений, рассматривались комиссией, в ходе дискуссий обсуждались и принимались коллегиально (приложение 4).

Исследуем деятельность наиболее ярких творцов Судебной реформы, внесших фундаментальный вклад в дело разработки Судебных уставов.

Фактическим и одновременно идейным руководителем реформы, принявшим энергичные меры по ее разработке, стал новый Министр юстиции (1862 г.), Дмитрий Николаевич Замятнин (1805-1881 гг.). Д.Н. Замятнин, а также его заместитель Николай Иванович Стояновский (1820-1900 гг.) организовали весь процесс разработки Судебных уставов, а также необходимые рассмотрения, консультации и обсуждения в созданных для этой цели комиссиях поступающих поправок и множества замечаний к

формулировкам статей уставов. По инициативе этих руководителей много замечаний было собрано от действующих сенаторов и опытных обер-прокуроров. Стояновский возглавил Специальное совещание, в котором осуществлялась вся работа по рассмотрению замечаний, что деятельно способствовало подготовке реформы. Он лично отредактировал по проектам Уставов поступившие 1160 замечаний и отзывов¹.

Министр юстиции Д.Н. Замятнин вместе с Н.И. Стояновским преодолели недостаток нужных материальных средств и персонала. Изыскали возможность отремонтировать и приспособить соответствующие помещения, предназначенные для судебных заседаний. Они неутомимо занимались подбором судебных кадров, изучая опыт кандидата, имеющееся образование, а также изучали его личностные качества и предлагали занять определенную должность. Так, для Московского и Санкт-Петербургского судебных округов они подобрали 550 человек, из которых были 394 должностных судебных лица, обладавшие правом несменяемости². Эта работа придала правильную организационную направленность началу проведения реформирования.

Д.Н. Замятнин вникал во все многочисленные аспекты процесса реформирования. Так, определяя необходимые теоретико-правовые основания для судебного правотворчества, он убедительно обосновал необходимость положения о несменяемости судебного корпуса и обеспечении их независимости в своих суждениях по рассматриваемому судебному делу от влияния на исход дела администрации, а также устранения влияний других институтов власти со стороны государства. В целях обеспечения гласности, нелицеприятности и состязательности при рассмотрении дел в судах были организованы новые для России институты присяжных заседателей и присяжных поверенных. Доказал необходимость

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.103.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1894. – 12 (23) т. – С.221.

соблюдения должного равновесия между судьями и адвокатами. Одним из важных факторов, определявших независимость судей при выполнении ими своих обязанностей он видел в высоком уровне оплаты их труда, так как справедливо полагал, что низкооплачиваемые должности судей будут заполняться неопытными и неподготовленными кадрами, которые не смогли найти лучших мест. Опасался, что такие бездарные судьи будут противостоять при рассмотрении дел в суде более высоко оплачиваемым и подготовленным присяжным поверенным (адвокатам)¹.

Н.И. Стояновский внес личный вклад в формирование научных оснований, обеспечивших разработку Судебных уставов. Им были написаны ряд трудов, в том числе, в виде наказов полиции и судебным следователям по осуществлению дознаний (1860). В содержании опубликованных работ видны были юридические основания и положения, которые успешно применялись в процессе разработки Судебных уставов 1864 года.

Известный кодификатор юридических источников и юрист Сергей Иванович Зарудный (1821-1887 гг.) непосредственно возглавил дело реформы в Государственной канцелярии. Он привлек к процессу реформирования отличных специалистов того времени: К.П. Победоносцева, И.В. Стояновского, Н.А. Буцковского, А.М. Плавского, Д.А. Ровинского и др. Эти специалисты глубоко исследовали проекты прежних попыток судебных преобразований, отобрали наиболее пригодное и прогрессивное, что должно использоваться и быть объединено связующей идеей предназначения Судебных уставов.

Зарудный в своих трудах: Соображения и основные положения о гражданском и уголовном судопроизводстве и о судоустройстве², а также в Общих соображениях о составе суда уголовного рассматривал теоретико-правовые основы судебного правотворчества, – утверждал, что состав суда

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.122.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1894. – 12 (23) т. – С.311.

уголовного должен включать постоянного судью (государственный или коронный судья) и переменных судей, которые должны избираться на короткие сроки из всех сословий российского общества. Материалы его трудов и разработок, представленные в виде записок, были отражены в заключениях по реформированию судебной системы и использованы Государственной канцелярией. Так, разработанный проект по созданию нового юридического института – присяжных заседателей, был всесторонне исследован С.И. Зарудным совместно с Д.А. Ровинским, и затем был принят в Государственном Совете после детального обсуждения, что стало одним из важных фундаментальных элементов разрабатываемых Судебных уставов.

С.И. Зарудный, работая в отделении гражданского судопроизводства, по делам реформирования возглавлял различные комиссии, участвовал в обсуждении различных сторон проектов в других отделениях, занимающихся разработкой вопросов своих направлений реформирования, а также докладывал результаты работы комиссии в Государственном Совете.

Д.П. Шубин-Поздеев, работавший в департаменте разработки законов, вспоминал, что Зарудный осуществлял направление деятельности всех отделов. Он постоянно проявлял инициативу: в направлении разработок, и при отыскании и привлечении к работе нужных специалистов. Ему удалось систематизировать в 74 томах богатый по содержанию юридический материал, озаглавленный как «Дела о преобразовании судебной части в России», который был собран в целях дальнейшего изучения и продолжения реформ.

Ровинский, Дмитрий Александрович (1824-1895 гг.), ученый и одновременно судебный практик, представлявший группу опытных судебных работников в комиссии, занимавшейся разработкой Судебных уставов, в своих изысканиях по судебному преобразованию собрал ценный материал, который использовал в сфере устройства и организации функционирования местных судов. Так, по его мнению, к сфере профессиональной деятельности мирового судьи следовало отнести

многочисленные маловажные нарушения и проступки, как по гражданским, так и по уголовным делам.

Законовед Ровинский старался претворить в жизнь идею создания мирового суда как учреждения «живого» и отзывчивого на нужды местного населения, и связанного с ним органически на основе выборного начала.

Ровинский, как законовед, стремился осуществить на деле идею по организации мировых судов. По его замыслу мировой суд должен стать «живым» учреждением, внимательного к нуждам жителей и связанным с ними органически на основе выборного начала. Другим важным направлением преобразующей деятельности Ровинского было то, что он в первых рядах доказывал необходимость учреждения нового, для российской судебной системы, института присяжных заседателей, что, по его мнению, что позволит располагать судами, не впадающими в рутину. Продолжительная работа в должности прокурора Московской губернии, позволила ему применить богатый практический опыт в судебном правотворчестве, проникнуться доверием к юридическому развитию русского народа. Он считал, что судья, в условиях обвинительного начала русского судопроизводства, не стесненный в оценке и доказательствами, сможет лучше формировать свое мнение по разбираемому судебному делу¹. Он полагал, что российское правительство, путем проведения Судебной реформы, должно задать развитию общественного мнения законный ход². Только в таком суде, утверждал он, народ научится справедливости и прекратит считать кражу за дело самое обыкновенное, по обычаю. В своих трудах Д.А Ровинский предлагал основания, которые могли применяться для деятельности судов с присяжными заседателями.

Буцковский, Николай Андреевич (1811-1873 гг.), имевший опыт работы обер-прокурором, возглавил в комиссии по составлению Уставов отделение уголовное. Ему удалось отредактировать в сжатой и точной форме

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.17.

² Там же. – С.27.

статьи Устава уголовного судопроизводства, выработать в процессе прений новый процессуальный порядок и представить содержательную записку к разрабатываемому проекту Устава. Записка представляет собой научно-юридический труд, в котором представлены различные точки зрения на сущность и содержание процессуальных приемов суда уголовного, а также отражен их внутренний смысл¹. Кроме этого, в объемной объяснительной записке Буцковский рядом убедительных доводов обосновывает содержательную часть статей Устава, при этом он учел действительную обстановку жизнедеятельности в русском обществе.

Н.А. Буцковский, разрабатывая процессуальные правила для обеспечения защиты обвиняемого и подсудимого, отмечал желательность осуществления защиты в период производства предварительного следствия. Он указывал, что следователь должен видеть в обвинителе и в защитнике сотрудников по изысканию истины².

При определении нового устройства суда уголовного с участием в судебном процессе присяжных заседателей Буцковский присоединился к Зарудному и Ровинскому. Но их взгляды на значение для судебного производства присяжных заседателей отличались. Так, Зарудный допускал работу суда присяжных при монархическом государственном строе. Ровинский необходимость суда присяжных обосновывал тем, что эта потребность идет от «народной психологии и условий быта» русских людей. Сам Буцковский выделял исторические истоки суда присяжных заседателей, так как такой суд представляет собой «...специальное проявления суда выборного»³.

Многогранная деятельность Н.А. Буцковского представлена трудами, имеющими важное научное и практическое значение. В труде Очерк кассационного порядка по Судебным Уставам 1864 года им была раскрыта

¹ Там же. – С.145-146.

² Цит.: Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.147.

³ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.148.

кассационная составляющая реформируемого судебного законодательства, а в труде «О деятельности прокурорского надзора...» им были показаны обоснованные положения касательно публичного представления со стороны обвинения в ходе судебного процесса.

Правовед Плавский, Александр Михайлович (1807-1884 гг.), один из ключевых деятелей судебной реформы, возглавлял отделение судоустройства, в работе которого принимали участие, в том числе, работавшие и в других отделениях Д.А. Ровинский, С.И. Зарудный, Н.А. Буцковский, А.А. Книрим и другие талантливые специалисты. Сам Плавский также привлекался к работе уголовного отделения Буцковского. С 1862 года А.М. Плавский состоял членом-редактором комиссии, занимавшейся разработкой проектов законов реформы, и вел заседания при отсутствии государственного секретаря¹.

Разработанные под руководством Плавского проекты судопроизводства и разработки по реформированию судебной части явились тем фундаментом, на котором было создано новое судоустройство. В 1865 году он совместно с Буцковским и Зарудным завершал в комиссии работы по реформированию российской судебной системы². Он принимал активное участие в редактировании и составлении содержания журналов, где детально отражались работы департаментов Совета касательно разработки механизма распространения судебной реформы на губернии Российской империи, а также работы о новом судебном производстве; о реформировании крестьянских учреждений, занимавшихся рассмотрением судебных тяжб в соответствии с новыми положениями мировых судебных установлений, а также о значении и содержании надзора с прокурорской стороны в судебном процессе.

¹ Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biografi/articles/519/plavskij-aleksandr-mihajlovich.htm>.

² Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.215.

Ковалевский, Михаил Евграфович (1830-1884 гг.), имевший опыт прокурора по кассационным уголовным делам, занимался совместно с Бутковским составлением Устава уголовного судопроизводства. Его разработки позволили улучшить содержание статей устава и повернуть деятельность судов на сознательное осуществление правосудия. Будучи членом-редактором комиссии, отвечавшей за вопросы реформирования судебной части, разрабатывал обоснованные заключения по предложениям и запискам касательно уголовного судопроизводства, которые в прениях принимались к использованию в уголовном процессе.

Реформаторская деятельность Ковалевского основывалась на глубоком понимании значения судебных уставов, что оказало положительное воздействие на проработанность тех положений, которые были приняты в качестве теоретико-правовых оснований и использовались в Уставе уголовного судопроизводства. Вместе с Н.И. Стояновским, В.А. Арцимовичем и П.А. Зубовым, которые стали первыми сенаторами созданного кассационного департамента, он распространял понимание новых судебных порядков и через кассационную практику способствовал их развитию.

Есипович Яков Григорьевич (1822-1906 гг.), помощник статс-секретаря в отделении законов Государственной канцелярии, занимался разработкой проектов законоположений о реформировании судебной части. Ему пришлось работать параллельно в отделениях судоустройства и уголовного судопроизводства. Положения, проработанной им объяснительной записки, были использованы при составлении статей Устава уголовного судопроизводства. Он предлагал допускать защиту при предварительном следствии только с одновременным предоставлением права следователю отстранять адвокатов, злоупотребляющих своим статусом и приносящих вред осуществлению правосудия¹.

¹ Там же. – С.275.

Я.Г. Есипович, основываясь на воззрении русского народа на функционирование Сената, считал неприемлемым разделение власти кассационной между Судебными Палатами и Сенатом для достоинства и авторитета правосудия. По его мнению, Сенат должен был выполнять кассационные функции совместно с другими кассационными инстанциями. Есипович в своих трудах о толковании законов, которые печатались в Журнале Министерства юстиции, размещал юридический материал, который представлял научный и профессиональный интерес для различных должностных судебных лиц и современников.

Исследованный нами огромный вклад основных деятелей Судебной реформы 1864 г. в судебное правотворчество и создание новой судебной системы в целом не мог состояться и стать таким внушительным без самоотверженного труда опытных специалистов и талантливых юристов, работавших в комиссиях и объединенных на основе идеи создания новых Судебных уставов. Состав комиссии и привлекаемые в качестве экспертов судебные деятели, которые работали часто в составе двух и более отделений, приведен в приложении 5.

Необходимо отметить, что введение Судебных уставов происходило в условиях многочисленных сложностей и противодействий на местах. Поэтому важным был вопрос подготовки судебной магистратуры к разумному и осведомленному восприятию Судебной реформы, а также поддержки и укоренения новых судебных порядков на практике, разъяснение, распространение и принятие их на деле судебными должностными лицами. Сама комплексная Судебная реформа проводилась длительное время, с 1866 по 1899 гг. За этот период Уставы постоянно подвергались попыткам принизить их силу, свести на нет многие теоретико-правовые основания, которые составили фундамент этих законодательных актов. Дело отстаивание уставов реформы, ее продолжение, дальнейшее успешное введение Судебных уставов в губерниях Российской империи, а также проработка и принятие назревших необходимых положительных

изменений в положениях уставов, направленных на устранение выявленных на практике недостатков, легло на плечи единомышленников и участников в делах составления Уставов. Это были идейные продолжатели дела «отцов Судебных уставов», названные в последствии «детьми судебной реформы», – именно они укрепили своей обширной научной и практической деятельностью значение преобразованных судебных учреждений и заставили смириться сторонников старых судебных порядков. И в дальнейшем именно они в духе положений Судебных уставов разрабатывали и добивались введения последующих законодательных актов судебного ведомства.

К таким служителям Судебных уставов отнесем большую группу приверженцев реформы, осуществлявших свою профессиональную деятельность на различных должностях судебного ведомства, часто последовательно работая судьями, прокурорами, адвокатами, становясь учеными, общественными и государственными деятелями.

В первую очередь, как нам представляется, к таким лицам следует отнести продолжателей проведения реформы и введения Судебных уставов, занимавших высокие государственные должности, и от воззрений которых зависела успешность реформирования судебной системы в России. Таким деятелем был член гражданского кассационного департамента Сената Набоков Дмитрий Николаевич (1829-1904), который с первых шагов участвовал в практическом осуществлении судебного преобразования и в сложное для судебных уставов время в качестве Министра юстиции (1878-1885) встал на охрану коренных начал Судебных уставов.

В 1881 и 1882 годах по его инициативе были учреждены комиссии по пересмотру уголовных и гражданских законов для составления проектов новых уложений. Следил за тем как толкуются практически юристами намеченные проектами положения и как они принимаются. При нем было закончено введение суда присяжных в Западном крае, открыты Виленский и Киевский судебные округа.

Преодоление трудностей открытия новых судов были связаны с именами крупных юристов: председателя уголовного кассационного суда Арцимовича Виктора Антоновича (1820-1893), первого председателя петербургского Окружного суда Мотовилова Георгия Николаевича (1834-1880), одного из первых товарищей председателя петербургского Окружного суда Сабурова Андрея Александровича, товарища председателя и затем председателя петербургского Окружного суда Шамшина Ивана Ивановича (1836-1912), первого председателя московского Окружного суда Люминарского Елисея Елисеевича (1829-1883), председателя петербургского Окружного суда Бобрищева-Пушкина А.М. (1951-1903), председателей Судебных Палат – петербургской – сенатора Гольтгоера Михаила Федоровича (1823-1899) и московской – сенатора Поленова Матвея Васильевича (1823-1882), других лиц, призванных проводить судебные преобразования в жизнь: судебные деятели разных рангов – А.Л. Боровиковский, М.Ф. Губский, С.Ф. Морошкин, Н.Н. Мясоедов (участвовал в законодательных работах судебной реформы, настаивал на предоставлении женщинам права быть защитниками и поверенными в делах), Н.А. Неклюдов, Э.Я. Фукс; прокуроры М.Ф. Громницкий, Н.А. Манасеин, В.А. Половцев, В.К. Случаевский, А.А. Марков; адвокаты – С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, М.И. Доброхотов (первый председатель Московского совета присяжных поверенных), В.И. Жуковский, А.Ф. Кони, Я.И. Любимцев (товарищ председателя Московского совета присяжных поверенных), Ф.Н. Плевако, П.А. Потехин, В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.М. Унковский, князь А.И. Урусов, А.И. Языков; судебные деятели И.С. Денисьев, А.Ф. Масловский, Я.А. Плющевский-Плющин и др.

Вклад указанных юристов в дело продвижения Судебной реформы был значителен. Охарактеризуем кратко деятельность наиболее выдающихся судебных деятелей и научные труды, развивавшие и утверждавшие теоретико-правовые основания новой системы судебного правотворчества. Так, В.Н. Арцимович осуществлял руководство новыми судебными

деятелями, разъяснял и укоренял дух новых законодательных актов, впервые дал толкование Судебным уставам в Сенате, стойко охранял уставы от искажений.

Г.Н. Мотовилов – участник составления Уставов, привлекался в качестве эксперта по многим вопросам в законодательной работе отделения гражданского судопроизводства. Им были установлены начала внутренней администрации Суда, подобран знающий и способный применять правильно новые порядки судебный персонал, дан толчок делам, в рассмотрение которых вносилось множество новых еще неизведанных приемов. Он решал проблемы нового дела: выявлял и объяснял своеобразность приемов обвинительно-состязательного процесса в условиях отсутствия практически подготовленных судебных деятелей¹. В течение месяца сам председательствовал в суде вместе с присяжными заседателями, направляя деятельность в соответствии с новыми уставами, полагая, что от первых шагов нового суда зависит многое в прочности этого учреждения. На всех последующих должностях созидал новые судебные порядки. В качестве члена соединенного присутствия 1-го и кассационного департаментов Сената охранял новые учреждения от ошибок и вносил в эту деятельность стойкость взглядов, укрепляющих дело², осуществлял надзор за правильностью действий судебных учреждений, оберегая прочность их теоретико-правовых оснований от мер, которые могли бы поколебать эту прочность.

Защитник прав, начертанных Судебными уставами И.И. Шамшин, с неустанным вниманием поддерживал внешнюю независимость и внутреннюю самостоятельность суда, борясь с недоброжелательными течениями, сплачивая воедино людей разнообразных способностей и темпераментов, и направляя действие суда к одной цели. Ему пришлось многое организовывать вновь в тот период, когда первоначальный восторг перед судебной реформой начал постепенно сменяться недоверием к

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.182.

² Там же. – С.183.

деятельности новых судов со стороны высших сфер и подвергаться различным нападкам¹.

И.И. Шамшин вел сложные уголовные дела как образцовый судья-руководитель присяжных заседателей в то время, когда еще не были выработаны приемы и содержание председательского напутствия присяжным заседателям. Он внес существенный вклад в труды по межевому ведомству, заслуживающие особой оценки по своей сложности и по единству взгляда, «строго проводимому и в общем направлении и в частностях исполнения»².

Адвокат-практик и ученый В.Д. Спасович в 1863 году представил первый положительный опыт в деле объяснения, распространения и осведомления по вопросам нового уголовного права, – издал «Учебник уголовного права», впитавший идеи Судебной реформы в условиях отсутствия юридической литературы в преддверии принятия Судебных уставов. В работе им был проведен анализ правовых понятий и бытовых явлений.

Ученый принял активное участие в деле развития судебных приемов и идеалов, оставил 11 томов своих трудов по юридическим и другим отраслям знаний, связанных с юриспруденцией. Его труды заложили основы судебной этики, которая утверждалась им посредством судебных прений и в установлениях, касающихся деятельности Совета присяжных поверенных.

Известны его значимые для науки труды и речи, посвященные вопросам уголовной психофизиологии, физиологии и психологии. В 1891 году Спасович выступил защитником суда присяжных заседателей против нападок позитивно-антропологической школы Тарда, Гарофало и др.

Общественный деятель и публицист, Председатель Совета присяжных поверенных петербургской Судебной Палаты, К.К. Арсеньев в 1866 г. выработывал приемы и правила адвокатской этики, особенно в теоретических основоположениях адвокатских задач. Он разработал

¹ Там же. – С.186.

² Там же. – С.187.

постановления, которые определяли этические нормы-требования к профессиональной деятельности адвокатов.

В своем труде «Заметки о русской адвокатуре» (1875) К.К. Арсеньев обосновывает правила о способах и приемах ведения судебного состязания, твердо устанавливает, как принцип, ответственность адвоката перед корпорацией. В «Заметках ...» развиты необходимые устои деятельности русского адвоката, что не утратило профессионального значения и ценности по настоящее время. Его труды по преданию суду и дальнейшему ходу уголовного дела (1870), и по судебному следствию (1871) представляют собой некое руководство для осуществления судьями своей профессиональной деятельности.

Ученый-юрист А.М. Бобрищев-Пушкин исследовал работу судов присяжных заседателей, считая их лучшей формой суда. Из наблюдений над разнородными проявлениями суда присяжных заседателей, он сделал глубокие выводы и представил их в труде «Эмпирические законы суда присяжных», толкуя и разъясняя закон в суде и в печати.

М.Ф. Губский научно обосновал и убедил в непригодности, рекомендовавшегося для замены суда присяжных заседателей, западного суда шеффенов. В начале 1880-х годов выполнял работы по подготовке введения судебной реформы в Прибалтийском крае. Составлял проекты преобразования судебной части и крестьянских присутственных мест в губерниях Прибалтийских, выясняя на местах вопросы распространения на эти губернии действий Судебных уставов.

Его строго обоснованные кассационные заключения в Сенате «отличались чистым кассационным рассмотрением и основывались на правовых понятиях и установленных законом гарантиях правильного правосудия»¹.

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.221.

Примечательны юридические труды А.Л. Боровиковского, который соединял живое понимание Судебных уставов 1864 г. с развитием науки права. Его труд «Отчет судьи» обращал внимание на требование закона по оказанию помощи со стороны судьи тяжущемуся, не умеющему отстаивать свое право. Он рассматривал вопросы аналогии и толкования законов, требовал соблюдения с педантичностью гласности в суде¹. Состязательность гражданского процесса в суде видел в не навязывании судебной защиты не желающему, и в участии по отношению к желающему, но не умеющему защищаться².

Свои взгляды на суд и семью он развивал в статьях «О праве и факте», «О существе дел», «Конституция семьи» (1902), «Брак и разводы» (1902) и других.

Правовед, профессор, деятель судебной реформы Н.А. Неклюдов, выполняя значительную часть работы в законодательных комиссиях по преобразованию волостных судов, по тюремному преобразованию и др., внес значительный вклад в науку права. Им опубликованы «Уголовно-статистические этюды», которые представляли собой первый в России научный опыт применения статистического метода к явлениям преступности³; «Руководство для мировых судей» в 2-х томах; «Руководство к особенной части уголовного права» в 3-х томах и др.

Значительный вклад трудами по проекту уголовного Уложения внес прокурор А.А. Марков, занимавшийся дознаниями по особо важным делам. Его доклад в 1883 году о бесприязном суде, вызванный пристрастными и односторонними нападениями на основы присяжного суда, примечателен тем подходом, который он применил для обоснования. Так, защищая суд присяжных Марков пошел по пути исследования сущности того, чем хотели бы противники этого суда его заменить. Он говорил: «посмотрим поближе на

¹ Там же. – С.252.

² Там же. – С.251.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1897. – 20А (40) т. – С.856.

то, чем можете похвастать вы [противники] в области суда присяжных»¹ и представлял полученные в ходе исследования дела материалы и выводы о несостоятельности предложений, направленных против суда присяжных. Ученый-юрист обратился к простому коронному суду, без сословных представителей, и показал, какой плохой заменой суда присяжных был бы этот суд. С одной стороны, он, не преувеличивая достоинства суда присяжных, а, с другой стороны, не скрывая недостатки этого суда, убеждал, в разработке для функционирования суда присяжных надлежащих юридических условий деятельности.

Во втором докладе в 1890 году об обжаловании приговоров оправданными подсудимыми А.А. Марков проработал вопрос о допустимости обжалования подсудимыми оправдательных приговоров. Доклады А.А. Маркова составили ценный вклад в юридическую науку по уголовному процессу и судоустройству.

Председатель первого Совета присяжных поверенных при петербургской Судебной Палате Д.В. Стасов, принимавший живое участие в установлении тех нравственных начал, которыми в те годы руководствовалась адвокатура, на литературном юридическом поприще рядом своих статей подготавливал читателей к разумному и осведомленному восприятию грядущей судебной реформы.

Провозвестник основных начал нового судебного строя С.М. Унковский размещал статьи по крестьянскому вопросу и о готовившейся Судебной реформе в «Московских Ведомостях», «Вестнике Европы», «Санкт-Петербургских Ведомостях», «Современнике» и др. На свои средства и под собственной редакцией издал в переводах с немецкого языка сочинения К. Ж. А. Миттермайера «Руководство к судебной защите», «О суде присяжных в Англии, Шотландии и Северной Америке», «О сословии

¹ Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.223.

адвокатов» (1864)¹; с английского – «Теория косвенных улик» У. Уильза. В 1866 году он занял место в рядах адвокатуры².

Таким образом, исследование правотворческой деятельности творцов российской судебной системы 1864 года и их продолжателей, позволило нам сделать следующие выводы:

1. Не завершенность проектов уставов гражданского, уголовного судопроизводства и судоустройства, выполняемые длительное время и в разные периоды под общим руководством управляющего вторым отделением Д.Н. Блудова, проявила потребность в производстве детального рассмотрения и определения «основных начал» разрабатываемых Судебных уставов и Судебной реформы в целом, что привело к созданию специальной комиссии. Руководителю комиссии В.П. Буткову, удалось создать в составе отделений группы квалифицированных юристов-единомышленников, которые разработали все проекты Судебных уставов.

2. Творцы Судебной реформы и уставов обладали разным служебным и практическим опытом, так как были привлечены к работе из разных областей государственной и юридической служб, владели необходимыми знаниями, имели свои, отличающиеся от других разработчиков, взгляды на проведение реформирования судебной системы, а также обладали значимыми для дела реформирования личностными свойствами и качествами, которые раскрывались при обосновании предложений. Расходясь в частности, предлагаемые варианты статей и положений, рассматривались комиссией, в ходе дискуссий обсуждались и принимались коллегиально.

3. Деятельность комиссии по реформированию судебной системы происходила в трех отделениях: судопроизводства гражданского, возглавляемой С.И. Зарудным; судопроизводства уголовного, под руководством Н.А. Бучковского и судебного устройства (А.М. Плавский).

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 19 (37) т. – С.473-474.

² Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – С.283.

Многие реформаторы и привлекаемые для выполнения определенных задач консультанты и эксперты не считаясь со временем отработывали различные юридические и организационные вопросы в нескольких отделениях комиссии. Участники разработки положений реформы проявили себя как выдающиеся государственные деятели, вдумчивые исследователи, ученые, которые внесли основополагающий вклад в разработку теоретико-правовых основ создаваемой судебной системы российского государства.

4. Противодействие введению Судебных уставов, оказываемое на местах; сложности, обусловленные отсутствием подготовленной юридической магистратуры и ее негативное отношение к новшествам в судопроизводстве; продолжительность Судебной реформы (1866-1899 гг.); недостатки, выявленные в ходе практики созданных судов; разработка новых законодательных актов, направленных на развитие судебной системы, обусловило целенаправленную организационно-разъяснительную и научно-исследовательскую деятельность создателей уставов и их единомышленников.

Именно продолжатели Судебной реформы укрепили своей обширной научной и практической деятельностью значение преобразованных судебных учреждений и заставили смириться сторонников старых судебных порядков. В дальнейшем они отстаивали основания Судебных уставов от нападков и контрреформирования, разрабатывали и добивались введения последующих законодательных актов судебного ведомства.

Развитие судебного правотворчества в России в период Судебной реформы 1864 года характеризовалось тем, что препятствия в целом коренились в общих исторических причинах, проявлявшихся в длительном существовании крепостного права в России, в разбросанности, недосформированности правотворческой теории, а также в гражданской неразвитости большей части крестьянского населения государства, в недостаточной образованности руководящих классов. Эти исторические

причины задерживали внутренний процесс развития теории права российского судебного правотворчества.

Законодателем с введением судебной реформой таких новых положительных оснований, как устность, гласность, состязательность судебного процесса, установление институтов адвокатуры (присяжных поверенных) и присяжных заседателей, а также установлением кассационной процедуры по апелляционным судебным делам, и, с одной стороны, – несменяемой магистратуры, а с другой стороны, – выборного мирового суда, была ограничена сила формальных доказательств, но вместе с тем не была разработана теория законных доказательств, что привело к тому, что ни в Судебных уставах, ни в Учреждении судебных установлений 1864 года не были сформулированы правила о доказательствах. Теория индивидуального убеждения судей, присяжных поверенных привела к возникновению многих проблем в пореформенном судебном правотворчестве.

Судебная практика показала, что уровень развития судебных институтов и традиций общественной жизни российского населения, привели вместо установления правосудия скорого и справедливого к возрастанию многих серьезных проблем. На деле произошел разрыв между теоретической стороной строительства новой судебной системы и ее санкционированных начертаний в виде Судебных уставов, которым в идеале должны были следовать суды на основе принятых реформой правовых основаниях.

Практическое осуществление судебного правосудия вступило в противоречия с принятыми нормами, прописанными в Судебных уставах, – это происходило на основании норм, которые также были прописаны в Судебных уставах или не прописаны вовсе.

Основные проблемы судебного правотворчества проявились в следующем:

1. Отсутствие правил о доказательствах и предоставление судьям, присяжным заседателям, присяжным поверенным, следователям и прокурорам права в процессе выполнения своей профессиональной деятельности руководствоваться общим законодательным требованием «по

внутреннему убеждению». Судьям, при обнаружении неполноты или противоречия законов, а также в случае неясности положений, предписывалось брать за основание «общий смысл законов». Независимость должностных лиц судов от государственной власти во внутренних отношениях, обособление самих судов привело к снижению в судебной системе профессиональной ответственности, дисциплины и к установлению номинальной иерархической подчиненности судебных инстанций.

2. Законодательно установленное использование обычаев в судебном правотворчестве как юридической нормы претворялось в делах об имущественных крестьянских отношениях, мелкоторговых сделок и при разборе многих других гражданских тяжб в судах. Особенностью судопроизводства являлось отсутствие систематизированных собраний местных крестьянских и мелкоторговых обычаев – они не были определены с необходимой точностью, что обусловило их малоизвестность и спорность. Постановления судов, выработанные с учетом местных обычаев и по усмотрению судей, способствовали проявлению судебного произвола и отрицательно сказывались на положении равенства для всех тяжущихся в суде.

3. Принятие народных обычаев как нормы юридической и применение обычаев в судебном правотворчестве предоставили право присяжным заседателям выносить решение о виновности подсудимого «по внутреннему своему убеждению», под впечатлением происходящего судебного процесса и не придерживаясь требования закона. Присяжные заседатели нередко формулировали свои вердикты в противоположность доказательства факта виновности подсудимого. С введением института присяжных влияние государства на осуществление правосудия отменялось.

4. В дореформенный период отечественного судопроизводства не было усвоено и приобретено необходимых данных и опыта для института присяжных поверенных (адвокатов), так как он поверенных учреждался впервые. Центральное место занимал самоучреждаемый и самоуправляемый совет поверенных. Присяжные поверенные, не обремененные наукой и

законом и не подвергавшиеся судебному надзору, стремились воздействовать на мнение присяжных заседателей второстепенными эффектными эпизодами рассматриваемого дела, что вредило выяснению фактической истины и влияло на создание нужного им впечатления у присяжных заседателей при вынесении постановлений суда в ущерб правосудию.

5. Первоначальная низкая несменяемая судебная должность следователя при неопытности и отсутствии необходимого законодательного контроля за их профессиональной деятельностью порождала произвол по отношению к частным лицам и неудовлетворительность большинства предварительных следствий, в значительной мере предрешавших судебное следствие. Показания, данные на суде и противоречащие с показаниями на предварительном следствии, часто внушали присяжным заседателям недоверие к речам обвинения или защиты и влияли при вынесении вердикта.

6. Законодательное ослабление собственной ответственности прокуроров привело к тому, что прокуроры в своих судебных заключениях не ограничивались законом и содержанием предварительного следствия и могли в силу «личного убеждения» формулировать выводы, не стесняясь прямым смыслом законов. Понимание правительственных интересов перед судом со стороны прокурорского корпуса не были обусловлены неизменными установленными нормами.

7. Высшая кассационная инстанция, по закону ничем не связанная с государственной властью и поставленная законом в формальные отношения с судами, бессильная в дисциплинарном отношении, в руководящей деятельности была пассивной и относилась к жалобам на действия магистратуры с большим снисхождением, старалась выгораживать судей от ответственности. Такое состояние высшей кассационной инстанции не улучшало деятельность судебных органов и негативно сказывалось на отправлении правосудия.

Исследование в связи с ведением Судебной реформы правотворческой деятельности творцов российской судебной системы 1864 года и их

продолжателей позволило выявить, факторы, влиявшие на разработку законодательных актов реформы.

Во-первых, завершенность проектов уставов гражданского, уголовного судопроизводства и судоустройства, выполняемые длительное время и в разные периоды под общим руководством управляющего вторым отделением Д.Н. Блудова, проявила потребность в производстве детального рассмотрения и определения «основных начал» разрабатываемых Судебных уставов и Судебной реформы в целом, что привело к созданию специальной комиссии. Руководителю комиссии В.П. Буткову удалось создать в составе отделений группы квалифицированных юристов-единомышленников, которые разработали все проекты Судебных уставов.

Во-вторых, творцы Судебной реформы и уставов обладали разным служебным и практическим опытом, так как были привлечены к работе из разных областей государственной и юридической служб, владели необходимыми знаниями, имели свои, отличающиеся от других разработчиков, взгляды на проведение реформирования судебной системы, а также обладали значимыми для дела реформирования личностными свойствами и качествами, которые раскрывались при обосновании предложений. Расходясь в частности, предлагаемые варианты статей и положений, рассматривались комиссией, в ходе дискуссий обсуждались и принимались коллегиально.

В третьих, деятельность комиссии по реформированию судебной системы происходила в трех отделениях: судопроизводства гражданского, возглавляемой С.И. Зарудным; судопроизводства уголовного, под руководством Н.А. Бучковского и судебного устройства (А.М. Плавский). Многие реформаторы и, привлекаемые для выполнения определенных задач, консультанты и эксперты не считаясь со временем отработывали различные юридические и организационные вопросы в нескольких отделениях комиссии. Участники разработки положений реформы проявили себя как выдающиеся государственные деятели, вдумчивые исследователи, ученые,

которые внесли основополагающий вклад в разработку теоретико-правовых основ создаваемой судебной системы российского государства.

В четвертых, противодействие введению Судебных уставов, оказываемое на местах; сложности, обусловленные отсутствием подготовленной юридической магистратуры и ее негативное отношение к новшествам в судопроизводстве; продолжительность Судебной реформы (1866-1899 гг.); недостатки, выявленные в ходе практики созданных судов; разработка новых законодательных актов, направленных на развитие судебной системы, обусловило целенаправленную организационно-разъяснительную и научно-исследовательскую деятельность создателей уставов и их единомышленников.

Продолжатели Судебной реформы укрепили своей обширной научной и практической деятельностью значение преобразованных судебных учреждений. В дальнейшем они отстаивали основания Судебных уставов от нападков и контрреформирования, разрабатывали и добивались введения последующих законодательных актов судебного ведомства.

Вместе с тем положительным, что дали Судебные уставы 1864 года, проявившиеся недостатки сменили недостатки дореформенного судопроизводства. Возникли новые препятствия к осуществлению правильного отправления правосудия, которые требовали своего разрешения.

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ на примере применения правовых обычаев в делах по крестьянскому земельному, семейному и наследственному праву

3.1. Судебное правотворчество по земельным вопросам

Экономическое и политическое положение России после поражения в Крымской войне (1853-1856 гг.) было крайне тяжелым. Война расстроила финансовую систему, разорила крестьянские хозяйства, ускоренными темпами назревала революционная ситуация¹. Состояние российского общества настоятельно требовало кардинальных изменений законодательства, направленных на положительные преобразования в политической и экономико-социальной сферах государства. Российская империя в условиях функционирования крепостного права не могла поступательно развиваться и восстанавливаться. Это понимало российское правительство и население государства.

19 февраля 1861 года Александром II были утверждены 17 законодательных актов по крестьянско-земельным вопросам², а именно: Манифест императора «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»; «Общее положение о крестьянах...»; «Положения...» о выкупе, о губернских учреждениях по делам крестьянским; «Правила», в которых были установлены особенности проведения реформы для специфических районов³ и отдельных крестьянских

¹ Обострившаяся нужда и увеличившиеся тяготы крестьян, вызванные последствиями войны, были усугублены эпидемиями, неурожаем и голодомором.

² Крестьянская реформа [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. – С. 119-121. – Режим доступа: <https://www.booklot.org/genre/spravochnaya-literatura/entsiklopedii/book/bolshaya-sovetskaya-entsiklopediya>. –С.119.

³ «Об устройстве крестьян, водворенных в имения мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам», «О приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов», «О крестьянах и рабочих, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных

категорий; положения о поземельном крестьянском устройстве, имеющие местные особенности.

Редакционная комиссия, занимающаяся подготовкой реформы, при разработке изменений по крестьянско-земельным вопросам, в своем правотворчестве вынуждена была учитывать, с одной стороны, устоявшиеся порядки и действия механизмов крестьянского сельскохозяйственного производства, длительное время функционировавшие в условиях крепостного способа хозяйствования, и, с другой стороны, учитывался сложившийся порядок общинного крестьянского землепользования и их уклад жизни в общине. От установившегося порядка общинного землепользования зависело функционирование земельных хозяйств их членов, «крестьян-тяглецов». Такой порядок землепользования традиционно происходил в пределах, допускавшихся владельцами земли – помещиками или государством. Главная функция крестьянской общины состояла в регулировании отношений по поводу землепользования, а также в распределении и перераспределении земли и между членами общины.

Правосудие у русских крестьян издревле выполнялось судами общины, отличавшиеся многообразием форм. Так, большое значение имел суд старейших и уважаемых жителей общины – стариков, представлявший одну из форм общинного суда¹. Они хорошо знали обычаи своей общины, ее обычно-правовые нормы, а также устоявшиеся правовые традиции и пр. Именно их избирало общество для разрешения конфликтов крестьян в пределах своего мира. Иногда эти авторитетные старики приглашались сельским старостой для участия в рассмотрении разных дел². Общинный суд крестьян опирался на местные обычаи, применяя которые сельские старожилы, при поддержке общества используя авторитет жизненного опыта

промыслах», «О крестьянах и дворовых людях в Земле Войска Донского», «О крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках», «О крестьянах и дворовых людях в Ставропольской губернии», «О крестьянах и дворовых людях в Сибири», «О людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области» [132, С. 220].

¹ Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 1 т. – С.379.

² Там же. – С.379.

и знание сущности разбираемых тяжб, проявившихся в повседневности, отправляли общинное правосудие. Общинный уклад жизни и землепользования переплетаясь с традициями сельскохозяйственного труда, сложившейся самобытностью крестьянского общественного устройства и менталитетом обусловили приверженность крестьян нормам обычного права.

В применении устоев народно-обычного права проявлялось сложившееся представление крестьян о справедливом устройстве их жизни. Важным было как, какими способами крестьянская община регулировала проблемы землепользования своих членов внутри мира, упорядочивала земельные отношения, решала социально-экономические конфликты, в том числе конфликты семейные. Традиционный принцип разрешения споров между жителями общины «миром» осуществлялся с применением своих обычно-правовых норм, выработанных многолетним укладом крестьянской жизнедеятельности, и крепился силой общественного мнения. Применение устоев обычного права, его обычно-правовых норм, которые не были чисто юридическим понятием, одновременно переплеталось с укоренившимися религиозными и моральными представлениями, в совокупности которых проявлялось обыденное сознание жителей общины, определяющим образом установившее порядок общинного самоуправления.

Анализ ряда работ по тематике применения обычного права дает основание утверждать, что у большинства ученых, занимавшихся исследованием развития правотворчества по вопросам землепользования, сформировалась позиция, обосновывавшая вывод, что крестьянская община по своей сути являлась одновременно местным правотворческим органом, применявшим нормы обычного права.

Правительство российского государства и помещики-землевладельцы не стремились регулировать земельные отношения на селе, которые традиционно регулировались миром посредством применения общинных обычно-правовых норм.

Уклад общинного бытия крестьян, характеризуется воздействием цепи серьезных противоречий и проблем, которые основополагающим образом влияли на реформаторскую и правотворческую деятельность разработчиков Крестьянской реформы 1861 года, а также ее юридических актов. Реформа должна была обеспечить социальные преобразования в российском обществе и создать условия для разработки новой судебной системы. В этой связи на правотворческую деятельность реформаторов по крестьянско-земельным вопросам оказывали влияние следующие проблемы:

1. Создание современной, отвечающей требованиям развития российского общества, с учетом перспектив его развития, системы судопроизводства, соответствующей действующей на всей территории Российской империи с преобладающим сельским населением. При этом в разных частях обширного государства традиционные земельные отношения, землепользование и уклад хозяйствования, а также действовавшие обычно-правовые нормы имели существенные отличия. Многонациональность сельского населения и необходимость обязательного учета традиционных обыкновений в земельных отношениях оказывали обстоятельное влияние на выработку законодательных проектов¹.

2. Длительное развитие российского общества в условиях крепостного права обусловило почти сплошную неграмотность крестьян, составлявших до 90% населения России. Это было непреодолимой преградой для использования новыми судами общегражданских норм законов формальных.

3. Упразднение традиционного права помещиков выполнения на своей территории по своему усмотрению полицейских функций, с организацией для этого подчиненной им вотчинной полиции, а также устранение правовой возможности регулировать отношения между крестьянами внутри сельской общины.

¹ Крестьянская реформа [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. – С. 119-121. – Режим доступа: <https://www.booklot.org/genre/spravochnaya-literatura/entsiklopedii/book/bolshaya-sovetskaya-entsiklopediya>. – С.220.

4. Сохранение в условиях личной свободы крестьян помещичьего землевладения и обеспечение проведения сельскохозяйственных работ на их землях. Обеспечение функционирования системы выполнения крестьянами повинностей, уплаты подушной и других установленных податей, а также организация комплектования армии рекрутами.

5. В условиях новых гражданских правоотношений после проведения Крестьянской реформы и отмены помещичьего суда образовывалась огромная масса крестьянских судебных тяжб, которые требовали своего рассмотрения реформируемой судебной системой.

6. Отсутствие в России подготовленных юристов и лиц с необходимым уровнем неюридического образования, пригодным для работы в новых судах. Отсутствие необходимых для цели судебного реформирования финансовых средств в условиях кризисного состояния экономики страны диктовало необходимость создания суда, с одной стороны, дешевого, а, с другой стороны, современного и действенного.

7. Тяжелое экономическое положение крестьян, являвшихся главной тягловой силой в государстве, и усугубленное последствиями Крымской войны, привело к массовым отказам платить налоги и выполнять другие платежи в государственную казну, обрабатывать земли помещиков. Принуждение инициировало многочисленные бунты.

Представленные нами внутривластные и социально-экономические проблемы требовали быстрого и эффективного решения. В создавшихся условиях правительство видело выход в использовании сельских общин в качестве удобного и эффективного инструмента, при помощи которого можно управлять землепользованием, осуществлять земельные устройства, регулировать земельные и хозяйственные отношения крестьян, получать от общины необходимые платежи и подати, обеспечивать выполнение повинностей и призывать рекрутов на службу в армии. Правительство использовало традиционные отношения крестьян к

государственной власти и казне, которые длительное историческое время были опосредованы общиной и крестьянским миром в целом.

Сельская община сохраняла нравственные устои в соответствии с местными традициями и контролировала повседневную жизнь крестьян. Сила мнения общины обеспечивала выполнение устоявшихся обычно-правовых норм. Кроме этого, общинный уклад жизни поддерживался применением, при необходимости, различных способов воздействия к провинившимся. Сословная замкнутость крестьянского «мира» в сочетании с прозрачностью его внутренних отношений обнаруживали неблагоприятное поведение крестьян. Важным являлось то, что безупречная репутация имела большое значение для авторитета крестьянина, как исправного домохозяина.

Разработчики реформы полагали, что община способна заменить бывшие полномочия помещиков по управлению крестьянами и станет органом местного самоуправления и по сбору налогов в пользу государства, в том числе. В результате в «Общем положении о крестьянах...» было установлено, что «сельское общество» является низовой структурой самоуправления. При этом узаконенная структура, как правило, включала крестьян, проживавших на земле одного помещика¹, а смежные общества крестьян объединили в волости².

Устанавливалась структура самоуправления «сельский сход», включавшая крестьян-домохозяев и выборных сельских должностных лиц под управлением выборного старосты (Ст. 46, 47). Сельский сход, кроме функций самоуправления, традиционно выполнял судебные функции. Волостное управление возглавлялось волостным старшиной, а важные вопросы решались волостным сходом (Ст. 69, 71). В рассматриваемом законодательном акте были установлены обязанности должностных лиц, их права и ответственность перед обществом, а также определены полномочия волостного старшины, сельского старосты и других лиц, принимающих

¹ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.40-41.

² Там же. – Ст.42-45.

участие в самоуправлении. Контроль за функционированием органов сельского самоуправления осуществлял губернатор, используя для этого уездные властные структуры губернии.

Сельские старосты и волостные старшины, кроме решения поземельных вопросов и управления отбыванием крестьянами «податей и всякого рода повинностей» (Ст. 59) и наблюдением за исправным состоянием на территории сельских обществ дорог, мостов и другой инфраструктуры, были наделены определенными полицейскими функциями, – в их обязанности входило исполнение распоряжений земского начальника и установлений властей, а также местной полиции и судебных следователей. Так, сельский староста обязан был принимать меры для соблюдения порядка и обеспечения безопасности лиц и имущества на территории общины от преступных действий и, в случае выявления преступления, осуществлять «предварительное дознание, задерживать виновных и охранять следы преступления до прибытия земской полиции»¹ и, кроме того, приводил в исполнение «мирской приговор». Волостной старшина принимал, в том числе, полицейские меры по предупреждению и пресечению преступлений, задержанию виновных и представлению их соответствующему начальству и должен был следить за выполнением «приговоров мировых учреждений и волостного суда» (Ст. 83). Волостной старшина наряду с исполнительной властью имел предоставленное законодателем право судить и наказывать крестьян-общинников за мелкие проступки. Помощник старшины – волостной писарь стал важным звеном в правовых отношениях между крестьянами и местными начальниками и имел влияние при формировании приговора и его вынесении.

Исследование правотворчества по вопросам землепользования показало, что происходил сложный поиск способов правового регулирования разрабатываемых сельскохозяйственных отношений и установления

¹ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.60.

субъектов права земельной собственности, которые могли бы обеспечить надлежащую обработку земель помещиков и земельных наделов крестьян, находящихся в постоянном сельскохозяйственном обороте. При этом крестьяне, законодательно определенные как свободные сельские обыватели, не могли отказаться от выполнения сельскохозяйственных работ и принуждены были исполнять вмененные платежи, подати и повинности в отношении государства и помещиков. Для создания условий реализации этих задач реформаторы легитимировали в земельных отношениях нормы обычного права, а в качестве основного субъекта выделили крестьянскую общину, способную успешно обеспечить выполнение всех повинностей.

Крестьянской землей распоряжалась община, которая проводила межевание наделов и осуществляла контроль за межевыми знаками. При этом крестьяне являлись субъектами земельных правовых отношений только как члены сельского общества¹, что поддерживало общинный принцип уравнительности в пользовании землей, который, в свою очередь, предоставлял крестьянским домохозяйствам равные сельскохозяйственные и производственные возможности. Такое уравнительное общинное землепользование с точки зрения законодателя было правомерным и обязательным. Следует отметить, что законодательное закрепление земли как общинной (коллективной) собственности не давало выделиться крестьянам в качестве полноправных субъектов гражданских правовых отношений. Правительство закрепило земельный надел и имеющийся сельскохозяйственный сельскохозяйственный инвентарь как собственность потомственную для всего крестьянского двора, устраняя этим от права собственности главу крестьянского хозяйства и членов семьи. В соответствии с обычно-правовыми нормами семейное имущество определялось как единое целое. При этом крестьянская семья представляла

¹ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.40-41.

собой тягловую единицу, которая посредством семейной собственности обеспечивала благополучие и платежеспособность домохозяйства.

Реформаторами был определен порядок выделения крестьянам земельных наделов за выкуп, размер которых устанавливался от 3 до 12 десятин, в зависимости от плодородия почв. Учитывалось отличие в плодородии земель черноземных, степных и нечерноземных губерний, выявленные земельные излишки отрезались в пользу помещика.

Крестьянин, выполняющий оброк¹, должен был одновременно выплатить помещику 20% от стоимости выделенного ему земельного надела, а остальные деньги в качестве выкупной ссуды² выплачивались помещику государством. Расчеты за землю производились не с самим крестьянином, а с общиной, сельским обществом. При этом крестьянин должен был выплачивать долг в течение 49 лет включая 6 процентов годовых³. Выкупленные земли не переходили в собственность крестьян, поэтому землю невозможно было завещать, наследовать или продать, но и от права на земельный надел отказаться крестьянин не мог. Покупка земли у помещика крестьянином осуществлялась в принудительном порядке, а порядок выкупа был таков, что крестьяне, которые не могли выкупить землю, становились временно обязанными до момента совершения сделки. При этом они за пользование выделенной земли выполняли повинности в виде прежних барщины и оброка. Кроме этого крестьяне не имели права в срок до 1870 года, то есть в течение 9 лет, выйти из сельской общины и отказаться от земельного надела. Помещик над такими крестьянами осуществлял свое попечительство и распространял на них право вотчинной юстиции⁴.

Отказ правительства кардинальным образом решать крестьянский земельный вопрос надолго сохранил юридическое влияние наследия,

¹ Там же. – Ст.30.

² Там же. – Ст.27.

³ Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.67.

⁴ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.148.

оставшегося от длительного крепостного права, на пореформенное землепользование, а также на сельское устройство, крестьянское самоуправление и осуществление правосудия на основе живучести обычно-правовых судебных форм в общине.

В силу рассмотренных выше законодательных решений в «Общем положении...» об устройстве сельского общества, порядка выкупного наделения крестьян в составе общин земельными наделами, а также обеспечения выполнения всех повинностей, разработчики судебного правотворчества в земельной сфере законным образом легализовали крестьянские правовые обычаи. Ими полагалось, что эта временная мера необходима на первых этапах становления самоуправления сельских жителей в условиях введения реформы, в этом решении учитывалось наличие адаптационных механизмов в обычно-правовой системе крестьян, которые поддерживали стабильность и жизнеспособность общины. Реформаторами было взято за основу уже применявшееся правосудие, осуществляемое общинными судами, и реализовывавшееся с использованием различных форм судебных действий, включавших, в том числе, принудительные возможности крестьянского общества. В связи с этим, в «Общем положении...» были установлены крестьянские волостные суды сословного характера, которые принимались как временные. Предполагалось, что по мере сближения крестьян в своем развитии с другими сословиями, их законодательство подчинить законам общегражданским.

Реформаторы в «Общем положении...» стремились разрешить две сложные проблемы. Во-первых, воспрепятствовать распространению массы крестьянских земельных тяжб через снижение возможности, когда «...крестьянин обязан искать суда и расправы в казенных присутственных местах»¹, то есть снизить массу обращений в суды общей инстанции. Во-вторых, обосновать условия, при введении которых возможно избавить суды

¹ Оршанский, И.Г. Народный суд и народное право (По поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И.Г. Оршанский // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – СПб., 1875. – Кн. 3. – С.99.

крестьянские от применения неизвестного и чуждого общего государственного законодательства «расширив значение и силу народных обычаев»¹.

С принятием Судебной реформы 1864 г. сельские жители, кроме волостных судов, могли обращаться в суды общей инстанции в силу того, что законодатель установил использование обычаев при рассмотрении судебных тяжб крестьян, как в учрежденном мировом, так и в общих судах.

Юридическая особенность волостных судов состояла в том, что законодателем были установлены их полномочия по окончательному решению всех тяжб между крестьянами стоимостью до 100 рублей, при этом такой подход распространялся, как на движимое и недвижимое семейное имущество, так и «по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а равно и дела по вознаграждению за убыток и ущерб крестьянскому имуществу причиненные»².

Волостной суд разбирал аналогичные дела с судом общим, но до уровня не превышающего стоимости оспариваемого имущества в 100 рублей и определенного предела наказаний, которые он был правомочен налагать в рассматриваемых уголовных делах. Но законодательно, это четко нигде прописано не было – были перечислены лишь определенные категории дел для рассмотрения по различным юридическим направлениям подсудным суду волостному.

В соответствии с «Общим положением...» юрисдикция суда волостного включала тяжбы и споры между крестьянами и дела по разбору маловажных правонарушений³, то есть правонарушения и конфликты, вызванные общинной повседневностью, часто появляющиеся в сельских обществах. При этом крестьянскому суду было предоставлено право

¹ Оршанский, И.Г. Народный суд и народное право (По поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И.Г. Оршанский // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – СПб., 1875. – Кн. 3.– С.99.

² Там же. – С.62.

³ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.95.

проводить необходимые дознания¹. Зачастую процедура дознания осуществлялась не должным образом, с затягиванием сроков, или не проводилась совсем. Например, в Уездном по крестьянским делам присутствии Воронежской губернии «дознание по жалобам по Воронежскому присутствию не делается, а требуется письменное объяснение от волостного старшины... Дела делятся чрезвычайно долго; так, дознание, порученное председателю в октябре 1877 г., окончено только в 1880 г.»².

Крестьяне – судьи волостных судов, по закону бывшие независимыми, на практике зависели от администрации волостного управления. Малограмотные выборные судьи, не сумевшие освоиться со своими обязанностями, попадали в зависимость от волостных старшин и писарей. Тяжким правонарушением волостные судьи полагали разорительное ведение хозяйства и неуплату должных податей и налогов.

Особенностью судов волостных, занимавших местоположение между судами общинными и официальными, было наделение их правом применять местные обычаи в качестве юридической нормы и нормы закона.

Г. Оршанский (1846-1875 гг.), русский правовед, отмечал в труде «Народный суд и народное право», что в отличие от волостного суда, больше использовавшего закон, суд общинный обыкновенно стремился склонить спорящих к примирению³. При этом, в случаях если решение суда соответствовало статьям 96-102 «Общего положения...», то судебные вердикты признавались окончательными и не могли быть обжалованы. По другим статьям, судебное решение в других случаях, по жалобе тяжущихся, решение могло быть пересмотрено мировыми посредниками на уездном съезде.

¹ Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.53.

² Российский государственный исторический архив, фонд 1317, опись 1, дело 10. Л. 35 об.

³ Оршанский, И.Г. Народный суд и народное право (По поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И.Г. Оршанский // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – СПб., 1875. – Кн.3. – С.75.

Отправление общинного правосудия путем обычно-правового регулирования земельных и имущественных споров в крестьянской среде предусматривало их решение гласно, что в дальнейшем являлась залогом его исполнения.

Законодателем было установлено, что тяжбы крестьян по вопросам землепользования, разрешались на сельском сходе на основе норм местного обычного права. В волостной суд тяжущиеся стороны обращались в случаях, когда приговор «мира» казался по какой-либо причине не справедливым. Практика принимаемых решений волостными судами по земельным вопросам показывает, что суды руководствовались местными обычаями¹.

С.В. Пахман, специалист гражданского права, в своих исследовательских трудах приводит ряд примеров постановлений крестьянских судов волостных по фактам засева не своей земли. Одним из судов волостных убранный урожай пшеницы озимой был распределен следующим образом: 8 копен получил хозяин, 8,5 копен направили для оплаты работы². Из решения суда видно, что посеянное зерно присуждено истцу, а в пользу ответчика сделан вычет затрат на семена. При вынесении решения после уборки зерна истцу предписывалось возместить убытки в соответствии с действующими хлебными ценами³.

Примечателен пример, когда при рассмотрении дела о взыскании крестьянином убытков, причиненных засевом 12 десятин земли в Курмышском уезде Симбирской губернии, Симбирский Окружной суд удовлетворил жалобу истца, приняв во внимание следующие обстоятельства: «ответчики признали, что засеяли землю, купленную Михеевым с публичных торгов в количестве 12 десятин, что принадлежность земли Михееву доказана представленной им данной, что показанием свидетелей Фролова и

¹ Безгин, В.Б. Земельные иски в материалах волостных судов Тамбовской губернии / В.Б. Безгин // Земледелие и землепользование в России (социально-правовые аспекты): XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 2002. – С.116.

² Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 1 т. – С.43.

³ Архив Российского этнографического музея, фонд 7, опись 2, дело 2036. Л. 2

Федосеева установлено, что наименьшая средняя доходность десятины земли равняется 30 рублям, и что убытков таким образом выразится в сумму 360 рублей»¹.

Законодатель наделил сельскую общину легитимным правом отстаивать соблюдение своих земельных интересов. Так, рассмотрев кассационную жалобу по делу о разрешении спора между крестьянами деревни Витебской губернии Ковалевой К. Ивановым и П. Ольшанинковым о праве собственности на участок земли Правительственный сенат признал легитимным приговор сельского схода о переделе земли между тяжущимися, тем самым отменив решение Губернского по крестьянским делам присутствия².

В результате иски по делу изъятия наделов у крестьян, определенные, как находящиеся во владении незаконно, в подавляющем большинстве случаев, обращались в пользу общины.

Крестьянин Никита Моисеев пользовался арендованным у мещанина Ивана Немерова земельным наделом, который был выделен тому в пользование общиной. Но сельское общество, после смерти Немерова, не разрешила Моисееву собрать урожай. По решению Воейковского волостного суда половина урожая была убрана в пользу крестьянина, а другая половина была передана сельскому обществу³.

Анализ приведенных примеров свидетельствует, что в соответствии с обычным правом одним из важных критериев в спорах по земельным вопросам являлось соблюдение трудового участия, что крестьянскими судами всегда учитывалось. Решения судов волостных формировались на основе традиционных воззрений крестьян на правонарушения. Наказание при этом устанавливали в зависимости от обстоятельств рассматриваемого дела, причиненного ущерба и личных качеств спорящих.

¹Российский государственный исторический архив, фонд 1364, опись 10, дело 2096. Л.7.

²Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 19, дело 292. Л.5.

³Земцов, Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века / Л.И. Земцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос ун-та, 2002. – С.253.

Законодателем, в процессе осуществления судебной реформы, были созданы мировые суды сословного характера, где крестьяне, наряду с другими сословиями, выбирали судей. Мировые сословные суды рассматривали такие же нарушения, что и суды волостные, но с более высоким имущественным уровнем (до 500 рублей). Они быстро закрепились в правовом сознании крестьян¹.

Суды волостной и мировой вошли в судебную систему в целях разбора многих маловажных дел в целях реализации сельскими жителями возможностей по защите своих прав. В связи с этим И.Г. Шаркова утверждает, что крестьяне в лице мировых судей получили судебные должностные лица, которые могли ими восприниматься в качестве посредников при разрешении незначительных споров². То есть реформаторы предоставили возможность избрать суд в соответствии с уровнем своей тяжбы.

Мировые суды, как и волостные могли разбирать тяжбы, применяя местные обычно-правовые нормы «по совести»³. В силу неграмотности крестьян суды принимали от судящихся иски в устной форме. При этом, как и в суде волостном, стремились склонить стороны к примирению⁴.

Реформирование судебного правотворчества в крестьянско-земельной сфере рассчитывало на постепенное сближение сословно-правовой крестьянской системы с сословиями другими. При этом правительством реализовывалась тенденция выделения крестьян в земельно-правовых отношениях в земельное сословие. При этом из выделенной им земли складывался особый фонд для обеспечения государственной политики по

¹ Демичев, А.А. Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода / А.А. Демичев // История государства и права. – 2010. – 17. – С.22-23.

² Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – С.80.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 2: Устав уголовного судопроизводства. – 523 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372593>. – Ст.30.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 1: Устав гражданского судопроизводства. – 763 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372592>. – Ст.70.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 2: Устав уголовного судопроизводства. – 523 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372593>. – Ст.35.

крестьянско-земельному вопросу, направленной на сохранение крестьян как земледельцев. Так, в 1886 году законодателем, в целях недопущения раздробления хозяйств, был запрещен раздел подворного имущества среди членов двора. А земельные переделы, перераспределение наделов производить не реже, чем один раз в 12 лет (1983). В это же время был принят закон, препятствовавший продаже земельных наделов внутри общины, в результате которого даже после уплаты выкупа крестьянин не мог полностью распоряжаться землей. Крестьянским обществам было запрещено сдавать земельные наделы в залог другим частным лицам, а в 1895 году постановлением Сената личная усадебная оседлость была преобразована в собственность сельской общины.

Формирование капиталистических отношений в России в пореформенный период, постепенное развитие земельного рынка, увеличение операций с недвижимостью объективно сказались на увеличении потребности у сельских жителей в судебном разрешении земельных и семейных имущественных отношений и, в связи с этим, обращением к положениям официальных законов. Что подтверждается увеличением в конце XIX – начале XX вв. количества исков в области земельных отношений.

Таким образом, анализ реформируемого судебного правотворчества позволил сделать следующие выводы:

1. Правосудие издревле осуществлялось общинными судами на основании местных обычаев и опиралось на суд стариков – сельских старожил, судивших на основании хорошего знания обычаев своей общины, ее обычно-правовых норм, а также устоявшихся правовых традиций. В этом крестьянскую общину можно рассматривать как правотворческий орган местного уровня.

2. В вопросах землепользования происходил сложный поиск способов правового регулирования разрабатываемых сельскохозяйственных отношений и установления субъектов права земельной собственности,

которые могли бы обеспечить надлежащую обработку земель помещиков и земельных наделов крестьян, находящихся в постоянном сельскохозяйственном обороте. При этом крестьяне, законодательно определенные как свободные сельские обыватели, не могли отказаться от выполнения сельскохозяйственных работ и принуждены были исполнять вмененные платежи, подати и повинности в отношении государства и помещиков. Для создания условий реализации этих задач реформаторы легитимировали в земельных отношениях нормы обычного права, а в качестве основного субъекта выделили крестьянскую общину, способную успешно обеспечить выполнение всех повинностей.

3. Легализация крестьянские правовых обычаев рассматривалась как временная мера, которая необходима на первых этапах становления самоуправления сельских жителей в условиях введения реформы, в этом решении учитывалось наличие адаптационных механизмов в обычно-правовой системе крестьян, которые поддерживали стабильность и жизнеспособность общины. Введенные крестьянские волостные суды сословного характера, которые принимались как временные. Предполагалось, что по мере сближения крестьян в своем развитии с другими сословиями, их законодательство подчинить законам общегражданским..

4. Суды волостные, занимавшие местоположение между судами общинными и официальными, наделены были правом применять местные обычаи в качестве юридической нормы и нормы закона. Они стали основным правовым институтом крестьянского самоуправления и действенным механизмом регулирования земельных отношений.

5. Законодатель наделил сельскую общину легитимным правом отстаивать соблюдение своих земельных интересов. В результате иски в волостные суды по делу изъятия земельных наделов, как незаконно находящиеся во владении у крестьян, в подавляющем большинстве случаев, заканчивались в пользу общины. Для крестьянских судов важным критерием

в земельных спорах по обычному праву был принцип трудового участия, который всегда принимался во внимание.

6. Мировые всеобщие суды рассматривали такие же нарушения, что и суды волостные, но с более высоким имущественным уровнем (до 500 рублей). Законодатель этим решением дал возможность сельским жителям выбирать суд в соответствии со своими тяжбами. Мировые суды наделили правом на основании просьб сторон рассматривать дела с применением норм местного обычного права «по совести». Приоритет отдавался, как и в волостном суде, примирению сторон.

7. Законодателем реализовывалась тенденция выделения крестьян в земельно-правовых отношениях в земельное сословие, которое за счет складывающегося особого фонда из выделенной им земли, обеспечивает государственную политику по крестьянско-земельному вопросу, направленную на сохранение крестьян как земледельцев.

3.2. Применение норм обычного права при разрешении судом наследственных дел

«Общее положение о крестьянах...», принятые 19 февраля 1861 года, а также иные законодательные акты обособили жителей сельской общины в особое сословие, которое сохраняло традиционную форму общинного самоуправления с правом применения местных обычно-правовых норм на уровне общинных самосудов. Создание волостных судов с учетом правовой деятельности общинных самосудов послужило вместе с введенными мировыми судами основой пореформенной судебной системы, способной регулировать в судебном порядке крестьянские тяжбы по земельным и имущественным отношениям.

Вопросы наследования у крестьян в российском государстве имели принципиальные особенности. Так, в «Общем положении...» крестьянам по порядку наследования было дозволено придерживаться своих местных обыкновений¹. Крестьяне не обладали потомственным правом на земельную долю в общине. Территория общины включала усадьбы крестьян, представлявшие собой участки оседлости, а также пашни, земли под сенокосы и др. Землевладение в общине принималось как пользование общинным имуществом, а порядок пользования определялся непосредственно сельским обществом, при этом в процессе перераспределения наделов изменялось и участие крестьянских дворов в землепользовании². Переход имущества по наследству в условиях общины происходил на основании местных обычаев. Поэтому закрепление законом права руководствоваться местными обычаями стало основанием для учреждения крестьянской судебной системы сословного характера. Крестьянские обычно-правовые нормы могли применяться, если они на

¹ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст.38.

² Хауке, О.А. Крестьянское земельное право. Подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – С.5.

вступали в принципиальное противоречие с формальным законом. Использование обычного права в вопросах наследования в крестьянской среде предоставляло возможность сослаться в споре на устоявшийся обычай и на его основании требовать долю наследства¹. Но при этом проблемой являлось то, что доказательство преемственности обычая ложилось на заинтересованную сторону. В Журнале министерства юстиции по данному вопросу отмечалось: «в подтверждение обычая, при рассмотрении дел о наследовании между крестьянами, могут быть допускаемы судом всякие письменные документы, представленные тяжущимися, в том числе удостоверения должностных лиц и приговоры сельских сходо́в, а также и показания свидетелей и решения Сената по гражданскому кассационному департаменту 1891 года № 86, 1896 года №116, по второму департаменту 1876 года № 295, 1885 года № 3, 1887 года №3365»².

Особенностью обычая наследственного являлись устои и свойства крестьянского быта. Семья крестьянина, которая имела по обыкновению семейную общую собственность являлась особым рабочим «хозяйственным союзом», в котором действовал особенный вид юридических и хозяйственных взаимоотношений, в условиях которых права членов семьи определялись на основании трудового вклада каждого, то есть право наследования формировалось в результате членства и трудового участия в хозяйствующем семейном субъекте, что предполагало долевое участие в имуществе. Такой уклад в наследовании установил невозможность при жизни крестьянина-домохозяина выделить долю общего имущества члену семьи.

Имущество крестьянского семейного союза воспринималось в качестве общего хозяйственного инвентаря, который использовался в совместном труде. Наследование такого имущества доставляло большие сложности,

¹ Закономерности эволюции нормативных актов в России в XVIII – начале XXI века [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://studme.org/43696/istoriya/zakonomernosti_evolyutsii_normativnyh_pravovyh_aktov_rossii_xviii_nachale_xi_veka. – С.228.

² Российский государственный исторический архив, фонд 1406, опись 1, дело 55. Л.143.

которые обуславливались пагубным влиянием от дробления крестьянского хозяйства на его благополучное ведение. В этой связи при наследственном делении на основе принципа «по справедливости» бралось в соображение не только родство близкое, но и обязательно учитывалось трудовое участие, являвшееся традиционным для наследственного обычая у крестьян. При этом, кроме учета трудового вклада членов семьи, принималось во внимание участие принятых в такую семью-хозяйство других членов, работавших на общее дело крестьянского двора¹. При этом в соответствии с трудовым вкладом права в наследовании для принятых в семью были равными с наследниками по родству. В этом проявлялся обычай крестьян касательно приема в хозяйство мужей дочерей (именовался влазень) и усыновления. Этот обычай был направлен на сохранение исправного хозяйства путем передачи его лицу мужского пола, способного стать главой семьи и организовать успешное развитие хозяйства.

На особенности наследования у крестьян оказывал влияние географический фактор, отражавшийся в хозяйственных устоях черноземных, степных и нечерноземных регионов государства, обладавших, в силу влияния, значимыми отличиями, в свою очередь проявлявшихся в отличиях местных крестьянских обычаев. Реформаторам пришлось учитывать и национальные уклады землепользования многонационального государства, что в своем основании наследования имущества опиралось на свои местные обычаи. В результате эти особенности были узаконены в ряде правовых актов, таких как положение «Малороссийское», в положениях местных, применительно для Правобережной Украины, а также для Гродненской, Виленской, Минской, Ровенской и части Витебской губерний. Обычаи наследования крестьянского имущества, а также его раздела имели общее начало, которое сложилось исходя из структуры имущественных крестьянских внутрисемейных отношений в условиях общего

¹ Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.60.

обстоятельства, состоявшего в наличии для нового хозяйственного двора участка земли, новообразовавшейся семьи, а также необходимых сельскохозяйственных животных и соответствующего инвентаря. Истоки наследственного обычая коренились в устоях местного хозяйствования, которые повлияли на создание семьи-хозяйства, имевшего особенный вид хозяйственный и соответствующий юридический¹.

Существовало два традиционных устоев наследования – это наследование после лиц мужского пола и после женского пола. Известный юрист В.Ф. Мухин, принимавший деятельное участие в работе редакционной комиссии по разработке гражданского уложения, отмечал, что женщины исключались из дольщиков наследования имущества семьи, но имели право на имущество особое, бывшее отдельное от семьи². Таким образом дочери обыкновенно не рассматривались как наследники семейного имущества. Сложившийся порядок наследования для женщин подтверждался и другими исследователями, такими как Ф.Л. Барыков³, И. Д. Беляев⁴, Н.В. Калачев⁵ и другие. В судебной практике рассматривались дела, когда крестьянки обращались в суд для отстаивания интересов малолетних детей. Так, крестьянка Владимирской губернии Анна Веденева обратилась с жалобой в Уездное по крестьянским делам присутствие об утверждении в правах наследства малолетней дочери к имуществу ее отца⁶.

В учрежденных волостных судах, функционировавших под влиянием на них общегражданского права наследования, судебная практика показала,

¹ Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Вторая часть: Права семейственные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. – 3-е изд., с переменами и дополнениями. – СПб: Тип. Синодальная, 1889. – С.341.

² Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.101, 124.

³ Барыков, Ф.Л. Обычай наследования у государственных крестьян (По сведениям, собранным Министерством государственных имуществ в 1848 и 1849 г.) / Ф.Л. Барыков. – СПб: Тип. Ф. Стелловского, 1862. – С.11.

⁴ Беляев, И.Д. О наследстве без завещания, по древним русским законам, до Уложения царя Алексея Михайловича / И.Д. Беляев. – М.: В Университетской Типографии, 1858. – С.33.

⁵ Калачев, Н.В. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях / Н.В. Калачев // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. – СПб: Тип. 2 Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. - VII разд. – С.23.

⁶ Российский государственный исторический архив, фонд 1291, опись 54, дело 18. Л.1.

что под напором правительственных учреждений, наблюдающих за крестьянским самоуправлением, суды не всегда придерживались крестьянских обычаев наследования, которые иногда часть имущества, при наличии сыновей, выделяли дочерям. На такое решение влияли обстоятельства рассматриваемого случая, требующего принятия неотложных мер. Известны случаи судебной тяжбы между дочерьми за раздел имущества отца. Так, до рассмотрения Вторым (крестьянским) департаментом Сената дошло дело о разрешении спора между крестьянкой села Вороньки Черниговской губернии Е. Потехиной и ее сестрой о праве владения землей и имуществом умершего отца¹.

По мере формирования сословной судебной системы у крестьян, участились примеры обращения к общегражданскому наследственному праву. Постепенно волостные суды стали, в отдельных случаях, выделять некоторую долю отцовского наследства дочерям. Например, при отсутствии продолжателя ведения хозяйства по мужской линии и наличии у женщины малолетних детей². В этих случаях принималась любая наследственная часть, прописанная в законе, указывавшая доли оставшегося имущества для дочери, вдовы³. Но земельный надел не составлял наследуемую долю, иногда отдельные строения крестьянского хозяйства наравне с движимым имуществом принимались в наследуемую долю.

Имелись отличия в юрисдикции наследования наделов сельских жителей в условиях подворного права и наделов в составе крестьянских общин. Было установлено, что земельные наследственные дела по праву подворному рассматривали суды, а вопросы наследования в условиях общинного владения разбирались сельским сходом. Постановления сельских сходов нередко обжаловались недовольными крестьянами в судах.

¹ Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 23, дело 2749. Л.1.

² Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.142-143.

³ Там же. – С.141.

Дробление имущества крестьянского двора при наследовании или разделе при подворном владении основывалось на местных обычаях и было сходным с разделом общего наследства после смерти главы семейства¹. Не во всех случаях следовали строгому разграничению порядка раздела общего имущества наследства от раздела семейного имущества по наследству.

Особенности наследственного обычая у крестьян показывают специфику взаимосвязанной хозяйственной и семейной организации сельских жителей. Влияние широкой вариативности применения обычно-правовых норм, а также сложность приведения в известность наследственных крестьянских обычаев, оказало влияние на отличающиеся воззрения ученых к определению сущности наследования у крестьян².

Л.И. Руднев (189), В.Ф. Мухин (164) и др. ученые отмечали неопределенность действия обычного права в наследовании, утверждали, что в обычном праве завещательный порядок представляет собой раздел имущества главою семьи при жизни³. Таким образом, при семейной собственности у крестьян открытие наследства не понимается, как это принимается в писанном праве⁴, так как отсутствует возможность точно определить случаи наследования или раздела общего имущества. Эта группа ученых и их последователи, в отличие от воззрений другой группы ученых, об имеющихся особых правилах крестьянского наследования имущества, обоснованно полагала, что наследование по обычному праву осуществлялось, как приобретение членами семьи за счет трудового участия, права распоряжаться семейным имуществом в своей доле. В трудах авторитетных ученых, а также в историко-юридической литературе по использованию обычно-правовых норм и обычного права в делах о

¹ Хауке, О.А. Крестьянское земельное право. Подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – С.220.

² Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шатковская Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2009. – С.332.

³ Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.74.

⁴ Там же. – С.99.

наследстве и разделов имущества семьи, показывается, что наследование происходило в большей степени на экономических и трудовых основаниях и в меньшей степени основывалось на родстве кровном.

Исследование вопроса о рассмотрении наследственных дел крестьян в волостных, мировых или судах общих на основании местных обычно-правовых норм выявило, что обычное право использовалось при наследовании земельного надела и при наследовании другого семейного имущества. Общегражданские законы применялись в случаях отсутствия указания на обычай или таковое имеется, но признано недостаточным в процессе суда¹.

В практической деятельности судов при рассмотрении наследственных крестьянских дел проявилась проблема, состоявшая в отсутствии какой-либо кодификации норм обычного права. В разработанном «Общем положении...» вовсе не было законодательно прописано следующее:

- основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также способы осуществления этого передела;
- полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства;
- меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки;
- условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании².

Законодательство, принятое в результате Крестьянской реформы 1861 года, определило сельские общества как юридические лица, но, в то же время не отразило ни в одном законодательном акте содержания прав крестьянского общества в отношении надельной земли. О.А. Хауке, исследовавший эту проблему, отмечал: «даже признание за сельским

¹Касс. реш. 1880 г. - № 174 и 1885 г. - № 3 [Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Вторая часть: Права семейственные, наследственные и завещательные].

² Хауке, О.А. Крестьянское земельное право. Подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – С.29.

обществом более или менее существенных прав по надельной земле еще не доказывает, чтобы такие права распространялись на все части этой земли»¹.

Юридические изъяны крестьянского законодательства при утверждении обязательного применения не кодифицированных и точно не определенных норм обычного права вызвали серьезные трудности при рассмотрении крестьянских наследственных дел в судах, а также споров, обусловленных неопределенностью семейных имущественных отношений. При этом обычаи крестьян располагали широкой системой обычно-правовых норм, посредством которых регулировались наследственно-семейные отношения. Юридические обычаи соответствовали крестьянскому укладу жизни конкретной местности, поэтому получалось, что на практике судам приходилось руководствоваться обычаями, которые были не изучены и не систематизированы – обнаружить какие-либо общие правила, позволяющие применять обычаи при рассмотрении судебных дел на представлялось возможным. Кроме этого, применение определенного обычая, при рассмотрении разных дел, могло несколько отличаться.

Судам сложно было принимать во внимание все местные крестьянские обычаи, что подтверждало процессуальную шаткость судопроизводства по наследственным делам. В Уставе гражданского судопроизводства не было представлено ни в одной статье указания о составе данных, которые требовалось привести в суде, чтобы определенный обычай мог применяться судом при рассмотрении дела. В статье 130 Устава указывалось судам применять общеизвестные местные обычаи, но не пояснялось как применять обычаи, которые не относились к категории общеизвестных, и в, силу этого, не известные судьям. При этом, согласно Журналу министерства юстиции, необходимо учитывать, что «сохраняя за волостными судами права руководствоваться в делах гражданских обычным правом, законодатель, как видно из доклада особой комиссии государственного совета, имел в виду следующие соображения: «...судья, применяющий при разборе дела не

¹ Там же. – С.38.

бытовой, а строго юридический, хотя и самый правильный масштаб, мог бы впасть в несправедливость... Сознавая крайнюю неустойчивость гражданского правооборота крестьян... особая комиссия государственного совета не сочла возможным ныне же распространить на крестьян действие общегражданских законов»¹.

Сведения, при помощи которых можно определить какие-нибудь общие правила использования местных обычаев крестьян, были в основном изложены в материалах комиссии, занимающейся устройством волостных судов. Данные комиссии включали собранные сведения по 15 губерниям (из 34, по состоянию на 1865 г.) европейской России о народно-юридических обычаях.

Волостные суды были правомочны рассматривать дела крестьян о наследовании без ограничений наследственной стоимости имущества, входившего в состав земельного надела. При разделе имущества движимого, которое не включалось в земельный надел, сумма рассматриваемого семейного имущества составляла 500 руб.

В.Ф. Мухин приводит пример воззрения волостного суда по семейной собственности, который при разборе иска сына по выделу имущества принял во внимание, что по возвращению с военной службы он ввиду старости отца и несовершеннолетнего младшего брата, как трудолюбивый человек 5 лет вел крестьянское семейное хозяйство, постановил поделить имущество на три части. Сыну выделить 6 мер ржи, поросенка и 2 овцы, но единственную лошадь, являющуюся необходимой для хозяйства, оставить в общем пользовании всех трех лиц. Истцу было предоставлено право проживать совместно с престарелым отцом и младшим братом, так как суд учел, что «изба приобретена особенно его трудами»².

В постановлении волостного суда явно видна сущность семейного имущества. Пример показывает случай раздела, когда трое членов семьи

¹ Российский государственный исторический архив, фонд 1406, опись 1, дело 55. Л.140.

² Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.58-59.

мужского пола, кроме женщин, рассматриваются судом имеющими равные доли в семейном имуществе, в том числе и младший брат. Часть имущества отделяется старшему сыну. Судом принят во внимание важный обычай крестьянского хозяйствования, заключающийся во вложенном труде, который выражает, в том числе, обязанность нравственную, побуждаемую потребностями семьи и общими интересами. Но суд выделил младшему брату несовершеннолетнего возраста такую же долю, что и старшему, что свидетельствует об отклонении от правила трудового участия при разделе семейного имущества между взрослыми и несовершеннолетними членами семьи. Но чаще принимались другие решения. Так, в Шевкомском уезде волостной суд Димеровский определил малолетнему сыну меньшую долю по отношению к взрослым членам семьи, считая, что именно они исправно работали в крестьянском хозяйстве, выполняли натуральные и денежные общественные повинности, а также за две умершие души платили сборы»¹.

В решениях волостных судов видно явное отстаивание имущества семьи от губительных для хозяйства решений крестьянина-домохозяина. Приговоры крестьянских судов отказывали в праве главе семьи продавать, закладывать или отчуждать имущество семьи без ее согласия и не в ее интересах. Так, в исследовании Мухина под названием Обычный порядок наследования у крестьян, приводится судебное решение по факту пропивания семейного имущества отцом, что расстроило некогда исправное хозяйство. Волостной суд изъял ворованное имущество у принимавших его в залоги и передал управление семейными делами от отца к сыну. Продажа недвижимости запрещалась при наличии у домохозяина малолетних детей.

Отстранение главы от ведения хозяйства и распоряжением общим имуществом могло произойти в результате решения сельского общества для обеспечения благополучного ведения хозяйства, иногда это происходило по достижению отцом преклонных лет. Случаи ограничения распоряжаться

¹ Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.312.

семейным имуществом в крестьянской среде были распространенным явлением и объяснялись нерадением о развитии хозяйства, а также растратой общего имущества семьи. Члены семьи в этих обстоятельствах могли требовать судебного отстранения главы в целях передачи управления общим хозяйством более способному, как правило старшему сыну.

В статье 188, пункте 3 «Общего положения...» было прописано о законной возможности назначения домохозяином другого члена этой же семьи вместо «неисправного хозяина». В таком положении отражались логические последствия общности имущества крестьянской семьи, обусловленные семейной заинтересованностью в благополучном ведении хозяйства, которая отражала социально-экономическое значение крестьянской семейной собственности.

Следует отметить, что тяжбы по наследственным делам часто рассматривались на сельских сходах авторитетными стариками и обществом и не доходили до волостных судов – такие постановления пересмотру в кассационном порядке не подлежали. Крестьянские обычаи допускали отстранение от доли наследования общего имущества, а также выделение неравных долей наследства в соответствии с устоявшимися обычкновениями наследственного раздела¹.

На решения судов по наследственному разделу общего семейного имущества, в основном постановлявших о выделении равных долей, оказывали влияние такие личные качества наследников, как трудолюбие, умение руководить домохозяйством, ведение трезвого образа жизни и другие. Сельское общество также стремилась принимать решение в пользу крестьянина, обладавшего нужными для ведения хозяйства качествами и способного обеспечить со стороны крестьянского двора выполнение положенных повинностей, платежей и податей.

¹ Хауке, О.А. Крестьянское земельное право. Подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – С.155.

Практика волостных судов показывает, что местные правила наследования в разных местностях в основном сходны с обычаями наследования других общин, но применение этих устоявшихся обыкновений не располагает безусловным характером и существенно зависело от административных соображений сельского общества¹. Использование местных обычаев наследования изменялось ввиду хозяйственных соображений крестьянской общины и круговой поруки. По свидетельству Мухина наследственные тяжбы в некоторых крестьянских судах и сельских обществах на сходах разрешались «глядя по человеку», при этом почти всегда оказывала влияние круговая порука»².

Таким образом, использование обычно-правовых норм при рассмотрении судом наследственных дел крестьян показало, что проблема состояла в юридической нечеткости крестьянского законодательства при утверждении обязательного применения не кодифицированных и точно не определенных норм обычного права. В разработанном «Общем положении...» не были отражены основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также способы осуществления этого передела; полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства; меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки; условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании и др.

В Уставе гражданского судопроизводства не было представлено ни в одной статье указания о составе данных, которые требовалось привести в суде, чтобы определенный обычай мог применяться судом при рассмотрении дела, кроме этого, не был прописан механизм применения обычаев, не относящихся к категории «общеизвестных».

¹ Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.312.

² Там же. – С.311.

Судебная практика показала, что под напором правительственных учреждений, наблюдающих за крестьянским самоуправлением и влиянием общегражданского права наследования, суды не всегда придерживались крестьянских обычаев наследования, иногда часть имущества, при наличии сыновей, выделяли дочерям. На такое решение влияли обстоятельства рассматриваемого случая, требующего принятия неотложных мер. При этом земельный надел никогда не составлял наследуемую долю, иногда отдельные строения крестьянского хозяйства наравне с движимым имуществом принимались в наследуемую долю.

Юридические обычаи соответствовали крестьянскому укладу жизни конкретной местности, поэтому на практике судам приходилось руководствоваться обычаями, которые были не изучены и систематизированы, что не позволяло обнаружить какие-либо общие правила для применения обычаев судами. Влияние широкой вариативности применения обычно-правовых норм, а также сложность приведения в известность наследственных крестьянских обычаев отрицательно сказывалась при рассмотрении дел. Применение определенного обычая, при рассмотрении разных дел, могло несколько отличаться.

В решениях волостных судов видно явное отстаивание имущества семьи от губительных для хозяйства решений крестьянина-домохозяина. Приговоры крестьянских судов отказывали в праве главе семьи продавать, закладывать или отчуждать имущество семьи без ее согласия и не в ее интересах.

На решения судов по наследственному разделу общего семейного имущества, в основном постановлявших о выделении равных долей, оказывали влияние такие личные качества наследников, как трудолюбие, умение руководить домохозяйством, ведение трезвого образа жизни и другие, способные обеспечить выполнение положенных повинностей, платежей и податей.

Правила наследования в разных местностях в основном были сходны с обычаями наследования других общин, но применение этих устоявшихся обыкновений не располагало безусловным характером и существенно зависело от административных соображений сельского общества¹. Использование местных обычаев наследования изменялось ввиду хозяйственных соображений крестьянской общины и круговой поруки. Наследственные дела решались волостными судами и сельскими сходами часто «глядя по человеку»

¹ Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – С.312.

3.3. Применение норм обычного права в семейных вопросах

Реформа 1861 года, упразднившая длительное крепостное право в России, наделила крестьян статусом «свободных сельских обывателей». На них распространили действие общих положений закона «О правах и обязанностях семейственных»¹, которые стали общесословными и предписывали как члены семьи должны жить между собой. Но фундамент устоев общественных и семейных у российских крестьян складывался веками, на нем укоренились традиционные их воззрения, а также характерное мироощущение и представления о добре и зле, и о нравственности. На этих же устоях вырабатывалось понимание крестьян значимости для сельской общины и семьи коллективистского уклада жизни и соотношении его с проявлениями индивидуалистического характера. Устои внутрисемейных отношений и система ценностей определялись особенностями устройства замкнутой общины и традиционного семейного характера ведения хозяйства, которые влияли на формирование мировоззрения крестьян и особенных правил их отношений внутрисемейных. В этом выказывался обычно-правовой принцип их общности, обладавший в крестьянских семьях силой общей связи. Формальное законодательство в семейном праве крестьян не имело значительной роли.

Т.В. Шатковская, известный ученый в области обычного права, в своих работах показывала основополагающее воздействие обычно-правового принципа общности на крестьянский мир, где «индивид постоянно ощущал свое тождество с коллективом»².

Бедность российских крестьян диктовала оценивать события своей жизни преимущественно с экономической позиции³. Так, при определении

¹ О правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи. – СПб: Изд-во В тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 10 т. – 1 ч. – С. 1-72.

² Шатковская, Т.В. Традиционные принципы обычного права российских крестьян второй половины XIX – начала XX веков: понятие, классификация и особенности / Т.В. Шатковская // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – спецвыпуск. – С.105.

³ Колупанов, И.В. Внутреннее обозрение: вопрос о крестьянском самосуде / И.В. Колупанов // Беседа. – 1872. – Кн. 6. – июнь – С.14.

потенциальных супругов, партнеры, не способные выполнять тяжелую крестьянскую работу и успешно вести хозяйство, не рассматривались. Правовые обычаи крестьян, сложившиеся на основе натурально-хозяйственных экономических отношений, были консервативны и устойчивы. Крестьянство руководствовалось своими юридическими обычаями, которые вырабатывались столетиями жизни в условиях крепостного права. При сплошной безграмотности крестьяне не имели представления о законах официальных и регулировали нормами местного обычного права свои семейные отношения.

При этом обычно-правовые нормы обладали характерными территориальными отличиями, на выработку которых непосредственно повлияла среда обитания, включающая природно-географические, культурно-исторические, социально-экономические и др. условия жизни. Что выступало главными факторами, влиявшими на хозяйственное развитие различных регионов Российской империи, а также на все основные элементы, составлявшие повседневную жизнь сельского населения: жилище и хозяйственные постройки, орудия труда, хозяйственная и домашняя утварь, пища, одежда и т. п. Всё это в течение длительного времени влияло на формирование правовых традиций семейных отношений крестьян. При этом уровень жизни оказывал серьёзное влияние, который отличался, и был выше в Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях, а также в Предкавказье, Новороссии и в Сибирском регионе. В центральных регионах уровень жизни был ниже. Таким образом, в основе менталитета крестьян лежали самобытность общественного устройства, общинный уклад жизни, устоявшиеся традиции хозяйствования и религиозность. Глубокая религиозность крестьян подтверждается исследованиями в области обычного права К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, В. А. Александрова и др. Вся жизнедеятельность крестьянских семей регулировалась церковными религиозными нормами. Крестьянское общество строго следовало обычаям своих предков и соблюдало культурно-исторические традиции. В сознании

продолжали сохраняться суеверия и элементы языческих взглядов, которые отражались в одухотворении происходящих явлений.

В повседневном применении обычно-правовых норм проявлялось представление о правопорядке и правилах в семейных отношениях, отражавшие способы решения социально-экономических и внутрисемейных проблем, что тоже являлось важной составляющей крестьянского менталитета. Основной целью подавляющего большинства крестьян было решение задачи по обеспечению безбедной жизни семьи. Поэтому главное достоинство крестьянских семей составлял уровень благосостояния, который обеспечивалось напряженным трудом, предприимчивостью и высокой работоспособностью членов семьи.

Натуральный характер хозяйствования и трудовое начало способствовали созданию больших патриархальных семей, но формы их организации были различные. Ученый В. Ф. Мухин исследовал семьи крестьян с позиции особого семейно-хозяйственного союза и выделил в своей работе следующие категории: «семью натуральную» и «искусственную».

При этом семья естественная подразделялась на простую, которую составляли родители и их дети, не вступившие в брак, и сложную, состоящую, кроме родителей, из женатых и замужних детей и их потомства. Семья искусственная тоже имела две формы и разделялась в зависимости от начала родового или экономического. Родовая семья образовывалась после смерти отца-домохозяина, когда сыновья с потомством продолжали жить в составе одного хозяйства, то есть происходило соединение самостоятельных семейств в объединенное хозяйственной целое. Обычно главой мог стать старший сын или дядя.

Искусственная семья рассматривалась как артельная семья, где экономические интересы были на первом месте.

К управлению хозяйством, на основании семейного выбора, мог привлекаться наиболее способный к ведению общего хозяйства, а не старший в семье.

Обычно-правовые устои крестьян не разделяли данные виды естественных или искусственных (сводных) семей. Сводная семья практически часто смешивалась с формами семьи естественной и образовывалась большая семья. Простая естественная семья обычно считалась малой семьей.

Б. Н. Миронов, в отличие от В. Ф. Мухина выделил пять основных форм семейной организации: 1) семья из одного человека; 2) семья, включающая группу родственников или не родственников, которые объединены общим ведением хозяйства; 3) семья из супругов или из родителей с неженатыми и незамужними детьми – простая малая семья; 4) семья из родителей с детьми и неженатыми родственниками – расширенная семья; 5) семья, включающая две и более супружеские пары – составная семья¹.

В. А. Александров, исследовавший крестьянскую семью в эпоху феодализма, утверждал, что основные признаки семьи – это ее «поколенный, половозрастной и родственный состав»². Супружескую пару без детей или с сыновьями неженатыми ученый относил к малой семье. Семья, включающая родителей с женатыми сыновьями и семейных братьев, представляла собой неразделенную семью трех видов: отцовскую, братскую, с дядями и племянниками.

Патриархальная большая крестьянская семья представляла собой важный общественный институт и составлялась из малой, но «не будучи неизменно существующей ... затем распадалась»³.

¹ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – 1 т. – С.219-220.

² Александров, В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма / В.А. Александров // История СССР. – 1981. – 3. – С.78.

³ Там же. – С.88, 93.

Исследователь семейного быта крестьян Ф. Дж. Гис полагал, что семьи, включающие несколько поколений родственников и свойственников, следует считать сложными, большими или неразделенными. Семьи, которые могли включать не только родственников, но и других крестьян, на основании соображений хозяйственных, предлагал считать складническими, договорными¹.

Анализ научных работ, посвященных исследованию типологии крестьянской семьи показывает, что характерным является выделение большой патриархальной семьи, семьи артельной и малой. Общими чертами этих семей является крепкая власть над членами семьи крестьянина-домохозяина, а также общесемейное пользование имуществом.

Сложное семейно-хозяйственное устройство и внутрисемейные отношения надежно обеспечивались нормами обычного права. Несмотря на имеющиеся внутрисемейные противоречия, у крестьян преобладали большие семьи – это объяснялось устоями земледельческого хозяйствования, так как хозяйство нуждалось в большом количестве работников-членов семьи, что обеспечивало получение значительных доходов и исправное выполнение обязательных повинностей. Это осознавалось правительством и крестьянами.

Исследование практики волостных судов по применению в семейных тяжбах норм обычного права показывает, что суды при разборе семейных дел большей частью отстаивали властные полномочия домохозяев и старались не допустить жалоб на них. При наложении на главу семьи наказания, судьи обращались к жалобщикам с напоминанием о соблюдении традиций почитания старших и часто наказывали их самих.

Обычаи крестьян, при исправной уплате хозяйством податей, не допускали выдела членов семьи без согласия домохозяина. Судебная практика показывает, что в случаях угрозы упадка хозяйства и разорительных действиях главы семейства, ведущих к потере тяглоспособности, допускался принудительный выдел или передача власти

¹ Гис, Ф. Дж. Брак и семья в жизни крестьянина / Ф. Дж. Гис. – М. РОССПЭН, 2002. – С.381.

от главы одному из сыновей. Семейные отношения находились в зависимости от общественного мнения и были на виду у общины. В ведении хозяйства принимали участие оба супруга, что являлось причиной выделения земельного надела только женатым крестьянам. Женатый крестьянин имел право участвовать в сельских сходах при решении общинных дел, а холостой прав не имел ни в семье, ни в общине¹. Незамужние женщины полностью зависели от отца-домохозяина и самостоятельности не имели. Обычай крестьян в совокупности с устоями моральными и общинно-хозяйственными обуславливали необходимость заводить семью скорее. Важными качествами супругов были трудолюбие и выносливость, а также репутация их семей.

Тяжелая трудовая крестьянская жизнь требовала дорожить исправным хозяйством и способствовала выработке обычая получить вознаграждение при нарушении договора. Брак у крестьян, в силу семейно-хозяйственного уклада, часто из экономических соображений рассматривался как договор «купли-продажи», что выражалось в старании войти в семью с достатком, а также в привлечении умелых и здоровых работников в хозяйство. Так, К. П. Победоносцев, отмечая в исследовании хозяйственное значение крестьянского брака, показал, что в случае невыполнения брачно-хозяйственной сделки, включавшей взаимные вклады в хозяйство, наказанием являлся штраф или неустойка, как за несоблюдение договора.

Формальный закон в сфере обычного права отличался от обычаев крестьян и имел для них слабое значение. Законодательством было запрещено взимать неустойку в предбрачных договорах; убытки в случае отказа вступить в брак не компенсировались, но у крестьян выполнение обычая, требовавшего возмещения моральных и материальных убытков было обычным делом. Они подавали иск в волостной суд о взыскании штрафа за нанесенный ущерб репутации и позор. И волостные суды, разбирая дело по народному местному обычаю, присуждали возмещение убытков

¹ Гис, Ф. Дж. Брак и семья в жизни крестьянина / Ф. Дж. Гис. – М. РОССПЭН, 2002. – С.400.

потерпевшим на основании брачного договора. Церковь тоже принимала участие в разборе дела и взимала свой штраф.

Судебные тяжбы часто происходили из-за спора по величине компенсации убытков. Так, крестьянин Семён Стригунов (Тепловская волость) на сватовстве к вдове Аксинье Белых потратил на угощение 17 рублей, но невеста отказалась идти замуж, так как выяснила, что у жениха нет «ни дома, ни другого какого имущества». Суд взыскал в пользу жениха 10 руб¹.

Будущие супруги придавали большое значение материальным и хозяйственным условиям брачного договора.

Семьи крестьян, как первоначальные ячейки земледельческого производственного характера, придерживались внутрисемейного разделения обязанностей и труда, особенно по половозрастным признакам. Мужчины выполняли полевые работы, обеспечивали исправность сельскохозяйственного инвентаря, осуществляли уход за скотом и заготовку кормов и дров, а также выполняли все строительные работы. Женщины занимались домашними работами, воспитанием детей и выполнением более легких работ в поле.

По обычаю, глава-домохозяин распределял работу на следующий день. Сыновья в возрасте 14-15 лет обычно выполняли уже всю работу в поле, а также учились чинить инвентарь и упряжь, применять инструменты и топор, изготавливать предметы обихода и отхожего промысла. Дочери помогали матерям в женской работе: учились, с учётом возраста, шить, вышивать, прясть, вымачивать холсты, готовить пищу, кормить скот, доить коров, выполнять посильные полевые работы². Патриархальное семейное и общинное начала, обусловленные спецификой сельскохозяйственного труда, а также применяемыми местными нормами обычного права, требованиями православной этики и традициями семейного уклада, выработали

¹ Красноперов, И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом / И.М. Красноперов // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893. – 1 т. – С.286.

² Григорьева, Т.С. Семейная жизнь крестьян / Т.С. Григорьева. – М.: Высшая школа, 2005. – С.340, 342.

беспрекословное повиновение жены, детей, а также родственников, ведущих совместное хозяйство и работников, принятых в семью, отцу-домохозяину.

Непосредственная зависимость благополучия всех членов семьи от исправного ведения хозяйства и от упорного дружного труда большого числа работников ясно осознавалась крестьянами и способствовала тому, что противоречия семейно-хозяйственного характера редко были непримиримыми. Для крестьян хозяйственные преимущества, которые обеспечивала большая семья были очевидны. Экономические преимущества большой семьи удерживали малые семьи от массового выхода, так как они в составе большой и дружной семьи были лучше защищены от невзгод и приспособлены к выживанию. Такое соображение делало внутрисемейные раздоры малозначимыми. Согласованность с укладом земледельческого производства обеспечивала устойчивость семейно-хозяйственной социальной организации крестьян, что придавало в совокупности устойчивость государственной системе. Поэтому российское правительство направляло действенные меры на предотвращение распада больших крестьянских семей.

Глава-домохозяин по обычаю обладал неограниченной властью по отношению к членам семьи – он судил их проступки и определял наказания, при необходимости мог прибегать к семейному суду и суду родственников. Судебное разбирательство проходило быстро, а наказание, в случае виновности, – незамедлительно. Общинный уклад жизни и его традиции поддерживал самосуд у крестьян. Внутрисемейные ссоры между супругами на публичное обсуждение не выносились; побои, наносимые жене, преступлением не признавались. При этом мнение общины всегда держало сторону мужа, который должен был соблюдать образ «грозного мужа». Прелюбодеяние по обычному праву не являлось причиной для развода, но за измену жён жестоко избивали¹. Такая «народная» педагогика полагала

¹ Безгин, В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа / В.Б. Безгин // Вопросы истории. – 2005. – 3. – С.153.

насилие и грубое принуждение членов семьи нормальными формами воздействия и действенным средством, направленным чтобы «поучить виноватого». Побои лёгкого характера считались оскорблением, на которые жена не могла пожаловаться в суд¹. Судебного наказания за побои детей, если их жизнь вне опасности, также не предусматривалось².

В материалах этнографической экспедиции А.Е. Мерцалова описан такой случай применения в крестьянской семье и обществе норм обычного права: «Деверь убил невестку из корыстных целей. Так как старожилы не запомнили, чтобы кто-нибудь из жителей этого села запятнал себя подобным преступлением, то все село было возмущено этим убийством. «Мошенник всех нас замарал, на всех пятно наложил». Однако, это негодование не повлекло за собой никаких практических результатов для виновного, несмотря даже на то, что он был оправдан присяжными»³.

Крестьянские обычаи не позволяли разбирать супружеские взаимоотношения в суде, что подтверждается исследованием практики волостных судов, отмечающей редкие жалобы крестьян-супругов. В эти редкие судебные разборы дел входит рассмотрение избиений жён и ухода одного из супругов из дома. Жёны редко жаловались на мужей, но бывало, что вмешивались соседи. Шестого июня 1871 года разбиралась жалоба крестьянина Ермола Иванова на то, что «...Емельян Кондратьев бил свою жену». Волостной суд Воейковский Данковского уезда губернии Рязанской определил виновному в качестве наказания 10 ударов розгами⁴. Волостные суды, где судьи состояли из крестьян-мужей, обыкновенно принимали сторону мужа, так как считалось, что это основано на соблюдении норм обычного права и, что решения не в пользу главы семьи могут поколебать авторитет мужа и его власть над женой. Примечательным является то, что

¹ Безгин, В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В.Б. Безгин. – Тамбов: Тамб. технич. ун-т, 2012. – С.70.

² Там же. – С.71.

³ Архив Российского этнографического музея, фонд 7, опись 1, дело 261. Л. 2 об.

⁴ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – 1 т. – С.219.

при вынесении решения в пользу женщины, за побои замужней определяли более строгие наказания – штраф 5-10 рублей или 15-20 ударов розгами, а за побои девушки или вдовы – штраф от 60 коп. до 2-х руб. или арест до 3-х дней¹. Анализ решений волостных судов показывает, что за физические посягательства наказывали сурово, но, вместе с тем, определяли разное наказание за одно и то же преступление, так как общественное положение замужней женщины было более высоким, чем у других женщин².

Ссоры и ругань в семьях были обычным явлением и сельскими сходами часто регулировались ссоры в виде буйства в семье, прелюбодеяния и другие несогласия супругов³. Дела в судах о рукоприкладстве и о оскорбительных действиях родителей и детей заканчивались тем, что судьи всегда поддерживали родителей. Детей, за оскорбление действием родителей, строго наказывали. Проверки судебных решений, связанных с оскорблением детьми своих родителей, не проводились до конца XIX века.

Судьи волостных судов, состоящих из крестьян, в процессе обычно-правового регулирования, стремились унять противоречия и примирить стороны, в этих случаях делалась соответствующая запись. Так, в волостном суде Нижеслобоцком губернии Олонецкой за длительный период с 1862 по 1896 гг. проводилось 10 судебных разбирательств по поводу оскорбления детьми своих родителей, – половина дел была завершена примирением сторон. Л. И. Зарудный, изучавший работу волостных судов в 1860-х – 1870-х годах, писал, что обыкновение крестьян разбираться самостоятельно в рамках семьи⁴, так как считалось, что разбирательство в суде повредит отношениям, обуславливало малое число судебных дел.

¹ Красноперов, И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом / И.М. Красноперов // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893. – 1 т. – С.273.

² Безгин, В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В.Б. Безгин. – Тамбов: Тамб. технич. ун-т, 2012. – С.75.

³ Шатковская, Т.В. Особенности легализации российским государством обычно-правовых норм во второй половине XIX века (по документам крестьянской реформы 1861 г.) / Т.В. Шатковская // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы научных исследований – 2007». – Днепропетровск, 2007. – 6 т. – С.15.

⁴ Земцов, Л.И. Волостной суд в России в 60-х – первой половине 70-х годов XIX века (По материалам центрального черноземья) / Л.И. Земцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – С.224.

Бурное развитие капитализма в пореформенной Российской империи, способствовало развитию товарно-денежных отношений у сельских жителей. Значительно увеличилось количество крестьян, которые нанимались рабочими на промышленные предприятия или отправлялись на отхожие промыслы, что привело к увеличению расчётов деньгами в экономических отношениях на селе и сокращению расчётов натуральной продукцией земледелия. Происходила постепенная трансформация действия обычно-правовых норм в семейных отношениях, что способствовало проявлению индивидуализма у крестьян и порождало проявления недовольства патриархальными порядками. Формировалась тенденция, направленная на пересмотр этих порядков. Существенные изменения нравственных устоев сельских жителей начали проявляться в конце XIX – начале XX вв.

Таким образом, исследование применения норм обычного права у крестьян в семейных вопросах позволило обоснованно сделать следующие выводы.

1. Самобытность крестьянского общинного устройства, экономический и традиционно семейный характер земледельческого производства и ведения хозяйства воздействовали на формирование мировоззрения крестьян, обусловили выработку системы ценностей и особенных правил их отношений внутрисемейных. Устои внутрисемейных отношений и система ценностей определялись особенностями устройства замкнутой общины и традиционного семейного характера ведения хозяйства, которые влияли на формирование мировоззрения крестьян и особенных правил их отношений внутрисемейных.

Семейные обычно-правовые нормы обладали характерными территориальными отличиями, на выработку которых непосредственно повлияла среда обитания, включающая природно-географические, культурно-исторические, социально-экономические и др. условия жизни, что обусловило выработку правовых традиций в семейных отношениях у крестьян разных регионов.

В российских регионах уровень жизни крестьян оказывал значительное влияние на применение местных обычаев в вопросах семейных, который отличался, и был выше в Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях, а также в Предкавказье, Новороссии и в Сибирском регионе. В центральных регионах уровень жизни был ниже.

2. Сложное семейно-хозяйственное устройство и патриархальность внутрисемейных отношений надежно обеспечивались нормами обычного права. Волостные суды при разборе семейных дел большей частью отстаивали властные полномочия домохозяев и старались не допускать жалоб на них по семейным основаниям.

3. Брак у крестьян, в силу семейно-хозяйственного уклада, часто из экономических соображений рассматривался как договор «купли-продажи» и, в случае невыполнения брачно-хозяйственной сделки, включавшей взаимные вклады в хозяйство, наказанием являлся штраф или неустойка, как за несоблюдение договора.

4. Непосредственная зависимость благополучия всех членов семьи от исправного ведения хозяйства и от упорного дружного труда большого числа работников, ясно осознавалась крестьянами и способствовала тому, что противоречия семейно-хозяйственного характера редко были непримиримыми. Для крестьян хозяйственные преимущества, которые обеспечивала большая семья были очевидны, что делало внутрисемейные раздоры малозначимыми. Согласованность с укладом земледельческого производства обеспечивала устойчивость семейно-хозяйственной социальной организации крестьян.

5. Глава-домохозяин по обычаю обладал неограниченной властью по отношению к членам семьи – он судил их проступки и определял наказания. Общинный уклад жизни и его традиции поддерживали самосуд у крестьян. «Народная» педагогика полагала насилие и грубое принуждение членов семьи нормальными формами воздействия и действенным средством, направленным чтобы «поучить виноватого». Крестьянские обычаи не

позволяли разбирать супружеские взаимоотношения в суде, что подтверждается редкими жалобами крестьян-супругов. В вопросе избияния жен волостные суды, где судьи состояли из крестьян-мужей, обыкновенно принимали сторону мужа, так как считалось, что это основано на соблюдении норм обычного права и, что решения не в пользу главы семьи могут поколебать авторитет мужа и его власть над женой. Дела в судах о рукоприкладстве и о оскорбительных действиях родителей и детей заканчивались тем, что судьи всегда поддерживали родителей.

б. Развитие капитализма в пореформенной Российской империи, способствовало развитию товарно-денежных отношений у сельских жителей. Постепенная трансформация действия обычно-правовых норм в семейных отношениях способствовала проявлению индивидуализма у крестьян, что порождало проявления недовольства патриархальными порядками и тенденций по их пересмотру.

Проведенный анализ судебного правотворчества в процессе применения норм обычного права на примере крестьянского, семейного и наследственного права, выявил, что в ходе разработки реформы 1861 года редакционная комиссия в своем правотворчестве вынуждена была учитывать устоявшиеся порядки и действия механизмов крестьянского сельскохозяйственного производства, длительное время функционировавшие в условиях крепостного способа хозяйствования, а также выработавшийся уклад жизни, общинного землепользования, наследования и семейно-хозяйственные отношения крестьян. Применение норм обычного права у крестьян при разрешении споров и судебных дел по распределению земли и взаимоотношений в сфере землепользования, а также практика судов наследственных дел и в принятии постановлений по семейным вопросам показало, что проблема состояла в отсутствии какой-либо кодификации норм обычного права.

В разработанном «Общем положении...» не были отражены основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также

способы осуществления этого передела; полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства; меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки; условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании и др. Эти проблемы непосредственно были взаимосвязаны с общественными семейными устоями крестьян, складывавшихся столетиями, и послуживших фундаментом, на котором укоренились традиционные их воззрения, а также характерные мироощущения и представления о добре и зле, и о нравственности. На этих же устоях вырабатывалось понимание крестьян значимости для сельской общины и семьи коллективистского уклада жизни и соотношении его с проявлениями индивидуалистического характера. Устои отношений и система ценностей определялись особенностями устройства замкнутой общины и традиционного семейного характера ведения хозяйства, которые влияли на формирование мировоззрения крестьян и особенных правил их отношений внутрисемейных.

В сфере основной функции крестьянской общины по распределению земли и улаживанию взаимоотношений по поводу землепользования правосудие издревле выполнялось судами общины, отличавшиеся многообразием форм. Правосудие издревле осуществлялось общинными судами на основании местных обычаев и опиралось на суд стариков – сельских старожил, судивших на основании хорошего знания обычаев своей общины, ее обычно-правовых норм, а также устоявшихся правовых традиций. В этом крестьянскую общину можно рассматривать как правотворческий орган местного уровня.

В этой связи разработчики реформы полагали, что община способна заменить бывшие полномочия помещиков по управлению крестьянами и станет низовым органом местного самоуправления, в том числе, и по сбору налогов в пользу государства.

Правотворчество осложнялось необходимостью нахождения решения задачи определения правового регулирования пореформенных сельскохозяйственных отношений и установления субъектов права земельной собственности, которые могли бы обеспечить надлежащую обработку земель помещиков и земельных наделов крестьян, находящихся в постоянном сельскохозяйственном обороте.

В результате реформаторы легитимировали в земельных отношениях нормы обычного права, а в качестве основного субъекта выделили крестьянскую общину, способную успешно обеспечить выполнение всех повинностей.

Законодательная легализация крестьянские правовых обычаев рассматривалась как временная мера, которая необходима на первых этапах становления самоуправления сельских жителей в условиях введения реформы, в этом решении учитывалось наличие адаптационных механизмов в обычно-правовой системе крестьян, которые поддерживали стабильность и жизнеспособность общины. Введенные крестьянские волостные суды сословного характера, которые принимались как временные. Предполагалось, что по мере сближения крестьян в своем развитии с другими сословиями, их законодательство подчинить законам общегражданским.

Суды волостные, занимавшие местоположение между судами общинными и официальными, наделены были правом применять местные обычаи в качестве юридической нормы и нормы закона.

Судебное правотворчество реформаторов наделило сельскую общину легитимным правом отстаивать соблюдение своих земельных интересов. Крестьянскими судами в земельных спорах, в соответствии с обычным правом, всегда принимался во внимание важный принцип трудового участия. Кроме этого, большое значение имела личность обвиняемого, в первую очередь, как исправного хозяина, исполнителя податей и налогоплательщика.

Мировые всесословные суды рассматривали такие же нарушения, что и суды волостные, но с более высоким имущественным уровнем. Законодатель этим решением дал возможность сельским жителям выбирать суд в соответствии со своими тяжбами. Мировые суды наделили правом на основании просьб сторон рассматривать дела с применением норм местного обычного права «по совести». Приоритет отдавался, как и в волостном суде, примирению сторон.

На решения судов по крестьянским вопросам влияла юридическая нечеткость крестьянского законодательства при утверждении обязательного применения не кодифицированных и точно не определенных норм обычного права. В разработанном «Общем положении...» не были отражены основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также способы осуществления этого передела; полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства; меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки; условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании и др.

В Уставе гражданского судопроизводства не было представлено ни в одной статье указания о составе данных, которые требовалось привести в суде, чтобы определенный обычай мог применяться судом при рассмотрении дела, кроме этого, не был прописан механизм применения обычаев, не относящихся к категории «общеизвестных».

Судебная практика показала, что суды руководствовались крестьянскими обычаями не всегда. Так, Судебная практика показала, что под напором правительственных учреждений, наблюдающих за крестьянским самоуправлением и влиянием общегражданского права наследования, суды не всегда придерживались крестьянских обычаев наследования, иногда часть имущества, при наличии сыновей, выделяли дочерям. На такое решение влияли обстоятельства рассматриваемого случая, требующего принятия неотложных мер. При этом земельный надел никогда

не составлял наследуемую долю, иногда отдельные строения крестьянского хозяйства наравне с движимым имуществом принимались в наследуемую долю.

На решения судов по наследственному разделу общего семейного имущества, в основном постановлявших о выделении равных долей, оказывали влияние такие личные качества наследников, как трудолюбие, умение руководить домохозяйством, ведение трезвого образа жизни и другие, способные обеспечить выполнение положенных повинностей, платежей и податей.

В решениях волостных судов видно явное отстаивание имущества семьи от губительных для хозяйства решений крестьянина-домохозяина. Приговоры крестьянских судов отказывали в праве главе семьи продавать, закладывать или отчуждать имущество семьи без ее согласия и не в ее интересах.

Правила наследования в разных местностях в основном были сходны с обычаями наследования других общин, но применение этих устоявшихся обыкновений не располагало безусловным характером и существенно зависело от административных соображений сельского общества. Использование местных обычаев наследования изменялось ввиду хозяйственных соображений крестьянской общины и круговой поруки.

Применение норм обычного права в семейных вопросах было обусловлено особенностями общинного устройства, семейным экономическим характером крестьянского производства, традиционным ведением хозяйства, влиявшие на мировоззрение и определявшие систему ценностей крестьян, и особые правила их отношений внутрисемейных. В этом выказывался обычно-правовой принцип их общности, обладавший в крестьянских семьях силой общей связи. В условиях сплошной безграмотности крестьяне не имели представления о законах официальных и регулировали нормами местного обычного права свои семейные отношения. Обычно-правовые нормы обладали характерными территориальными

отличиями, на выработку которых непосредственно повлияла среда обитания, включающая природно-географические, культурно-исторические, социально-экономические и др. условия жизни, что в течение длительного исторического времени определяющим образом влияло на выработку правовых традиций семейных отношений крестьян. При этом уровень жизни оказывал серьезное влияние на правовые традиции, который отличался, и был выше в Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях, а также в Предкавказье, Новороссии и в Сибирском регионе и был ниже в центральных губерниях.

Натуральный характер хозяйствования и трудовое начало способствовали созданию больших патриархальных семей, как важного общественного института. Общей чертой всех форм крестьянских семей являлась крепкая личная власть крестьянина-домохозяина над членами семьи и общесемейный уклад пользования имуществом. Внутрисемейные отношения надежно обеспечивались нормами обычного права. Суды, при разборе семейных дел, большей частью отстаивали властные полномочия домохозяев и старались не допустить жалоб на них. Брак у крестьян, в силу семейно-хозяйственного уклада, часто из экономических соображений рассматривался как договор «купли-продажи». В крестьянском обиходе в случае невыполнения брачно-хозяйственной сделки, включавшей взаимные вклады в хозяйство, наказанием являлся штраф или неустойка, как за несоблюдение договора, хотя официальным законодательством было запрещено взимать неустойку в предбрачных договорах.

Зависимость благополучия всех членов семьи от исправного ведения хозяйства и от упорного дружного труда большого числа работников, ясно осознавалась крестьянами и способствовала тому, что противоречия семейно-хозяйственного характера редко были непримиримыми. Экономические преимущества большой семьи удерживали малые семьи от массового выхода, так как они в составе большой и дружной семьи были лучше защищены от невзгод и приспособлены к выживанию. Хозяйственные

преимущества, которые обеспечивала большая семья были очевидны, что делало внутрисемейные раздоры малозначимыми. Согласованность с укладом земледельческого производства обеспечивала устойчивость семейно-хозяйственной социальной организации крестьян.

В соответствии с народными обычаями глава-домохозяин судил проступки членов семьи и определял наказания, при необходимости прибегал к семейному суду и суду родственников. Общинный уклад жизни и его традиции поддерживали самосуд у крестьян. «Народная» педагогика полагала насилие и грубое принуждение членов семьи нормальными формами воздействия и действенным средством, направленным чтобы «поучить виноватого». Крестьянские обычаи не позволяли разбирать супружеские взаимоотношения в суде, в силу этого жалобы были редкими, так как считалось, что разбирательство в суде повредит отношениям.

В вопросе избиения жен волостные суды, где судьи состояли из крестьян-мужей, обыкновенно принимали сторону мужа, так как считалось, что это основано на соблюдении норм обычного права и, что решения не в пользу главы семьи могут поколебать авторитет мужа и его власть над женой. Волостные суды за физические посягательства наказывали сурово, но, вместе с тем, определяли разное наказание за одно и то же преступление, так как общественное положение замужней женщины было более высоким, чем у других женщин. Разбирательство в судах о рукоприкладстве и о оскорбительных действиях родителей и детей заканчивались тем, что судьи всегда поддерживали родителей.

При этом проверки судебных решений, связанных с оскорблением детьми своих родителей, не проводились до конца XIX века.

Развитие капитализма в пореформенной Российской империи, способствовало развитию товарно-денежных отношений у сельских жителей. Постепенная трансформация действия обычно-правовых норм в семейных отношениях способствовала проявлению индивидуализма у крестьян, что

порождало проявления недовольства патриархальными порядками и тенденций по их пересмотру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период начала царствования в России Николая I политическая и социальная обстановка в стране настоятельно диктовала необходимость в короткие сроки собрать, систематизировать и упорядочить все разрозненные законодательные акты, осуществить их юридическое закрепление и обеспечить поддерживающее правовое положение самодержавной власти. В этих целях был использован опыт деятельности специальных комиссий по систематизации законодательного материала предыдущих правящих монархов, способствовавший сбору в хронологическом порядке законодательных актов и изданию Полного собрания законов Российской империи. На этой основе был скомплектован в тематическом порядке введенный в действие 1 января 1835 года Свод законов, что было новым, прорывным явлением в развитии российского права и послужило важной эволюционной ступенью начала систематического научного изучения российского законодательства. В результате повысился уровень законности в регламентации деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, а также сформировалось устойчивое основание изучения российского права в учебных заведениях и подготовки юристов для различных видов государственной деятельности. Это оказало значительное влияние на развитие и становление российской правовой науки – развития правоведения по теоретическому, отраслевому, прикладному и др. направлениям.

Развитию правоведения в России способствовало освоение русскими юристами западноевропейского законотворчества, особенно немецкой юридической исторической школы, впитавшего в себя устои римского права. В середине XIX века ученые-правоведы, педагоги-юристы, государственные деятели, стоящие на различных идеологических позициях, в своих исследованиях отмечали воздействие права обычного на правовую жизнь русского народа. В этот исторический период осуществлялись открытия

юридических памятников, их изучение, исследовались разные институты права, происходило ускоренными темпами накопление юридического материала, углубление понимания роли юридических обычаев, значения для судебного правотворчества вопросов, различных направлений обычного права, что способствовало осмыслению, распространению и критическому использованию достижений в дальнейшем исследовательском опыте.

Применение в юридических исследованиях сравнительно-исторического метода, в особенности, когда его использовали в сочетании с методами естественного права, позволило аргументировать прогрессивные направления правотворческой деятельности. Что способствовало быстрому развитию юридической науки в России и демонстрации лучших примеров правотворчества европейского уровня. При этом применение юридических обычаев и норм обычного права в процессе дальнейшего формирования отраслевого деления российского права проявлялось в следующем:

1. Соборное уложение 1649 года, явившееся первым общегосударственным кодексом российского права, основывалось в целом на предшествовавших нормах права и правовых обыкновениях, что в определенной степени предопределяло сферы правового регулирования как прототипы обозначающихся отраслей права.

2. Основные факторы, определявшие особенности влияния правовых обычаев и норм обычного права на развитие отраслевого права и законодательства в Российской империи, исходили из силы юридических обычаев русского населения, обладавших высокой народной традиционностью и правовым консерватизмом, а также из заимствований законодательных актов из европейских систем права и их приспособление к российским условиям, при этом происходило восприятие наиболее совершенных правовых форм, которые принимались в результате исторической преемственности обычного права, а также определенной взаимосвязи правовой культуры и сходных социально-экономических условий.

Реализация принятых международных соглашений претворялась путем издания соответствующих узаконений на внутригосударственном уровне с изысканием юридических способов применения международно-правовых установлений в условиях российской правовой системы.

Присоединение и добровольное вхождение в состав подданных Российской империи новых народов и их территорий породило необходимость считывания традиционных национальных управленческих и регулятивных местных систем, что обусловило складывание двухуровневого законодательства: общегосударственного и местного.

Воздействие приведенных факторов способствовало дальнейшему формированию сфер правового регулирования и образованию отраслевого деления российского права.

В период «великих реформ» 1860-1870-х гг. проведение Крестьянской реформы 1861 года повлекло пересмотр и глубокие изменения в отраслевом законодательстве; было принято большое количество законов и других законодательных актов; проведены реформы: финансовая (1863), внесшая изменения в торговое законодательство и налогообложение; образования (1863-1864), одним из положений которой было участие общественных организаций и местного общества в начальном образовании, что соответствовало традициям и мирскому устройству, обыкновениям общественной жизни; государственного управления – реформы Земская (1864) и Городская (1870) – создавались органы местного самоуправления, избравшиеся населением независимо от сословной принадлежности с учетом имущественного ценза; объемная реформа судебного правотворчества (1864), введившая две судебные системы: а) общую, включавшую окружные суды (несколько уездов), судебные палаты (апелляционная инстанция) и кассационные департаменты Сената и; 2) местную, включавшую мировые суды, съезды мировых судей, рассматривавших кассационные жалобы и протесты, и волостные суды. При этом в крестьянской, духовной, военной и коммерческой сферах сохранялась своя юрисдикция.

В Крестьянской реформе применение норм обычного права приобрело важное практическое значение – были сохранены общинное крестьянское мирское устройство и особый сословный суд для крестьян. Согласно статьям 21, 38 и 107 Положения реформы, крестьянам дозволялось при разрешении тяжб по наследственным имущественным отношениям, по вопросам о крестьянской собственности и другим делам, руководствоваться своими юридическими обычаями.

Функционирование обычного права фактически было законодательно закреплено и применялось в практике отраслевого законодательства и государственной правовой практике.

Препятствия развитию судебного правотворчества в период Судебной реформы 1864 года коренились в общих исторических причинах, проявлявшихся в длительном существовании крепостного права в России, в разбросанности, недосформированности правотворческой теории, а также в гражданской неразвитости большей части крестьянского населения, в недостаточной образованности руководящих классов. Эти исторические причины задерживали внутренний процесс развития теории права российского судебного правотворчества.

Законодателем, с введением судебной реформой таких новых положительных оснований, как устность, гласность, состязательность судебного процесса, установление институтов адвокатуры (присяжных поверенных) и присяжных заседателей, а также установлением кассационной процедуры по апелляционным судебным делам, и, с одной стороны, – несменяемой магистратуры, а с другой стороны, – выборного мирового суда, была ограничена сила формальных доказательств, но вместе с тем теория законных доказательств не была разработана. В результате ни в Учреждении судебных установлений, ни в Судебных уставах, не были прописаны правила о доказательствах, не было материала, которым могли бы руководствоваться судьи всех рангов и институт присяжных заседателей. Было принято «юридическое основание», обязывающее судей «определять вину

подсудимого по внутреннему своему убеждению»¹. Теория индивидуального убеждения судей, присяжных поверенных привела к возникновению многих проблем в пореформенном судебном правотворчестве. На деле произошел разрыв между теоретической стороной строительства новой судебной системы и ее санкционированных начертаний в виде Судебных уставов, которым в идеале должны были следовать суды на основе принятых реформой правовых оснований.

Практическое осуществление судебного правосудия вступило в противоречия с принятыми нормами, прописанными в Судебных уставах, – это происходило на основании норм, которые также были прописаны в Судебных уставах или не прописаны вовсе, как, например, правила о доказательствах. Такое положение обусловило потребность в узаконении использования в качестве юридической нормы в судебном правотворчестве местных обычаев.

Использование обычаев в судебном правотворчестве, как юридической нормы претворялось не только в делах об имущественных крестьянских отношениях и мелкоторговых сделок, но и довольно широко во многих других гражданских тяжбах в судах. Особенностью судопроизводства являлось отсутствие систематизированных собраний местных крестьянских и мелкоторговых обычаев, которые не были определены с необходимой точностью, что обусловило их малоизвестность и спорность.

Постановления судов, выработанные с учетом местных обычаев и по усмотрению судей, способствовали проявлению судебного произвола и отрицательно сказывались на положении равенства для всех тяжущихся в суде. Независимость должностных лиц судов от государственной власти во внутренних отношениях, обособление самих судов привело к снижению в судебной системе профессиональной ответственности, дисциплины, и к

¹ Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип Университетская, 1889. – Ч.1. – С.59.

установлению номинальной иерархической подчиненности судебных инстанций.

Принятие народных обычаев, как нормы юридической и применение обычаев в судебном правотворчестве предоставили право присяжным заседателям выносить решение о виновности подсудимого «по внутреннему своему убеждению», под впечатлением происходящего судебного процесса и не придерживаясь требования закона. Присяжные заседатели нередко формулировали свои вердикты в противоположность доказательства факта виновности подсудимого. С введением института присяжных влияние государства на осуществление правосудия отменялось.

Центральное место при рассмотрении судебных дел занимал самоучреждаемый и самоуправляемый совет поверенных. Присяжные поверенные, не обремененные наукой и законом, и не подвергавшиеся судебному надзору, стремились воздействовать на мнение присяжных заседателей второстепенными эффектными эпизодами рассматриваемого дела, что вредило выяснению фактической истины и влияло на создание нужного им впечатления у присяжных заседателей при вынесении постановлений суда в ущерб правосудию.

Первоначальная низкая несменяемая судебная должность следователя, при неопытности и отсутствии необходимого законодательного контроля за их профессиональной деятельностью порождала произвол по отношению к частным лицам и неудовлетворительность большинства предварительных следствий, в значительной мере предрешавших судебное следствие.

Законодательное ослабление собственной ответственности прокуроров привело к тому, что прокуроры в своих судебных заключениях не ограничивались законом и содержанием предварительного следствия и могли в силу «личного убеждения» формулировать выводы, не стесняясь прямым смыслом законов. Понимание правительственных интересов перед судом со стороны прокурорского корпуса не были обусловлены неизменными установленными нормами.

Высшая кассационная инстанция, по закону ничем не связанная с государственной властью и поставленная законом в формальные отношения с судами, бессильная в дисциплинарном отношении, в руководящей деятельности была пассивной и относилась к жалобам на действия магистратуры с большим снисхождением, старалась выгораживать судей от ответственности. Такое состояние высшей кассационной инстанции негативно сказывалось на отправлении правосудия.

Противодействие введению Судебных уставов, оказываемое на местах; сложности, обусловленные отсутствием подготовленной юридической магистратуры и ее негативное отношение к новшествам в судопроизводстве; продолжительность Судебной реформы (1866-1899 гг.); недостатки, выявленные в ходе практики созданных судов; разработка новых законодательных актов, направленных на развитие судебной системы, обусловило целенаправленную организационно-разъяснительную и научно-исследовательскую деятельность создателей уставов и их единомышленников.

Продолжатели Судебной реформы укрепили своей обширной научной и практической деятельностью значение преобразованных судебных учреждений. В дальнейшем они отстаивали основания Судебных уставов от нападков и контрреформирования, разрабатывали и добивались введения последующих законодательных актов судебного ведомства.

Вместе с тем положительным, что дали Судебные уставы 1864 года, проявившиеся недостатки сменили недостатки дореформенного судопроизводства. Возникли новые препятствия к осуществлению правильного отправления правосудия, которые требовали своего разрешения.

В ходе разработки реформы 1861 года редакционная комиссия в своем правотворчестве вынуждена была учитывать устоявшиеся порядки и действия механизмов крестьянского сельскохозяйственного производства, длительное время функционировавшие в условиях крепостного способа хозяйствования, а также выработавшийся уклад жизни, общинного

землепользования, наследования и семейно-хозяйственные отношения крестьян. Применение норм обычного права у крестьян при разрешении споров и судебных дел по распределению земли и взаимоотношений в сфере землепользования, а также практика судов наследственных дел и в принятии постановлений по семейным вопросам показало, что проблема состояла в отсутствии какой-либо кодификации норм обычного права.

В разработанном «Общем положении...» не были отражены основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также способы осуществления этого передела; полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства; меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки; условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании и др.

Эти проблемы непосредственно были взаимосвязаны с общественными семейными устоями крестьян, складывавшихся столетиями, и послуживших фундаментом, на котором укоренились традиционные их воззрения, а также характерные мироощущения и суждения о нравственности. Выработывалось понимание крестьян значимости для сельской общины и семьи коллективистского уклада жизни и соотношении его с проявлениями индивидуалистического характера. Устои отношений и система ценностей определялись особенностями устройства замкнутой общины и традиционного семейного характера ведения хозяйства, которые влияли на формирование мировоззрения крестьян и особенных правил их отношений внутрисемейных.

В сфере землепользования правосудие издревле осуществлялось общинными судами на основании местных обычаев и опиралось на суд стариков – сельских старожил, судивших на основании хорошего знания обычаев своей общины, ее обычно-правовых норм, а также устоявшихся правовых традиций. В этом крестьянскую общину можно рассматривать как правотворческий орган местного уровня.

В этой связи разработчики реформы полагали, что община способна заменить бывшие полномочия помещиков по управлению крестьянами и станет низовым органом местного самоуправления, в том числе, и по сбору налогов в пользу государства. Правотворчество осложнялось необходимостью нахождения решения задачи определения правового регулирования пореформенных сельскохозяйственных отношений и установления субъектов права земельной собственности, которые могли бы обеспечить надлежащую обработку земель помещиков и земельных наделов крестьян, находящихся в постоянном сельскохозяйственном обороте.

В результате реформаторы легитимировали в земельных отношениях нормы обычного права, а в качестве основного субъекта выделили крестьянскую общину, способную успешно обеспечить выполнение всех повинностей.

Законодательная легализация крестьянские правовых обычаев рассматривалась как временная мера, которая необходима на первых этапах становления самоуправления сельских жителей в условиях введения реформы, в этом решении учитывалось наличие адаптационных механизмов в обычно-правовой системе крестьян, которые поддерживали стабильность и жизнеспособность общины. Введенные крестьянские волостные суды сословного характера, которые принимались как временные. Предполагалось, что по мере сближения крестьян в своем развитии с другими сословиями, их законодательство подчинить законам общегражданским.

Суды волостные, занимавшие местоположение между судами общинными и официальными, наделены были правом применять местные обычаи в качестве юридической нормы и нормы закона. Они стали основным правовым институтом крестьянского самоуправления и действенным механизмом регулирования земельных отношений. Судебное правотворчество реформаторов наделило сельскую общину легитимным правом отстаивать соблюдение своих земельных интересов. Крестьянскими

судами в земельных спорах, в соответствии с обычным правом, всегда принимался во внимание важный принцип трудового участия.

Мировые всесословные суды рассматривали такие же нарушения, что и суды волостные, но с более высоким имущественным уровнем. Законодатель этим решением дал возможность сельским жителям выбирать суд в соответствии со своими тяжбами. Мировые суды наделили правом на основании просьб сторон рассматривать дела с применением норм местного обычного права «по совести». Приоритет отдавался, как и в волостном суде, примирению сторон.

На решения судов по крестьянским вопросам влияла юридическая нечеткость крестьянского законодательства при утверждении обязательного применения не кодифицированных и точно не определенных норм обычного права. В разработанном «Общем положении...» не были отражены основания для пересмотра земельных наделов крестьян в целях их передела, а также способы осуществления этого передела; полномочия крестьянина-главы семьи, отвечавшего за благополучное ведение семейного хозяйства; меры по обереганию прав членов семьи в случаях, когда домохозяин заключал разорительные и явно убыточные сделки; условия и порядок разделов семейного имущества при разделах и наследовании и др.

Юридические обычаи соответствовали крестьянскому укладу жизни конкретной местности, поэтому на практике судам приходилось руководствоваться обычаями, которые были не изучены и систематизированы, что не позволяло обнаружить какие-либо общие правила для применения обычаев судами. Влияние широкой вариативности применения обычно-правовых норм, а также сложность приведения в известность наследственных крестьянских обычаев отрицательно сказывалась при рассмотрении дел.

В Уставе гражданского судопроизводства не было представлено ни в одной статье указания о составе данных, которые требовалось привести в суде, чтобы определенный обычай мог применяться судом при рассмотрении

дела, кроме этого, не был прописан механизм применения обычаев, не относящихся к категории «общеизвестных».

Судебная практика показала, что под напором правительственных учреждений, наблюдающих за крестьянским самоуправлением и влиянием общегражданского права наследования, суды не всегда придерживались крестьянских обычаев наследования, иногда часть имущества, при наличии сыновей, выделяли дочерям. На такое решение влияли обстоятельства рассматриваемого случая, требующего принятия неотложных мер. При этом земельный надел никогда не составлял наследуемую долю, иногда отдельные строения крестьянского хозяйства наравне с движимым имуществом принимались в наследуемую долю.

На решения судов по наследственному разделу общего семейного имущества, в основном постановлявших о выделении равных долей, оказывали влияние такие личные качества наследников, как трудолюбие, умение руководить домохозяйством, ведение трезвого образа жизни и другие, способные обеспечить выполнение положенных повинностей, платежей и податей.

Правила наследования в разных местностях в основном были сходны с обычаями наследования других общин, но применение этих устоявшихся обыкновений не располагало безусловным характером и существенно зависело от административных соображений сельского общества. Использование местных обычаев наследования изменялось ввиду хозяйственных соображений крестьянской общины и круговой поруки. Наследственные дела решались волостными судами и сельскими сходами часто «глядя по человеку»

Применение норм обычного права в семейных вопросах было обусловлено особенностями общинного устройства, семейным экономическим характером крестьянского производства, традиционным ведением хозяйства, влиявшие на мировоззрение и определявшие систему ценностей крестьян, и особые правила их отношений внутрисемейных. В

этом заключался обычно-правовой принцип их общности. Обычно-правовые нормы обладали характерными территориальными отличиями, на выработку которых непосредственно повлияла среда обитания, включающая природно-географические, культурно-исторические, социально-экономические и др. условия жизни, что в течение длительного исторического времени определяющим образом влияло на выработку правовых традиций семейных отношений крестьян. При этом уровень жизни оказывал серьёзное влияние на правовые традиции, который отличался, и был выше в Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях, а также в Предкавказье, Новороссии и в Сибирском регионе и был ниже в центральных губерниях.

Натуральный характер хозяйствования и трудовое начало способствовали созданию больших патриархальных семей, как важного общественного института. Общей чертой всех форм крестьянских семей являлась крепкая личная власть крестьянина-домохозяина над членами семьи и общесемейный уклад пользования имуществом. Внутрисемейные отношения надёжно обеспечивались нормами обычного права. Суды, при разборе семейных дел, большей частью отстаивали властные полномочия домохозяев и старались не допустить жалоб на них. Брак у крестьян, в силу семейно-хозяйственного уклада, часто, из экономических соображений, рассматривался как договор «купли-продажи». В крестьянском обиходе в случае невыполнения брачно-хозяйственной сделки, включавшей взаимные вклады в хозяйство, наказанием являлся штраф или неустойка, как за несоблюдение договора, хотя официальным законодательством было запрещено взимать неустойку в предбрачных договорах.

Зависимость благополучия всех членов семьи от исправного ведения хозяйства и от упорного дружного труда большого числа работников, ясно осознавалась крестьянами и способствовала тому, что противоречия семейно-хозяйственного характера редко были непримиримыми. Экономические преимущества большой семьи удерживали малые семьи от

массового выхода, так как они в составе большой и дружной семьи были лучше защищены от невзгод и приспособлены к выживанию. Хозяйственные преимущества, которые обеспечивала большая семья были очевидны, что делало внутрисемейные раздоры малозначимыми. Согласованность с укладом земледельческого производства обеспечивала устойчивость семейно-хозяйственной социальной организации крестьян.

В соответствии с народными обычаями глава-домохозяин судил проступки членов семьи и определял наказания, при необходимости прибегал к семейному суду и суду родственников. Общинный уклад жизни и его традиции поддерживали самосуд у крестьян. «Народная» педагогика полагала насилие и грубое принуждение членов семьи нормальными формами воздействия и действенным средством, направленным чтобы «поучить виноватого».

Крестьянские обычаи не позволяли разбирать супружеские взаимоотношения в суде, в силу этого жалобы были редкими, так как считалось, что разбирательство в суде повредит отношениям.

В вопросе избиения жен волостные суды, где судьи состояли из крестьян-мужей, обыкновенно принимали сторону мужа, так как считалось, что это основано на соблюдении норм обычного права и, что решения не в пользу главы семьи могут поколебать авторитет мужа и его власть над женой. Волостные суды за физические посягательства наказывали сурово, но, вместе с тем, определяли разные наказания за одно и то же преступление, так как общественное положение замужней женщины было более высоким, чем у других женщин. Разбирательство в судах о рукоприкладстве и о оскорбительных действиях родителей и детей заканчивались тем, что судьи всегда поддерживали родителей. При этом проверки судебных решений, связанных с оскорблением детьми своих родителей, не проводились до конца XIX века.

Быстрое развитие капитализма в пореформенной Российской империи, способствовало развитию товарно-денежных отношений у сельских жителей.

Постепенная трансформация действия обычно-правовых норм в семейных отношениях способствовала проявлению индивидуализма у крестьян, что порождало проявления недовольства патриархальными порядками и тенденций по их пересмотру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Архивные источники:**

1. Архив Российского этнографического музея, фонд 7, опись 1, дело 261. Л. 1, 2 об.
2. Архив Российского этнографического музея, фонд 7, опись 1, дело 261. Л. 1, 2 об.
3. Российский государственный исторический архив, фонд 91, опись 1, дело 837.
4. Российский государственный исторический архив, фонд 391, опись 2, дело 731.
5. Российский государственный исторический архив, фонд 560, опись 35, дело 1421.
6. Российский государственный исторический архив, фонд 573, опись 8, дело 9197.
7. Российский государственный исторический архив, фонд 1291, опись 30, дело 274.
8. Российский государственный исторический архив, фонд 1291, опись 30, дело 368.
9. Российский государственный исторический архив, фонд 1291, опись 54, дело 18. Л.1.
10. Российский государственный исторический архив, фонд 1317, опись 1, дело 10. Л. 35 об.
11. Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 2, дело 1256.
12. Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 5, дело 1135. Л. 6, 6 об.
13. Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 19, дело 4.

14. Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 19, дело 292. Л.5.
15. Российский государственный исторический архив, фонд 1344, опись 23, дело 2749. Л.1.
16. Российский государственный исторический архив, фонд 1364, опись 10, дело 2096. Л.7.
17. Российский государственный исторический архив, фонд 1405, опись 129, дело 139.
18. Российский государственный исторический архив, фонд 1405, опись 515, дело 13.
19. Российский государственный исторический архив, фонд 1405, опись 515, дело 23.
20. Российский государственный исторический архив, фонд 1406, опись 1, дело 55. Л. 140, 143.
21. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – 1 т. Тамбовская губерния. – 851 с.

Источники права Российской империи:

22. Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М.: Юридическая литература, 2000. – 1 т. – 1056 с.; 2001. – 2 т. – 984 с.
23. Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских [Электронный ресурс]. – СПб: Книж. торговля В.И. Ключкова, 1845. – 245 с. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ujVFAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
24. Кормчая книга, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. – М., 1912 (1650). – 1481 с.
25. О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей: Манифест от 19.02.1861 // Полное

собрание законов Российской империи. № 36650. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – С. 128.

26. О правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи. – СПб: Изд-во В тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 10 т. – 1 ч. – С. 1-72.
27. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – С. 141-169.
28. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – VI т. – № 3708.
29. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – XXVII т. – № 20406.
30. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – XXVII т. – № 14392.
31. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I. – т. V. – № 3294.
32. Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий // Полное собрание законов Российской империи. № 36657. – собрание второе. – 36 т., 1 ч. – Ст. 27-31.
33. Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий. Документы крестьянской реформы // Российской законодательство X-XX вв. – 1989. – 7 т. – С. 120-158.
34. Речь Александра II в Государственном совете 28 января 1861 г. // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи; под ред. В.А. Федорова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 193-194.

35. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г.В. Абрамович, Л.И. Ивина, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов и др.; редкол.: В.И. Булганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков, В.М. Панеях. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
36. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 1: Устав гражданского судопроизводства. – 763 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372592>.
37. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны [Электронный ресурс]. – 2-е изд., дополненное. – СПб: Тип. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч 2: Устав уголовного судопроизводства. – 523 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372593>.
38. Учреждение судебных установлений 1864 года // Российское законодательство X-XX веков [Электронный ресурс]. – М.: Электронная библиотека, 1991. – С. 32-82. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/node/13688>.
- Специальная литература:**
39. Авенариус, М. Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] / М. Савиньи; перевод с немецкого Ю.Ю. Полдникова // Древнее право. – 2005. – 1 (15). – 108-118. – Режим доступа: elar.uniyar.ac.ru.
40. Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – 210 с.
41. Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в.: монография / В.А. Александров; отв. ред. В.К. Гарданов. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
42. Александров, В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма / В.А. Александров // История СССР. – 1981. – 3. – С. 78-96.

43. Арсеньев, К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866-74 г. / К.К. Арсеньев. – СПб: Тип. В. Демакова, 1875. – 512 с.
44. Артемьев, А.А. Краткое начертание римских и российских прав, с показанием крупно обоих, равномерно как и чиноположения оных истории / А.А. Артемьев. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1777. – 198 с.
45. Баршев, С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях: в 2 разделах / С.И. Баршев. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 269 с.
46. Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – СПб: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – 297 с.
47. Барыков, Ф.Л. Обычаи наследования у государственных крестьян (По сведениям, собранным Министерством государственных имуществ в 1848 и 1849 г.) / Ф.Л. Барыков. – СПб: Тип. Ф. Стелловского, 1862. – 101 с.
48. Безгин, В.Б. Земельные иски в материалах волостных судов Тамбовской губернии / В.Б. Безгин // Земледелие и землепользование в России (социально-правовые аспекты): XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 2002. – С. 116-118.
49. Безгин, В.Б. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) / В.Б. Безгин, П.В. Ерин // Вестник ТГТУ, 2012. – 12 т. – 2. – С. 498-507.
50. Безгин, В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа / В.Б. Безгин // Вопросы истории. – 2005. – 3. – С. 152-157.
51. Безгин, В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В.Б. Безгин. – Тамбов: Тамб. технич. ун-т, 2012. – 124 с.

52. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства [Электронный ресурс] / И.Д. Беляев. – М.: Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. – 728 с. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/bookreader/book53011/#page/22/mode/1up>.
53. Беляев, И.Д. О наследстве без завещания, по древним русским законам, до Уложения царя Алексея Михайловича / И.Д. Беляев. – М.: В Университетской Типографии, 1858. – 140 с.
54. Блосфельдт, Г.Э. «Законная сила» свода законов в свете архивных данных / Г.Э. Блосфельдт; под общ. ред. В.А. Томсинова. – М: Зерцало, 2006. – 292 с.
55. Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biografi/articles/519/plavskij-aleksandr-mihajlovich.htm>.
56. Бондарь, М.Н. Земельное право России в XIX веке: вопросы землепользования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бондарь Мария Николаевна. – Саратов, 2010. – 171 с.
57. Борзенко, А.А. Русское гражданское право / А.А. Борзенко // Временник Демидовского Юридического Лицея. – Ярославль: Тип. Губернской Земской Управы, 1874. – Книга 8. – С. 1-48; 1875. – Книга 9. – С. 49-134.
58. Ботанцов, И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иоан Владимирович Ботанцов. – СПб, 2017. – 190 с.
59. Будилов, В.М. Савиньи и становление Русского национального правоведения в первой половине XIX в. / В.М. Будилов // Правоведение. – 2014. – 3 (314). – С. 156-187.
60. Васильев, И.В. Новейшее руководство к познанию российских законов: в 2 ч. / И.В. Васильев. – М.: Тип. Университетская, 1826. – 1 ч. – 213 с.; 1827. – 2 ч. – 184 с.

61. Вельяминов-Зернов, В.В. Опыт начертания российского частного гражданского права: в 2 ч. / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1814. – 1 ч. – 218 с.
62. Вернадский, Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.: (Период империи) / Г.В. Вернадский. – Прага: Изд-во «Пламя», 1924. – 168 с.
63. Виленский, Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. – Саратов: Приволжское кн. Изд-во, 1969. – 400 с.
64. Волкова, Е.А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е.А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – выпуск 2. – ч. 2. – С. 387-395.
65. Гис, Ф. Дж. Брак и семья в жизни крестьянина / Ф. Дж. Гис. – М. РОССПЭН, 2002. – 456 с.
66. Горская, Н.И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860 – 1880-х гг.) / Н.И. Горская // Российская история. – 2001. – 1. – С. 28-41.
67. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права: в 3 т. / А.Д. Градовский. – СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1875. – 1 т. – 436 с.
68. Григорьева, Т.С. Семейная жизнь крестьян / Т.С. Григорьева. – М.: Высшая школа, 2005. – 432 с.
69. Грязнов, Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке: монография / Д.Г. Грязнов. – М.: ИПО СтГАУ «АГРУС», 2003. – 2017 с.
70. Даневский, П.Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России / П.Н. Даневский. – СПб: Тип. И.Фишона, 1857. – 79 с.
71. Демичев, А.А. Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода / А.А. Демичев // История государства и права. – 2010. – 17. – С. 21-24.

72. Десницкий, С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства / С.Е. Десницкий // Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрания. – М.: Унив. Тип. У Н. Новикова, 1781. – 20 с.; Перепеч. в кн.: «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века». – М., 1952. – 1 т. – С. 268-286.
73. Добротворский, Н. М. Крестьянские юридические обычаи: по материалам, собранным в восточной части Владимирской губернии (уезды: Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский и Ковровский). Статья 3. Вещные права / Н.М. Добротворский // Юридический вестник. – 1891. – IX т., Кн. 2 (Октябрь). – 10. – С. 197-208.
74. Дорская, А.А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права: монография / А.А. Дорская. – СПб: Астерион, 2007. – 158 с.
75. Дорская, А.А. Эволюция системы права в России: теоретический и историко-правовой подходы: монография / А.А. Дорская, И.Л. Честнов. – СПб: Астерион, 2010. – 306 с.
76. Дунаева, Н.В. Эволюция правового статуса свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Дунаева Наталья Викторовна. – СПб, 2011. – 410 с.
77. Дювернуа, Н.Л. Значение римского права для русских юристов / Н.Л. Дювернуа // Временник Демидовского Юридического лица. – Ярославль: Тип Г.Фальк, 1872. – Кн. 1. – С. 33-57.
78. Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. – М.: Тип Университетская, 1869. – 419 с.
79. Ефремова, Н.Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации

- законодательства) / Н.Н. Ефремова // Юридическая наука. – 2016. – 4. – С. 15-20.
80. Ефремова, Н.Н. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII в. / Н.Н. Ефремова, И.А. Исаев, И.С. Штамм; отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – 312 с.
81. Ефремова, Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в.: монография / Н.Н. Ефремова. – М.: РУДН, 2007. – 267 с.
82. Ефремова, Н.Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (Историко-правовое исследование) / Н.Н. Ефремова. – М.: Наука, 1993. – 190 с.
83. Загоровский, А.И. По поводу предстоящей кодификации гражданских законов / А.И. Загоровский // Наблюдатель. – 1883. – Кн. 2. – С. 50-73.
84. Закон и обычай в крестьянском наследовании // Вестник Права. Журнал юридического общества – СПб., 1899. – 10 (декабрь). – С. 228-238.
85. Закономерности эволюции нормативных актов в России в XVIII – начале XXI века [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://studme.org/43696/istoriya/zakonomernosti_evolyutsii_normativnyh_pravovyh_aktov_rossii_xviii_nachale_xxi_veka.
86. Зарудный, М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов / М.И. Зарудный. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1874. – 226 с.
87. Захаров, В.В. История государства и права России: в 2 т. / В.В. Захаров; под общ. ред. В.М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 1 т. – 448 с.
88. Земцов, Л.И. Волостной суд в России в 60-х – первой половине 70-х годов XIX века (По материалам центрального черноземья) / Л.И. Земцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 448 с.
89. Зивс, С.Л. Источники права / С.Л. Зивс; АН СССР, институт государства и права. – М.: Наука, 1981. – 238 с.
90. Зубкова, Е.Ю. Семейная жизнь крестьянина / Е.Ю. Зубкова. – М.: ЭКСМО, 2005. – 229 с.

91. Игнатъева, Е. Ю. Осуществление правотворчества судьями новых судов с принятием Судебных уставов 1864 года / Е. Ю. Игнатъева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. – 2019. – 1 (81). – С. 20-25.
92. Игнатъева, Е. Ю. Народные юридические обычаи и обычное право в трудах российских юристов периода «Великих реформ» 1860-1870-х годов / Е. Ю. Игнатъева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – 2. – С. 245-250.
93. Игнатъева, Е. Ю. Осуществление правотворчества в судах присяжных заседателей с введением Судебных уставов 1864 года / Е. Ю. Игнатъева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. – 2019. – 2 (82). – С. 42-46.
94. Игнатъева, Е.Ю. Судебное правотворчество в России по земельным вопросам во второй половине XIX – начале XX вв. в процессе применения обычного права / Е. Ю. Игнатъева // Вестник института. Преступление, наказание, исправление: научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. – Вологда, 2019. – Т.13. – № 2. – С.213-221.
95. Игнатъева, Е.Ю. Теоретико-правовые основания судебного правотворчества в России в период введения судебных уставов 1864 года / Е. Ю. Игнатъева // Образование. Наука. Научные кадры: ООО «Издательство «Юнити-Дана». – Москва, 2019. – № 2. – С.23-26.
96. Илларионов, Н.С. К вопросу о разработке обычного права / Н.С. Илларионов // Вестник права. – 1899. – 1 (январь). – С. 78-91.
97. Исаева, Т.В. Становление и формирование институтов гражданской правоспособности и дееспособности в России XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Исаева Татьяна Вячеславовна. – Саратов, 2010. – 166 с.
98. Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Современник. – 1847. – 1 т., Кн. 1., Отд. 2. – С. 1-52.

99. Кавелин, К.Д. Государство и община / К.Д. Кавелин; сост., предисл., комент. В.Б. Трофимова; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1296 с.
100. Калачев, Н.В. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях / Н.В. Калачев // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. – СПб: Тип. 2 Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. - VII разд. – С. 14-28.
101. Калачов, Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н.В. Калачов // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1847. – 3 – отд. 1. – С. 1-128; 4, С. 1-80.
102. Калачов, Н.В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича / Н.В. Калачов // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором. – М.: Тип. Университетская, 1841. – 1 т. – С. 47-160.
103. Каменский, А.Б. Повседневность крестьян / А.Б. Каменский. – М.: Дрофа, 2006. – 496 с.
104. Капустин, М.Н. История права / М.Н. Капустин // Временник Демидовского Юридического Лицея, ч. 1. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – Кн. 2. – С. 1-88; Кн. 3. – С. 89-240; 1873. – Кн. 4. – С. 241-271.
105. Кистяковский, А.Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение / А.Ф. Кистяковский // Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб, 1872. – 6 т. – С. 3-28.
106. Кодан, С.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года – первый проект российской конституции / С.В. Кодан // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2009 г. В 2 ч. – СПб: Астерион, 2009. – ч. I. – С. 290-294.

107. Кодан, С.В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX – начале XX века / С.В. Кодан // Юридическая техника. – 2007. – 1. – С. 178-191.
108. Кодан, С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / С.В. Кодан // Социодинамика. – 2013. – 4. – С. 239-293. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_436.html.
109. Колюпанов, И.В. Внутреннее обозрение: вопрос о крестьянском самосуде / И.В. Колюпанов // Беседа. – 1872. – Кн. 6. – июнь – С. 1-48.
110. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) / А.Ф. Кони. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – 327 с.
111. Коновалова, А.С. Обычное право в российской правовой жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коновалова Алевтина Сергеевна. – М., 2005. – 173 с.
112. Коркунов, Н.М. С.Е. Десницкий – первый русский профессор права // Журнал Министерства юстиции. – 1894. – 2. – С. 113-141.
113. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М.: Изд-во Юрайт, 2017. – 427 с.
114. Коротких, М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (сущность и социально-правовой механизм) / М.Г. Коротких. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 240 с.
115. Краковский, К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки / К.П. Краковский // Журнал российского права. – 2014. – 12. – С. 16-31.
116. Красноперов, И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом / И.М. Красноперов // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893. – 1 т. – С. 268-289.
117. Крестьянская реформа [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. – С. 119-121. – Режим доступа: <https://www.booklot.org/>

genre/spravochnaya-literatura/entsiklopedii/book/bolshaya-sovetskaya-entsiklopediya.

118. Крылов, Н.И. Об историческом значении римского права в области наук юридических / Н.И. Крылов. – М.: Тип. Университетская, 1838. – 90 с.
119. Кукольник, В.Г. Начальные основания римского гражданского права. Для руководства в преподавании оного на публичных курсах / В.Г. Кукольник. – СПб: Медицинская типография, 1810. – 292 с.
120. Кукольник, В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права / В.Г. Кукольник. – СПб: Тип. Сенатская, 1813. – 240 с.
121. Куницын, А.П. Право естественное / А.П. Куницын; под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 162 с.
122. Лазовский, Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву / Н. Лазовский // Юридический вестник. – 1883. – 6-7. – С. 358-414.
123. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII – начало XIX ст.) / В.Н. Латкин. – 2-е изд. – СПб: Изд-во Зерцало, 1909. – 576 с.
124. Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Изд-во Императорского Новороссийского Университета, 1869. – Выпуск 1. – 154 с.
125. Леонтьев, А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А.А. Леонтьев. – СПб: Тип. М. Меркушева, 1895. – 140 с.
126. Лешков, В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до конца XVIII века / В.Н. Лешков; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 688 с.
127. Ломакина, И.Б. Легитимация права в традиционных обществах: институциональный аспект / И.Б. Ломакина // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – 2(15). – С. 16-23.

128. Ломакина, И. Б. Обычное право и правовой обычай: от социальной монономы к правовой нормативности : (монография) / И. Б. Ломакина, А. В. Дашин. – Санкт-Петербург : Астерион, 2005. – 143 с.
129. Ломакина, И. Б. Этническое обычное право : теоретико-правовой аспект : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01 / Ломакина Ирина Борисовна – СПб, 2005. - 368 с.
130. Майков, П.М. Второе Отделение Собственной его императорского величества канцелярии: 1826-1882. Исторический очерк. / П.М. Майков. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – 738 с. 734 с.
131. Майков, П.М. О своде законов Российской империи / П.М. Майков; под общ. ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 293 с.
132. Малова, О.В. Правовой обычай как источник права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Малова Ольга Владиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 187 с.
133. Малышев, К.И. Курс Гражданского Права / К.И. Малышев. – СПб: Литография Боровкова, 1880. – 303 с. – [Литография].
134. Матвеев, П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии / П.А. Матвеев. – СПб: Тип. В. Киршбаума, 1877. – 38 с.
135. Мейер, Д.И. Русское гражданское право, чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей / Д.И. Мейер; под ред. А. Вицина – 3-е изд., испр. сообразно определениям новейшего законодательства. – СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. – 789 с.
136. Мельников, П.Ю. Особенности обычного права Российской империи XIX века: «трудовая» теория крестьянской семьи (основные положения и контраргументы) / П.Ю. Мельников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – 2. – С. 59-64.
137. Мельничук, М.А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мельничук Марина Александровна. – Краснодар, 2007. – 182 с.

138. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
139. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – 1 т. – 548 с.
140. Митюков, А.К. Общность имущества в семье, как историческая основа наследования (вступительная лекция) / А.К. Митюков // Киевские университетские известия. – 1901. – Кн. 1. – С. 1-3.
141. Морошкин, Ф.Л. О владении по началам российского законодательства / Ф.Л. Морошкин. – М.: Тип. Университетская, 1837. – 237 с.
142. Морошкин, Ф.Л. Об Уложении и последующем его развитии / Ф.Л. Морошкин. – М.: Тип Университетская, 1839. – 87 с.
143. Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. – СПб: Тип. Сенатская, 1888. – 331 с.
144. Неволин, К.А. История российских гражданских законов: в 3 т. / К.А. Неволин. – СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1851. – 1 т. – 456 с.
145. Неволин, К.А. Энциклопедия законовещения: по изд. 1839 г. / К.А. Неволин. – СПб: СПбГУ, 1997. – 400 с.
146. Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Немытина Марина Викторовна. – М., 1999. – 403 с.
147. Нечаев, В.М. Морошкин, Федор Лукич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 19А (38) т. – С. 875-876.
148. Нечаев, В.М. Опыты по истории русского обычного права и его истории / В.М. Нечаев // Журнал «Юридический вестник». – М., 1884. – 8. – С. 24-31.

149. Никонов, С.П. Семейное право в решениях волостного суда / С.П. Никонов // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – 10. – С. 79-104.
150. Общая теория права и государства: учебник / под общ. ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
151. Оршанский, И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. – СПб: Тип. А.Е. Ландау, 1879. – 455 с.
152. Оршанский, И.Г. Народный суд и народное право (По поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И.Г. Оршанский // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – СПб., 1875. – Книжка 3 (Май-июнь). – С. 60-142; Книжка 4 (Июль-август). – С. 140-223; Книжка 5 (Сентябрь – октябрь). – С. 1-71.
153. Паппе, А. О доказательствах на волостном суде / А. Паппе // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. – М., 1889. – Вып. 1. – С. 50-62.
154. Пахман, С.В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии / С.В. Пахман. – М.: Тип. Университетская, 1851. – 224 с.
155. Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 1 т. – 463 с.
156. Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки: в 2 т. / С.В. Пахман. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1879. – 2 т. – 400 с.
157. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Вторая часть: Права семейственные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. – 3-е изд., с переменами и дополнениями. – СПб: Тип. Синодальная, 1889. – 712 с.
158. Победоносцев, К.П. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему

- предмету кассационных департаментов сената / К.П. Победоносцев. – СПб: Печатьня В. Головина, 1872. – 553 с.
159. Покровский, Г.Ф. Рассуждение о происхождении, постепенном ходе и некоторых чертах гражданских законов / Г.Ф. Покровский. – М.: Тип. Университетская, 1817. – 20 с.
160. Полное собрание сочинений К.А. Неволина. Энциклопедия законовения [Электронный ресурс] / К.А. Неволин. – СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – 530 с. – Режим доступа: <http://bookree.org/reader?file=735427&pg=532>.
161. Пухта, Г.Ф. Энциклопедия права / Г.Ф. Пухта; под ред. П.Л. Карасевича; перевод с немецкого Линденбратеном – 6-е издание. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – 99 с.
162. Рейц, А.М.Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А.М.Ф. Рейнц; перевод с немецкого Ф.Л. Морошкина. – М.: Тип. Университетская. – 1836. – 452 с.
163. Руднев, Л.И. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии / Л.И. Руднев. – Киев: Тип. ун-та св. Владимира (В.И. Завадского), 1894. – 188 с.
164. Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ружицкая Ирина Владимировна. – М., 2011. – 457 с.
165. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан; перевод с французского под общ. ред. А.И. Ковлера; отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – 310 с.
166. Савиньи, Ф.К. Обязательное право / Ф.К. Савиньи; перевод с немецкого В. Фукс и Н. Манро. – М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. – 582 с.
167. Сборник народных юридических обычаев: в 2 т. / изд. под. ред. С.В. Пахмана. – СПб: Тип. В. Киршбаума, А.С. Суворина, 1900. – 2 т. – 460 с.
168. Сергеевич, В.И. Опыты исследования обычного права / В.И. Сергеевич // Наблюдатель. – 1882. – 1. – С. 80-97; 2. – С. 213-240.

169. Сидорчук, М.В. Систематизация законодательства России в 1826-1932 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сидорчук Марина Викторовна. – Л., 1983. – 189 с.
170. Скоробогатый, П. Устройство крестьянских судов / П. Скоробогатый // Юридический вестник. – 1880. – 6. – С. 309-346; 7. – С. – 486-516.
171. Скрипилев, Е.А. Развитие русского права в первой половине XIX в. / Е.А. Скрипилев, С.И. Штамм, В.М. Клеандрова; отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. – 316 с.
172. Смирнов, А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа / А. Смирнов // Юридический вестник. – 1877. – Вып. I-II. – С. 43-74; Вып. III-IV. – С. 98-128; Вып. V-VI. – С. 92-131; Вып. VII-VIII. – С. 177-224; Вып. IX-X. – С. 118-176; Вып. XI-XII. – С. 92-142.
173. Снегирев, И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древнего и среднего периода русской народной жизни / И.М. Снегирев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором. – М.: Тип. Университетская, 1842. – 2 т. – С. 263-305.
174. Солодкин, И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.) / И.И. Солодкин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 169 с.
175. Сперанский, М.М. Обзорение исторический сведений о Своде законов / М.М. Сперанский. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – 204 с.
176. Сперанский, М.М. Предложения к окончательному составлению законов / М.М. Сперанский // Русская старина. – СПб, 1876. – 2. – С. 433-434.
177. Стршмень-Стройновский, И.Б. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов: в 4 частях / И.Б. Стршмень-Стройновский; перевод с польского В. Анастасевича. – 4-е издание. – СПб: Медицинская типография, 1809. – 295 с.
178. Судебная реформа / Под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского: в 2 т. – М.: Изд-во Объединение, 1915. – 1 т. – 381 с.

179. Тараборин, Р.С. Систематизация гражданского законодательства Российской империи, первая половина XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тараборин Роман Сергеевич. – Екатеринбург, 2002. – 204 с.
180. Тенишев, В.В. Правосудие в русском крестьянском быту / В.В. Тенишев. – Брянск: Тип. Л.И. Итина и К°, 1907. – 196 с.
181. Терлаич, Г.И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России: в 2 ч. / Г.И. Терлаич. – СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1810. – 1 ч. – 114 с.; 2 ч. – 244 с.
182. Томсинов, В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества: в 2 т. / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало. – 2007. – 1 т. – 672 с.
183. Томсинов, В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. – 2015. – 2. – С. 22-40.
184. Тютрюмов, И.М. Крестьянское наследственное право (очерк народно-обычного права) / И.М. Тютрюмов // Слово. – 1881. – Кн. 1. – С. 42-75.
185. Умов, В.А. Понятие и методы исследования гражданского права / В.А. Умов. – М.: Тип. Университетская, 1873. – 427 с.
186. Филимонов, В.С. Система естественного права / В.С. Филимонов. – СПб: Тип. Императорская, 1811. – 89 с.
187. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 4-е изд., перераб. и доп. – СПб: Тип. товарищества «Общественная польза», 1912. – 1 т. – 556 с.
188. Фукс, В.Я. Суд и полиция: в 2-х частях / В.Я. Фукс. – М.: Тип. Университетская, 1889. – 522 с.
189. Хауке, О.А. Крестьянское земельное право. Подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – 384 с.

190. Царегородская, Е.В. Правовой обычай: Сущность и механизм действия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Царегородская Елена Владимировна. – СПб, 2004. – 24 с.
191. Цветаев, Л.А. Начертание теории законов / Л.А. Цветаев. – М.: Тип. Университетская, 1816. – 377 с.
192. Цитович, П.П. Курс русского гражданского права / П.П. Цитович; т. 1: Учение об источниках права. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. – Вып. 1. – 128 с.
193. Числов, П.И. Курс истории русского права / П.И. Числов. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 370 с.
194. Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. – М.: Тип. Э. Барфкнехта, 1858. – 389 с.
195. Шаркова, И.Г. Мировой судья в дореволюционной России / И.Г. Шаркова // Государство и право. – 1998. – 9. – С. 79-85.
196. Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шатковская Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 596 с.
197. Шатковская, Т.В. Особенности легализации российским государством обычно-правовых норм во второй половине XIX века (по документам крестьянской реформы 1861 г.) / Т.В. Шатковская // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы научных исследований – 2007». – Днепропетровск, 2007. – 6 т. – С. 14-20.
198. Шатковская, Т.В. Традиционные принципы обычного права российских крестьян второй половины XIX – начала XX веков: понятие, классификация и особенности / Т.В. Шатковская // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – спецвыпуск. – С. 105-100.

199. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. – т. 1-2. – 814 с.
200. Эверс, И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс; перевод с немецкого Д. Языкова. – СПб: Тип. Штаба Отд. корп. вн. Стражи, 1835. – 442 с.
201. Энгельгардт, А.Н. Из деревни. Письмо седьмое / А.Н. Энгельгардт // Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. – М., 1987. – С. 146-235.
202. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1899. – 26А (52) т. – С. 481-960.
203. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1895. – 14 (27) т. – 480 с.
204. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1897. – 20А (40) т. – С. 481-960.
205. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 18А (36) т. – С. 481-958.
206. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1898. – 23 (45) т. – 474 с.
207. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1898. – 23А (46) т. – 475-958 с.
208. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1894. – 12 (23) т. – 497 с.
209. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб: Тип. И.А. Ефрона, 1896. – 19 (37) т. – 493 с.
210. Юртаева, Е.А. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.): монография / Е.А. Юртаева. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 728 с.
211. Якушкин, Е.И. Обычное право. Выпуск третий. Материалы для библиографии обычного права / Е.И. Якушкин. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1908. – IV. – 576 с.

**Правила, используемые по предложению М.М. Сперанского
при разработке Свода законов Российской империи**

М.М. Сперанский предложил руководствоваться правилами, сформулированными английским ученым (философ, историк, политик) Френсисом Беконем (1561-1626 гг.).

Правила сводились к следующему:

1. В Свод законов предпочтительно включать только действующее законодательство.

2. Законы, которые утратили юридическую силу, следует не включать в Свод законов.

3. Помещать в Свод законов, в первую очередь, правовые установления конституционного значения.

4. При формировании Свода исключить нормативные повторения и оставлять те предписания, которые наиболее полно выражают мысль законодателя.

5. Законодательные акты помещать в Свод без каких-либо произвольных текстуальных изменений, сохраняя в точности действующие выражения и формулы.

6. Поскольку самым важным в законе является его нормативная часть, не обязательно включать в Свод законов преамбулы, которыми открываются те или иные законодательные акты.

**Данные по оправданным подсудимым судами присяжных
в период за 1873-1881 годы**
(составлено по материалам исследования В.Я. Фукса «Суд и полиция»)

Административный округ	Количество оправданных по уголовным делам, в %
Санкт-Петербургский	возросло с 32% до 37%
Московский	возросло с 32% до 37%
Харьковский	возросло с 31% до 38%
Казанский	возросло с 35% до 39%
Саратовский	возросло с 31% до 37%
Одесский	возросло с 38% до 50%

Всего оправдано (по всем местностям):

1874 г.	29%
1875 г.	26%
1876 г.	30%
1877 г.	32%
1878 г.	31%
1879 г.	31%
1880 г.	39%

**Сведения о привлечении к дисциплинарной ответственности
присяжных поверенных**

(составлено по материалам Московского юридического вестника за
1883 год и исследования В.Я. Фукса «Суд и полиция»)

По данным отчета за указанное время было заведено 750 дисциплинарных дел на 315 присяжных поверенных и 112 помощников поверенных. Это показывает, что жалобы на деятельность адвокатов были частыми. Адвокаты перестали пользоваться доверием у общества.

По 123 дисциплинарным делам были сделаны предостережения, а по 53 – выговоры. Но необходимо отметить, что предостережения и выговоры, как сила взысканий, не имели серьезного значения, к тому же предостережения не считались взысканиями, а представляли собой лишь предупреждения о возможности взыскания.

Московским советом присяжных поверенных по проступкам адвокатов было принято всего 21 временное воспреещение их практики, 11 были исключены из сословия поверенных, было возбуждено всего одно уголовное преследование. Всего 33 взыскания по 750 дисциплинарным делам.

Из отчета Петербургских присяжных поверенных с 1 марта 1887 г. по 1888 г. видно, что всего в Петербургском судебном округе было 579 адвокатов и их помощников. Рассмотрено было 103 дисциплинарных дела, по которым состоялось 33 взыскания. Петербургская адвокатура находилась в центре столичного высшего правительственного надзора. Но провинностей адвокатов было много.

Такие же негативные явления среди присяжных поверенных отмечались и в других судебных округах. Результаты говорят о том, что взыскания самоуправляемым советом присяжных поверенных налагались очень снисходительно.

Основания Крестьянской реформы 1861 года

1. Крестьянам «даровались» общегражданские права и личная свобода.
2. Освобождение крестьян осуществлялось с выкупом земельных наделов, размер которых зависел от плодородия земель регионов государства. Размер наделов был в пределах от 3 до 12 десятин в зависимости от нахождения в черноземном или нечерноземном, или в степном районе.
3. В случаях, когда у крестьян в землепользовании оказывалось земли больше установленных норм, – то излишествующая часть отрезалась в пользу помещика.
4. Размер выкупа земельного надела устанавливался в зависимости от величины денежного оброка, уплачиваемого крестьянином и приравнивался к капиталу, который в банке должен был давать доход в 6% годовых. При этом 20% выкупной суммы крестьянин сам должен был выплатить помещику, а 80% остальной суммы давало в долгосрочный кредит государство – на 49 лет под 6% годовых.
5. Выкупные сделки совершались, как правило, с крестьянской общиной, а платил крестьянин-домохозяин.
6. Крестьяне в течение 9 лет не могли отказаться от своего земельного надела и выйти из сельской общины.
7. Устанавливался механизм реализации крестьянской реформы, который состоял в следующем:
 - утверждался специальный институт мировых посредников, назначавшихся из дворян;
 - мировые посредники в течение двух лет, совместно с сельскими старостами, составляли уставные грамоты, в которых фиксировались условия освобождения каждой крестьянской семьи и наделение крестьянина-домохозяина землей.